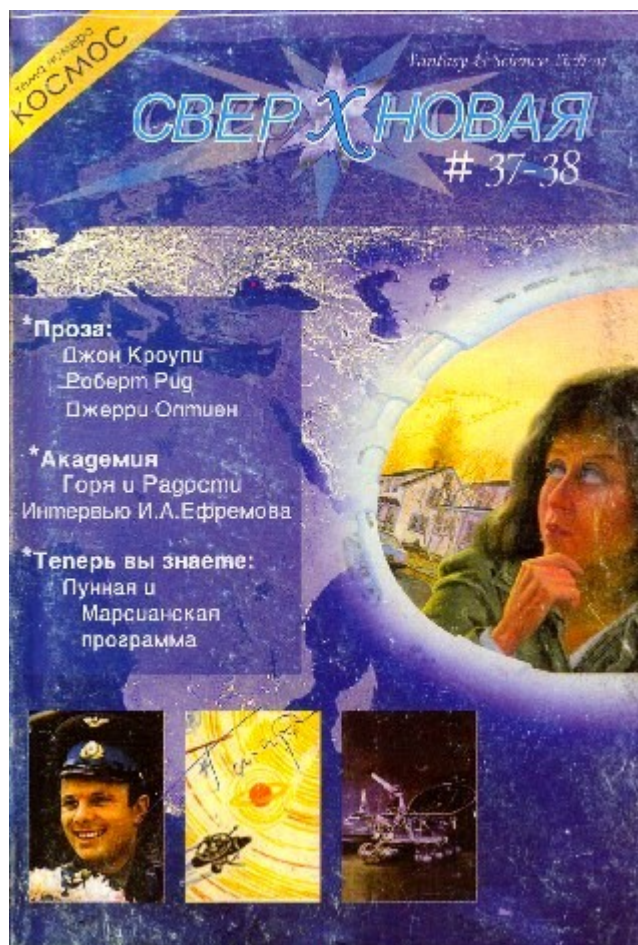

**Джон Кроули Тимонс Эсайас Джон Морресси
Дэвид Хилл Дейл Бейли Роберт Рид Марк Бурн
Джерри Олтиен**

Сверхновая. F&SF, 2004 № 37-38 (выборочно)

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 37

Scan, OCR, SpellCheck, Formatting: Хас, 2008
<http://publ.lib.ru/ARCHIVES/>

«Журнал «Сверхновая. F&SF» № 37-38, 2004»: The Magazine of
Fantasy and Science Fiction. Сверхновая американская фантастика; 2004

Сверхновая. F&SF, 2004 № 37-38

*Выходит с июля 1994 г.
<http://supernova.netclub.ru>*

ПРОЗА

Джон Кроули
ПРОПАЛИ¹

Перевела Марина Трубилина

С нова элмеры. Изводит само их ожидание: думаешь, если тебя пропустили в прошлый раз, то уж на этот выберут обязательно, хоть и никто не знает, на каких основаниях ведется отбор. Известно лишь, что в атмосфере снова была обнаружена капсула (одним из тысяч спутников-шпионов и следящих устройств, с прошлого года не сводящих свои объективы с корабля-матки на орбите Луны). Хоть капсула и сгорела в атмосфере, все произошло как и в прошлый раз: вскоре повсюду появились элмеры. Можно было надеяться, что лично вас это не затронет — ведь кое-кого они пропустили тогда, несмотря на то, что никого из близких и соседей нашествие не обошло, и тема элмеров время от времени вновь всплывала в новостях, хотя, по сути, сказать о них было нечего — оставалось лишь по-прежнему строить догадки. Но все равно ловишь себя на том, что то и дело выглядываешь в окно и прислушиваешься, не позвонят ли в дверь посреди дня.

Когда этот звонок все же раздался, Пэт Пойнтон, которая меняла белье в спальне детей, не понадобилось выглядывать в единственное окно, из которого была видна входная дверь. Подсознательно она тут же услышала, как заливаются и тотчас затихают звонки в каждом втором доме на Понадер Драйв и в Саут Бенд. “А вот и ко мне”, — подумала она.

Их стали называть элмерами (или Элмерами) по всей стране после

1 © John Crowley. Gone. F&SF, September 1996.

того, как Дэвид Бринкли рассказал на ток-шоу примечательную историю. Сразу после открытия знаменитой Всемирной выставки в Нью-Йорке в 1939 году ее организаторы поняли: люди из такой глубинки, как Дюбук или Рэпид Сити, или там Саут Бенд ни за что не поедут на восточное побережье и не станут выкладывать пять долларов, чтобы поглазеть на заморские чудеса (мол, не про нашу это честь). И потому устроители выставки наняли множество неприметных людей, напялили на них очёчки и приличные галстучки, после чего разослали повсюду просто поболтать о выставке. Те притворялись обычными людьми, повидавшими всю экспозицию, — нет, сэр, никого там не облапошили, мы отлично повеселились, и жена тоже, и, черт побери, узрели такое Будущее!.. Пять долларов, уверяем вас, не так много, тем более, что в цену входят билеты на все представления и обед. Всех этих людей организаторы выставки для простоты дела нарекли Элмерами.

Пэт стало интересно, что будет, если она просто возьмет и не откроет дверь. Уйдет он со временем? Разумеется, он не попытается войти силой. Такой пухленький и с виду кроткий (в окошко над лестницей она уже увидела, что он не отличается от остальных), — как же это они, в конце концов, проникали в дома? Насколько она знала, лишь очень немногие сумели устоять. Быть может, они усыпляли бдительность людей, даже гипнотизировали их с помощью какой-нибудь химии? Кнопку дверного звонка нажали вновь (робко, едва-едва, с надеждой), Пэт прислушалась с некоторым раздражением и все-таки с интересом: кто откажется, в конце концов, от предложения обзавестись собственным газонокосильщиком, уборщиком снега, пыльщиком дров, хотя бы до тех пор, пока эта история будет продолжаться?

— Постричь газоны? — спросил он, когда Пэт открыла дверь. — Вывезти мусор? А, миссис Пойнтон?

И тут, глядя на него через наружную сетку двери, Пэт неожиданно поняла причину своей неприязни к элмеру. Он слишком отличался от человека. Его, казалось, сконструировали похожим на человека из частей других существ, но те, кто это сделал, так толком и не разобрались, что же считают человеческим сами люди. Когда элмер говорил, его губы шевелились (*ротовое отверстие должно двигаться, когда производится речь*), но звуки, кажется, исходили не изо рта — вообще неизвестно, откуда.

— Вымыть посуду? Миссис Пойнтон?

— Нет, — ответила она, как проинструктировали всех граждан. — Уходите, пожалуйста. Большое спасибо.

Конечно, элмер не ушел, он стоял на ступеньке, переминаясь, как непонятливый ребенок, как девочка-скаут, у которой не купили бальзам “Белая Роза” или печенье.

— Большое спасибо, — сказал он тем же тоном. — Нарубить дров? Принести воды?

— Ну, хорошо, — Пэт беспомощно улыбнулась.

Кроме правильного ответа элмеру, на котором, впрочем, почти никто не мог настаивать, всем было известно, что элмеры не были настоящими обитателями Материнского Корабля (невооруженным глазом различимого на фоне Луны), но были ими созданы и посланы на разведку. Ученые и чиновники именовали их артефактами; предположительно, их организмы имели белковую основу; голова ли, сердце ли функционировали благодаря каким-то химическим процессам; быть

может, ими управляли компьютеры на основе ДНК или нечто еще более инопланетное. Однако никто не знал, почему элмеры первой волны — вероятно, с дефектом конструкции — разрушились так быстро, оседая и тая, как снеговики, всего через неделю или две стрижки газонов, мытья посуды и надоедания людям своим Билетом Лучших Пожеланий, разрушились, иссохнув и превратившись в ничто, как сахарная вата во рту.

— Билет Лучших Пожеланий? — спросил элмер у двери Пэт Пойнтон, протягивая ей кусочек чего-то, что не было бумагой, кусочек материала, на котором был написан, или напечатан, или каким-то другим неизвестным образом запечатлен короткий текст. Пэт не стала читать его, в этом не было необходимости, — к появлению элмеров второй волны эту записку все давно уже знали наизусть. Иногда, лежа в кровати по утрам, в самый неприятный час, перед тем как встать, разбудить детей и отправить их в школу, Пэт повторяла этот текст как молитву, — текст, который, похоже, рано ли, поздно ли, вручат всем в мире.

**НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ
ВАМ ОТМЕТИТЬ НИЖЕ
ВСЕ СОВСЕМ ХОРОШО И БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ
ПОТОМ ПОЧЕМУ НЕ СКАЗАТЬ “ДА”
ДА**

Для ответа “нет” места не было, что означало (при условии, конечно, что это действительно было голосование, хотя Пэт и не представляла себе, как можно утверждать это с уверенностью, но эксперты и официальные лица считали это именно голосованием — за то, разрешить ли спуск Материнского Корабля и прибытие его невообразимых обитателей или пассажиров) — вы можете только отказаться взять Билет у элмера, решительно покачав головой и сказав “нет” — твердо, но вежливо, — потому что даже просто взятие Билета Лучших Пожеланий могло быть приравнено к ответу “да”. И хотя что именно произойдет после, никто себе не представлял, авторитеты все больше склонялись к мнению, что “да” означает согласие на Завоевание Мира или, по крайней мере, отказ от сопротивления.

Впрочем, стрелять в элмера тоже не стоило. В Айдахо и Сибири, по слухам, такое случалось, но выстрел-два, как оказалось, не оказывали на них ни малейшего воздействия, элмеры ходили, пробитые пулями насквозь, как герои комиксов про Сыщика-Следопыта, и застенчиво улыбались возле окон: сгрести опавшие листья? Поработать во дворе? Пэт Пойнтон была уверена, что Ллойд стрелял бы не колеблясь и был бы просто счастлив, что кто-то живой или, во всяком случае, что-то движущееся и явно угрожающее свободе наконец появилось перед ним, чтобы быть убитым. В холле в ящике столика Пэт все еще хранила револьвер “Глок” тридцать пятого калибра, принадлежавший Ллойд. Тот дал ей понять, что хотел бы вернуть свою вещь, но она не позволит ему зайти в дом, скорее сама направит пистолет на него, окажись он поблизости. Хотя вряд ли она осмелится. Пока еще нет.

— Помыть окна? — сказал элмер.

— Окна, — повторила Пэт, чувствуя себя неловко, как человек, которого комедианты незаметно вовлекли в разговор с куклами; и теперь зрители потешаются уже над ней. — Вы умеете мыть окна?

Он только покачивался перед ней, как большая надувная игрушка.

— Хорошо, — согласилась она, и как-то сразу успокоилась, — Хорошо, входите.

Удивительно, как ловок он оказался: он легко перемещался среди нагромождений мебели, будто обладал отрицательным зарядом по отношению к ней — казалось, он вот-вот натолкнется на плиту или холодильник, но в последний момент его словно что-то мягко отталкивало и столкновения не происходило. К тому же он сжимался или становился тоньше там, где было узко, а там, где было посвободнее, вновь обретал прежний размер.

Пэт села на кушетку в общей комнате и занялась наблюдением. Было просто невозможно заниматься другими делами. Не смотреть, как он берется за дужку ведра, как открывает крышку бутылочки с моющими средствами, и, кажется, по запаху определяет нужное; как берет щетку для мытья окон с резиновой пластинкой и вставляет губку. “До чего же огромен этот мир, эта вселенная, — думала Пэт (такая мысль приходила почти к каждому, кто, сидя ли на тахте в гостиной, находясь в огороде ли, во дворе ли, или где-нибудь ещё, наблюдал, как элмер второй волны, сориентировавшись, берется за работу), — как много мы не знаем; как повезло, что я вижу всё это”.

И так повсюду: все дела по хозяйству выполнялись, а люди, обычно сами ими занимавшиеся, сидели сложа руки и смотрели, испытывая чувства благодарности и радости, и не только оттого, что всё по дому переделано. Какое-то благоговение, прилив чувства общности, ничего похожего на которое никогда раньше не было — ведь лишь в самые древние времена на всех была одна шутка, один рассвет, одно развлечение, — это было такое чудо! Но, засмотревшись, Пэт Пойнтон не услышала сигнал школьного автобуса.

Обычно она, ожидая детей, начинала поглядывать то на стенные, то на наручные часы еще за полчаса, как, бывает, то и дело просыпаешься, чтобы посмотреть, скоро ли зазвонит будильник. Она договорилась с водителем, что он будет выпускать ее детей, лишь посигналив перед этим. Тот обещал. Она не объясняла, почему так надо.

Но сегодня звук сигнала погрузился в её подсознание, и прошло, может быть, минуты три, когда Пэт, наконец, восприняла его и с ужасом осознала. В мгновение ока она очутилась за дверью, сбежала по ступенькам крыльца и в этот момент увидела, как в конце квартала дети залезли в “Камаро”, машину Ллойда, и замок дверцы мягко щелкнул за ними (Пэт тотчас поняла, что настырное урчание этой машины доносилось уже несколько минут). Вишневая спортивная машина — вторая и более любимая жена Ллойда — хлопнула глушителем, отчего взлетели опавшие листья в придорожной канаве, и прыгнула вперед так резко, будто её пнули.

Пэт пронзительно вскрикнула и стала отчаянно озираться в поисках помощи, но вокруг не было ни души. Перескакивая через две ступеньки, совершенно обезумев и всё еще зовя на помощь, она взбежала по лестнице и влетела в дом, уронив симпатичный маленький телефонный столик; телефон разлетелся на части, столик перевернулся вверх ножками, выдвинув, как челюсть, ящик, откуда вывалился револьвер. Пэт схватила пистолет и, потрясая им, помчалась вниз по улице, во всеуслышание выкрикивая имя “Ллойд Пойнтон” вперемешку с проклятиями и непристойностями, неслыханными в её устах, но “Камаро”

был, конечно, слишком далеко.

Пропали. Пропали пропали пропали. Мир потемнел, и тротуар ринулся ей в лицо. Она стояла на коленях, не понимая, мутило её или она теряла сознание.

Потом поднялась на ноги. Как это тяжелое, как молоток, оружие очутилось в её руке? Пэт направилась обратно к дому, положила револьвер в подвергшийся насилию столик, и наклонилась, чтобы собрать рассыпавшийся телефон, который жалобно, но упрямо хныкал.

Звонить в полицию нельзя; Ллойд предупреждал, тихо, едва слышно, пронзая её взглядом, — он всегда так говорил, желая, чтобы сказанное звучало неумолимой угрозой — что, если она посмеет впутать полицию в его семейные дела, он поубивает всех. Пэт до конца не верила этим словам, да и вообще ему не верила, но он так сказал. Она вообще не верила его увлечению христианским возвратом в лоно природы. Вряд ли он повезет детей в горы — жить в избушке охотой на лосей, как угрожал или обещал. Скорее всего, дальше дома свекрови они не уедут.

Пожалуйста, Господи, сделай так.

Улыбающийся элмер все время маячил поблизости — случайный гость, свидетель семейных сцен, ~ а она хлопала дверьми, бегая по комнатам, надевала и вновь снимала пальто, сидела в рыданиях у кухонного стола, не в силах разыскать радиотелефон. Наконец откопав его, она позвонила своей матери и, захлебываясь в слезах, обо всем ей рассказала. Потом — сердце тяжело бухало — она позвонила ему. А ведь с элмерами не знаешь (Пэт думала об этом, ожидая, когда же закончится длинная запись радостного голоса свекрови на автоответчике), как себя вести: или вам не пристало показывать перед ними свои чувства, как перед слугами; или же это не зазорно, как перед домашними животными. Вопрос праздный: ей больше нечего скрывать.

После сигнала автоответчик начал записывать ее молчание. Пэт дала отбой, так и не сказав ни слова.

Ближе к вечеру она, наконец, села в машину и проехала через город в район Мишивака. Окна в доме свекрови темные, машины в гараже нет. Пэт наблюдала долго, пока совсем не стемнело, потом вернулась домой. Повсюду, в каждом доме должны были работать элмеры, — стричь газоны, стучать молотками, толкать коляски с детьми. Но она не увидела ни одного.

Ее собственный был там, где она его оставила. Окна мерцали, будто покрытые серебряной пленкой.

— Что? — спросила она его. — Ты хочешь что-то сделать?

Элмер слегка качнулся в готовности и выпятил грудь, продолжая улыбаться.

— Верни моих детей, — сказала она. — Иди найди их и приведи обратно.

Он вроде бы заколебался — кидаться ли выполнять поручение сразу или остаться и подождать разъяснений — и развел в стороны свои трехпалые, смешные, как у героев мультфильмов, руки. Про элмеров было известно, что мстить за вас или восстанавливать справедливость они не станут. Люди-то просили, они ждали ангелов мести, не сомневаясь, что заслуживают их. И Пэт не была исключением. Ей требовался такой немедленно.

Какое-то время она негодуя смотрела на элмера; а потом попросила забыть просьбу и простить ее, — мол, просто неудачно

пошутила; здесь и впрямь ничего не поделаешь, просто забудь это, для тебя работы больше нет. Пытаясь его обойти, она шагнула в сторону — элмер повторил её движение, тогда она метнулась обратно и, обогнув элмера, прошла в ванную, отвернула воду в раковине на полную мощность, и через секунду, наконец, пришла тошнота, выворачивающий спазм, но желудок был пуст и ничего, кроме бледной слюны, не изверглось наружу.

Ближе к полуночи она выпила пару таблеток и включила телевизор.

И первое, что увидела, были два кружащихся в небе парашютиста, их оранжевые костюмы струились от ветра. Парашютистов относил вместе, рука одного была на плече другого. Земля лежала так далеко внизу, что походила на карту. Диктор сказал — неизвестно, что у них случилось и в чем была проблема, — и в этот момент один ударил второго по лицу. Они вцепились друг в друга. И сразу закувыркались в воздухе, полуобнявшись одной рукой в страстном или яростном порыве за шею и сплетая пальцами свободной руки, будто в армрестлинге или танце, чтобы помешать раскрыть парашют. Диктор сказал, что на это в ужасе смотрят тысячи людей внизу, на земле, и, действительно, Пэт услышала их, стон или крик тысяч людей, крик ужаса, смешанный с жадным любопытством, в то время как два парашютиста — в смер-р-р-р-тельной схватке, как сказал диктор, — падали на землю. Камера на вертолете потеряла их, но сразу нашла наземная, нашла единое существо, с четырьмя дергающимися ногами; камера следовала за ними почти до самой земли, когда люди внезапно выросли перед объективом и закрыли поле зрения, но толпа вскрикнула, и кто-то прямо рядом с камерой сказал *“Сущий ад!”*.

Пэт Пойнтон уже видела эти фрагменты. Для их показа пару раз прерывали сериалы. Нажала соседнюю кнопку на пульте. Дьявольского вида негры в мешковатой одежде и темных очках угрожающе наступали под ритм тяжелого рока и указывали на неё пальцами. Она снова переключила канал. Полицейский на городской улице — она узнала собственный город — накрывал простыней убитого. На грязной мостовой осталось темное пятно. Пэт вспомнила о Ллоиде. Ей показалось, что в конце квартала за угол заворачивает элмер.

Еще переключение.

Это был мирный канал, по которому Пэт часто смотрела пресс-конференции или выступления политиков. Иногда пробуждаясь от полусна, она видела, что встреча окончилась или началась новая, что важные люди уехали или еще не прибыли. Спины вездесущих репортеров и чиновников, вполголоса обсуждавших текущие вопросы. Сейчас седовласый сенатор с выражением утонченной грусти на лице выступал в Сенате. “Приношу извинения данному джентльмену, — сказал он, — Я беру назад слово “сопляк”. Я не должен был так говорить. Употребляя это слово, я имел в виду: самонадеянный, бесчувственный, эгоистичный, высокомерный, подло наслаждающийся поражением ваших оппонентов и задетый вашими успехами. Но я не должен был говорить “сопляк”. Беру назад слово “сопляк””.

Другой канал. Два парашютиста снова падают на землю.

“Что же с нами происходит?” — думала Пэт Пойнтон.

Она стояла с черным пультом в руке, волна тошноты снова подступила к горлу. Что же с нами происходит? Ей показалось, что её засасывает холодная грязь; не хотелось быть здесь больше ни секунды,

здесь, среди всего этого. Видать, она совсем не от мира сего. Её существование было какой-то ужасной, отвратительной ошибкой.

— Билет Лучших Пожеланий?

Она повернулась к элмеру, серому сейчас в свете телеэкрана. Он протягивал ей маленькую пластинку или табличку. Все совсем хорошо и большая любовь потом. И в мире не было причины для отказа.

— Хорошо, — сказала она. — Хорошо.

Он подошёл ближе. Табличка в полутьме сливалась с его ладонью. Пэт нажала большим пальцем против квадратика “ДА”. Маленькая табличка слегка подалась от ее нажатия, как одна из тех новомодных мягких кнопочек на приборах, на ощупь неотличимых от теплой кожи. Её голос, наверное, зарегистрировали.

Элмер не изменился, не изобразил ни удовлетворения, ни благодарности, не выразил вообще ничего, кроме бессмысленного, если так можно выразиться, восторга, излучаемого им с самого начала. Пэт снова села на кушетку и выключила телевизор. Достав шерстяной плед (его связала мать Ллойда) и закутавшись, она ощутила легкую эйфорию от свершенного, хотя, что именно сделала, она не представляла. И заснула (таблетки, наконец, подействовали) под неотступным наблюдением элмера, в свете уличных фонарей, полосовавших комнату тенями до тех пор, пока не настал серый рассвет.

Её внезапный выбор можно было бы назвать безответственным, если бы необходимость сделать его, как и у многих других, не ощущалась ею так остро; во всем мире, как показывали опросы, голосование шло резко против жизни на земле — такой, как мы ее понимаем, в пользу чего-то, что означало это “да”, по поводу которого мнения расходились. Телевизионные пройдохи и прочие репортеры отмечали все возрастающее число проголосовавших, и все — от правительственных инстанций до авторов газетных передовиц — сходились на том, что это трусливое нежелание сопротивляться есть признак упадка, социальной болезни, возмутительно нечеловеческого поведения: газеты говорили о тенденции к безмолвной капитуляции теми же выражениями, какими рассказывали истории о женщинах, бросивших своих детей или мужчинах, застреливших своих жен для удовольствия любовниц, или о снайперах в далеких глухих местах, которые подстреливают старушек, собирающих хворост. Но действительно смешно было видеть (смешно самой Пэт и всем вроде нее, кто сделал свой выбор, чувствуя веление души) на прежде спокойных, загорелых лицах экспертов и репортеров совершенно другой, новый взгляд, какой-то растерянный, прежде им вовсе не свойственный, встречавшийся только в жизни, не на телеэкране — точнее Пэт Пойнтон не могла его описать, но так смотрят пришедшие к вам за помощью дети.

В мире и на самом деле все разладилось, всё больше людей поддавались искушению послать всех и всё к черту. Но, с другой стороны, столь же многие сейчас стремились встряхнуться и привести свою душу в порядок, по принципу, в соответствии с которым вы прибираетесь в доме перед приходом уборщицы. Появление элмеров заставило увидеть, что жить в мире и сотрудничестве гораздо лучше, чем драться, тянуть одеяло на себя и перекладывать рутину на других. Именно для этого они, может быть, и были посланы.

Вскоре они исчезли. Стоило Пэт Пойнтон подписать, или отметить, или принять Билет Лучших Пожеланий, как её элмер потерял бодрость, и к вечеру следующего дня, хотя и успев довести до конца почти

бесконечный список дел, которые Пэт уже и не надеялась переделать, он стал заметно медлить. Он всё улыбался, кивал головой, как слабоумный старик, да к тому же начал ронять инструменты и наталкиваться на стены. Наконец Пэт, вовсе не желая видеть, как он растает у неё на глазах, считая, что она попросту не обязана за этим наблюдать, объяснила (понятными словами, как втолковывают подросткам, остающимся дома с малыми детьми, и недавно нанятой прислуге, приехавшей невесть откуда и неважно знающей английский), что ей нужно будет выйти ненадолго, но она скоро вернется. Выехав из города, она так и доехала не останавливаясь за пару часов до озера Мичиган.

Оглядывая озеро и гряды дюн, она поняла, что стоит именно там, где они раз были с Ллойдом, но он не первый обманщик в этом мире, а лишь последний в ряду, сколь длинном, столь и печальном. Болваны. Да и она сама тоже была невероятной душой.

Вдали, на склоне горы, спускающейся к серебристой воде, она различила темные ели. Вот туда он собирался или грозил уйти. Ллойд был одним из истцов в успешной тяжбе против компании, каждый сотрудник которой рано или поздно зарабатывал профессиональное нервное расстройство. Его оно тоже задело (не слишком сильно, насколько могла судить Пэт, но достаточно, чтобы он оставался до конца процесса с группой, требовавшей повышения компенсации). И добился-таки: хоть его и уволили, но он стал владельцем классического “Камаро” и двадцати акров горного леса. И получил массу времени на раздумья.

“Верни их, ублюдок”, — подумала Пэт, в то же время обвиняя во всем себя: так поступать она не должна была ни в коем случае, следовало предпринять что-то другое, она слишком сильно любила своих детей, а может быть, недостаточно сильно.

Они вернут её детей; она почувствовала неодолимую уверенность, подавляя в себе проблески здравого смысла. Она отдала голос за невообразимое будущее, но она проголосовала за него только по одной причине: там будет — должно быть — всё, что она потеряла. Всё, чего она хотела. Вот зачем были посланы элмеры.

Она вернулась в сумерках и обнаружила спавшуюся оболочку элмера, странно вытянувшуюся вдоль коридора и даже вниз по лестнице в гостиную, словно кто-то случайно выпустил пену из огнетушителя, и пена эта пахла как свежий, намазанный маслом тост (Пэт подумала, что другим показалось бы иначе). Тогда она позвонила по неоднократно сообщавшемуся населению бесплатному номеру.

И больше ничего. Других элмеров не появлялось. Если уж к вам не пришли, визита ждать напрасно, хотя и непонятно, почему обошли именно вас, при этом постучав почти в каждую дверь. Впрочем, уж вы-то не поддались бы на их уговоры. И вскоре стало ясно, что их больше не будет — неважно, как именно их встретили бы — потому что Материнский Корабль, или, как там они его называли, тоже пропал: не улетел в том или ином направлении, оставляя след, но постепенно исчез, становясь все менее отчетливым в объективах разных следящих устройств. Он давал всё более слабый сигнал, мерцал, терял плотность; сквозь него проступили звезды, а потом остались только они. Пропал. Пропал пропал пропал.

И ради чего мы должны были согласиться, ради чего мы отказывались от самих себя, от чувства хозяев собственной судьбы, пренебрегали обязанностями по дому и долгом перед другими людьми? Повсюду люди задавались вопросом, в поисках ответа на который

появилась вера брошенных и покинутых, ожидавших, что вот-вот на них снизойдет чудо, но вдруг осознавших, что впереди нет ничего, кроме долгого, может быть, более долгого, чем жизнь, ожидания, и что небеса опустели. Если целью было просто лишить нас покоя, сделать неспособными ни на что, кроме ожидания, кроме надежды, что все разрешится само собой, то, возможно, они достигли цели; но Пэт Пойнтон была уверена, что они дали обещание, и сдержат его: вселенная была не настолько чуждой и непредсказуемой, чтобы такой визит произошел и ни к чему не привел. Как и тысячи других людей, она лежала без сна в эту ночь, глядя в ночное небо (собственно, она глядела в потолок спальни в своем доме на Понадер Драйв, выше или за которым было ночное небо) и повторяя про себя короткий текст, с которым согласилась, который приняла: *“Наилучшие пожелания. Вам отметить ниже. Всё совсем хорошо и большая любовь потом. Почему не сказать да?”*

Наконец она встала, затянула пояс халата, спустилась по лестнице (в доме совсем тихо, тише, чем раньше, когда она вставала в пять часов, готовила кофе, принимала душ, одевалась, бралась за работу, а дети и Ллойд еще спали), накинула поверх халата куртку и босиком вышла во двор.

Была уже не ночь, но светлый октябрьский рассвет, ясное небо казалось светло-зеленым, воздух был совершенно неподвижен; а листья почему-то опускались вокруг Пэт, по одному, по два опадая с ветвей, за которые держались так долго.

Боже, до чего же прекрасно вокруг, прекрасно как никогда; да она не была здесь раньше, решила Пэт, а может слишком старалась здесь закрепиться, чтобы заметить эту красоту.

Всё совсем хорошо и большая любовь потом. Когда же начнется это “потом”? Когда?

И тут она услышала странный шум далеко в вышине, шум, который, напоминал залиvistый лай собак, или крики детей, вырвавшихся из школы, — но нет, не похоже. На какое-то мгновение она позволила себе поверить (все готовы были верить), что началось вторжение, что приближается обещанное. Потом на небе с севера появилось какое-то тёмное пятно, и Пэт увидела, что вверху, над головой пролетает большая стая гусей, и это они перекликались в вышине, хотя, казалось, их громкие клики доносились отовсюду.

Летят на юг. Большой неровный клин развернулся на полнеба.

— Далеко ж вам лететь! — сказала она вслух, завидуя их полету, их бегству; и думая — нет, они не бегут, по крайней мере, не с Земли, они сами земные, здесь родились и поднялись в воздух, и умрут здесь же, они просто выполняют свой долг, крича, быть может, чтобы подбодрить друг друга. Земные, как и она.

И тут, когда они пролетали над ее головой, она поняла; как — никогда не могла объяснить, потом она только вспоминала этих гусей, их клики, которыми они подбадривали друг друга в полете. Она поняла: коснувшись своего Билета Лучших Пожеланий (она как будто видела его наяву, в руке бедного умершего элмера) она вовсе не покорилась, не сдалась и не подчинилась, никто из нас этого не сделал, хотя мы так думали и даже надеялись на это. Нет, она дала обет.

“Ну конечно же”, — будто озарило её, и не её одну. Если бы это можно было видеть, то с орбиты могло показаться, что повсюду зажигаются огни навстречу рассвету.

Никто не давал ей обещаний — это она подтвердила свои наилучшие пожелания. Она сказала “да”. И если она сдержит обет, то всё будет хорошо, и следом придёт любовь: так хорошо, как можно только мечтать.

— Ну конечно, — сказала она снова, и подняла глаза к небу, еще более опустевшему теперь. Не предательство, а обет; взять себя в руки, а не опустить их. Хорошо будет ровно до тех пор, пока мы без посторонней помощи будем его выполнять. Всё совсем хорошо и большая любовь потом.

Почему они пришли, почему они так стремились объяснить нам то, что мы знали всегда? Кем мы были для них, чтобы так печься о нас? Вернутся ли они еще, чтобы проверить, как мы выполнили обет?

Она вошла в дом, на босых ногах поблескивали капли ледяной росы. Долго стояла на кухне, позабыв закрыть дверь, и потом подошла к телефону.

Трубку сняли, не дождавшись второго звонка. Голос мужа: “Алло...” Все непролитые слезы последних недель, а, может быть, всей её жизни, собрались в один ужасный ком в её горле; но она все-таки не будет плакать, нет, не сейчас.

— Ллойд, — сказала она. — Ллойд, послушай. Давай поговорим.

Тимонс Эсайас
СУДНЫЙ ДЕНЬ²
Перевела Дарья Нипотп

Расстояние = 34,754,400 км

— Телескоп зафиксировал неизвестный движущийся объект этой ночью.

— Хм-м. Перемещение незначительное, в пределах погрешности.

— Это или ошибка, или настоящее открытие.

— Давай еще раз посмотрим? Для верности.

— Обязательно.

Расстояние = 30,892,800 км

— Да-а, видимость всю ночь нулевая. Туман, низкая облачность. Даже луны не видно.

— Что ж, завтра будет новый день.

— Да-а.

Расстояние = 27,031,200 км

— Ура! Он таки движется.

— Совершенно верно.

— Давай занесем его в каталог и оповестим всех. Посмотрим, может удастся рассчитать параллакс. Господи, пусть это будет планета!

- Как же. Обычный камушек, к тому же очень далеко.
- Даже помечтать нельзя? Я бы предпочел планету.
- Именем какой из своих девушек ты бы ее нарек?
- Еще не решил.
- Сынок, тебе планета пока явно ни к чему.

Расстояние = 23,169,600 км

- Чёрт.
- Точно.
- Что-то мне не нравится эта траектория.
- Точно.
- Пора сообщить североамериканской ПВО.
- Угу. И русским лучше расчехлить свои лазеры.

* * *

Срочное сообщение АП

ЧЕЙЕН, Вайоминг (Ассошиэйтед Пресс) Объединенное командование североамериканских сил противовоздушной обороны сообщает, что к земле приближается комета или метеор, возможно очень близкое прохождение или столкновение, повторяю, столкновение через шесть дней (четверг), [следует развернутое сообщение.] [Далее — интервью с астрономами.]

Расстояние = 19,308,000 км

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО: ТОЛЬКО ДЛЯ АГЕНСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. По оценке ПВО США, объект упадет в границах Северной Америки. Точное место столкновения не установлено, но по текущим расчетам область поражения — Лас-Вегас. Определить уровень вероятного ущерба, не зная массы объекта, не удастся. Возможны катастрофические разрушения.

* * *

“Если дело запахнет керосином, они просто расстреляют его ядерными зарядами, разнесут на мелкие камушки. Посмотрим, кто первый попадет — мы или эти русские”.

* * *

“При той чертовой уйме денег, что мы отдаем на налоги, могли бы и поточнее сказать, упадет он нам на голову или нет. Знаешь, сколько они теперь загребают? Половину! Я не шучу, половину! Если посчитать, сколько берут федеральные службы, и городские, и окружные, и на уровне штата, от которых толку чуть, и служба социального страхования, которой никогда нет рядом, когда она больше всего нужна... Знаешь, я уверен: они просто ищут повод содрать с нас побольше денег. “Защитим себя от метеоров” или еще какая-нибудь дребедень”.

* * *

- Итак, дети, что такое метеор? Сара?
- Это — знамение Господне.
- Правильно. И о чем говорит это знамение? Кто скажет?

* * *

Водолей: Вас ждут новости о таинственном незнакомце, который может изменить вашу жизнь.

Рыбы: Следите за калориями. Самовосприятие имеет большое значение.

* * *

В седьмом забеге ставки на Метеоритный Дождь поднялись от шестнадцати к одному до трех к одному.

* * *

“Нет, Слинки-пу, беспокоиться не о чем. Военные уверяют, что русские могут расщепить все, что меньше Луны. Лазерами, такими как в лазерной хирургии, о которой все говорят, только больше. Да, даже если мы его не подорвем, они его размельчат и раздробят, и продадут нам на сувениры. Так что ты делаешь сегодня вечером?”

Расстояние = 15,446,400 км

— Мы получили подтверждение от НАСА, что столкновение вероятно, господин Президент. Но до последнего момента невозможно рассчитать влияние Луны на движение метеора. А тогда будет слишком поздно что-либо предпринимать. С наибольшей вероятностью удар придется на штаты Юта и Невада.

— В таком случае, полагаю, вы хотите, чтобы я дал разрешение на ядерное упреждение?

— Не совсем так, сэр. У нас нет ракет, которые могли бы доставить бомбу в открытый космос. Можно было установить что-нибудь на шаттлах, знай мы заранее. Но даже на их заправку уйдет больше времени, чем нам отпущено. — А что насчет русских лазеров?

* * *

- Кто назвал его “Фредди”? До чего глупо!
- Ну, не знаю. Впрочем, я знал одну девчонку, по имени Фредди, так она была настоящей катастрофой.
- Что, правда?

* * *

— Надо сказать, со стороны этих астрономов говорить о метеоре открыто было совершенно безответственно. Такие сложные расчеты нам не под силу, а люди будут паниковать попусту. Уже сейчас у некоторых

случаются сердечные приступы, иногда с летальным исходом, из-за этого недостаточно достоверного, с точки зрения статистики, заявления!

[Аплодисменты]

— Напротив, Фил. Это — элементарная физика. Вычислять траекторию полета объекта в космосе умеют со времен Ньютона...

— И НЬЮТОН ОШИБАЛСЯ! Эйнштейн доказал это. А ваши физики не в состоянии даже решить задачу о трех телах, а с луной и солнцем их уже ЧЕТЫРЕ.

— Если вы позволите мне закончить...

* * *

“Нет, я не уеду. Попробуй понять, такой уж у меня характер. Я не стану менять свою жизнь, даже если мне объявят, что небо рушится. Для меня очень важен мой дом, мое окружение”.

* * *

“Конечно, я убираюсь отсюда. Никогда не хотел оказаться под камнепадом”.

* * *

— Товарищ Председатель, э-э, я хотел сказать, товарищ Президент, он наверняка упадет на Землю. Маршал Цоилковский из ПВО подтверждает это.

— Таким образом, мы убьем сразу двух зайцев: США придется выразить нам благодарность, а старые ракеты мы заменим новыми.

— Не выйдет, товарищ Председатель. Мы можем их использовать, но они поразят метеор только, когда он достигнет орбиты Луны.

— Что с того?

— Это произойдет только за три часа до столкновения. Не хватит времени, чтобы что-то изменить. К тому же, мы не сумеем попасть точно в метеор, только взорвем ракеты около него, а в открытом космосе это не даст желаемых результатов. Отколем от него куски, которые на нас же и упадут!

— Но должны же мы сделать хоть что-то? Подождите, я позвоню в Белый Дом.

* * *

Одинокая белая женщина, около тридцати лет, ищет чувственного, неутомимого партнера с богатым воображением, чтобы провести вместе вечер Столкновения. Код #1047

* * *

Здравствуйте. Вы позвонили в Аспен, информационное бюро для туристов в Колорадо. Из-за повышенного интереса к возможному падению метеорита, все коттеджи, гостиницы и отели штата заполнены до отказа. Мы сожалеем, что не можем предоставить ни одного места до истечения трех недель с момента Столкновения. Если вы хотите заказать комнату

после указанного срока, пожалуйста, не кладите трубку.

Расстояние = 11,584,800 км

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ (АП) В 07:00 по общеевропейскому времени русская ПВО начнет запуск межконтинентальных баллистических ракет в направлении приближающегося метеора. 100 (сто) ракет будут выпущены с интервалом в десять минут по договоренности с ПВО США. НАСА заявило, что двадцать специально подготовленных ракет будут запущены завтра, чтобы поддержать усилия русских. Продолжаются переговоры с Китайской Народной Республикой. Израиль отрицает наличие ядерного оружия. Ожидается объявление полной готовности в рамках гражданской противовоздушной обороны.

* * *

— Этот метеор так же велик, как и тот, что убил динозавров?

— Во-первых, я хочу обратить ваше внимание на то, что теория об уничтожении динозавров метеоритом полна неточностей. Думаю, в итоге эта смехотворная идея будет пылиться на задворках истории...

* * *

— Готовы ли Соединенные Штаты к появлению Фредди?

— Об этом вы узнаете из “Новостей Очевидцев” сегодня в полдень, в День Четвертый до Столкновения.

* * *

“Я хочу, чтобы американцы поняли, что делается все возможное. Оснований для паники нет, а если перестараяемся, ничего хорошего не выйдет”.

* * *

**ЛИЦО ЭЛВИСА ЧЁТКО ВИДНО НА МЕТЕОРИТЕ
КОРОЛЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ?**

* * *

— Итак, профессор, давайте пофилософствуем. Как вы думаете, что говорит метеор об Америке девяностых?

— Ничего.

* * *

“Я так думаю: если правительство предупредит нас о том, что надо уезжать, то оно должно взять на себя ответственность за нашу эвакуацию. Пусть купят билеты, предоставят нам военные самолеты или еще что-нибудь. Если они не собираются за нас платить, зачем нам принимать это всерьез?”

Расстояние = 7,723,200 км

- Это ваш автобус?
- Мой собственный автобус.
- А чем конкретно вы занимаетесь?
- Беру всех, кто хочет жить, и перевожу через горы в Денвер, где сажаю их на автобусы или поезда на восток.
- И все это за ваш счет?
- Нет, некоторые люди помогают, если у них есть деньги. Я вывожу остальных. — А почему вы это делаете?
- Потому, что могу это делать.

* * *

“Сегодня в Федеральном суде рассматривается иск о запрещении военно-воздушным силам взрывать боеголовки, выпущенные по метеору; а также о том, чтобы заставить Президента настоять на отмене операции русскими. Иск возбужден на основании незаконности использования ракет в мирное время и опасности долговременной угрозы здоровью населения планеты, и на основании противоречивости мнений ученых по поводу необходимости каких-либо действий (и по поводу их последствий), а так же из-за недостатка информации о влиянии подобных действий на окружающую среду...”

* * *

— Итак, если Столкновение произойдет, как это скажется на выборе косметики?

— Ну, во-первых, на Землю станет попадать меньше прямых солнечных лучей, таким образом, солнечный закат в зеркалах косметики будет бесконечным. Придется использовать минимум румян.

— Стил, вероятно, изменится на защитно-спортивный, определенно будет НЕ время для пастельных тонов и ярких цветов.

* * *

— Мне все равно, что другие говорят. Небось, еще много лет назад знали, что эта штука приближается. Готов поспорить, большие шишки нагреют на этом руки. А нам они ни слова не сказали, чтобы мы не помешали их планам.

— Тогда зачем им было тратить уйму денег на то новое казино возле границы?

— Так они, пожалуй, уверены, что он на нас не упадет. Спорим с тобой на пять баксов, что он спокойно пролетит мимо, а они наживутся на панике.

* * *

— Итак, какое послание несет нам метеор?

— Никакого. Метеор — это не метафора, не символ, не сравнение, не послание. Метеор — просто здоровенный камень, и лучше бы нам не стоять на его пути.

* * *

“Разбудите меня, когда все закончится”.

Расстояние = 3,861,600 км

“Послушай, у меня встречи, счета, бизнес. Если я все брошу, а он НЕ упадет, я не жилец, по любому...”

* * *

ЭНИД, Оклахома (АП). Специальные колонны грузовиков везут оружие и боеприпасы оптовым торговцам в Грейт Базин. “Продажи феноменальные, — говорит кассир “Оружия Без Границ” в Парадизе, Юта. — У нас был спрос даже на самурайские мечи”.

* * *

“Не все считают, что остаться при Столкновении — такая уж хорошая идея. В доме престарелых, что у меня за спиной, одна женщина, которая говорит, что сама не имеет средств на отъезд, вывесила в окне небольшое объявление, чтобы убедить тех, кто может, спастись. Оно гласит:

“ПОЖАЛУЙСТА, УЕЗЖАЙТЕ!”.

Расстояние = 1,610,000 км

— Мы полагаем, лучше всего сейчас отправиться в бункер, господин Президент.

— Хорошо, полковник, раз вы считаете, что так лучше.

— Совершенно верно. Пройдемте сюда, к вертолету, если вы не возражаете.

— Почему бы русским не использовать свои лазеры?

— Боюсь, наша разведка слегка преувеличила их возможности, сэр.

* * *

“Раз он движется по небу, значит, он пролетит мимо, так?”

* * *

“Мне плевать, что он на самом деле падает. Этот проклятый Тед Кеннеди говорит, что надо уходить — значит, я с места не сдвинусь!”.

Расстояние = 6,400 км

“Я не думаю, что...”

Расстояние = 0 км 0 м

КОНЕЦ

Джон Морресси
ДОМ ДЛЯ РИМРАННЕРА³
Перевёл Сергей Краснов

Римраннер под шестым порядковым номером приземлился мягко — так снежинка опускается на шелковистую кошачью шерсть. У механизмов, обслуживающих посадку, меньше минуты ушло на то, чтобы, сделав своё дело, убраться в укрытие. Затем люк открылся и Вандерхорст начал спускаться по трапу. Далеко слева парил на кольце новенький, аккуратный патрульный корабль. Разгрузчики сновали в тени, как муравьи вокруг шеста, воткнутого в муравейник. Вандерхорсту понравился облик корабля, но рассмотреть его получше времени не было. Всё внимание римраннера было сосредоточено на том, чтобы спуститься по трапу и пройти в штаб-квартиру ВОП, не спотыкаясь. В здешней гравитации он себя чувствовал как пьяный слон на скользком стекле. И не важно, что никто здесь не увидит его падения.

То была главная заповедь — никто не должен видеть римраннера, пока он не доложит ВОП. Прочие правила изменялись, но это, похоже, сохранилось.

Вандерхорст ненавидел отчёты. Процесс был нудным, бесполезным и длительным. Наземный контроль ВОП фиксировал каждое мгновение, от старта до посадки, но они требовали устного отчёта, хотя Вандерхорсту нечего было пересказывать, кроме собственных снов.

Его всерьёз интересовало — неужели ВОП и впрямь допускает, что человек обнаружит нечто, упущенное приборами. Каждое возвращение, направляясь к ним с отчётом, он составлял в уме сообщение, вроде: — “Камень, вдвое больший, чем в 2006-м, движется курсом на Вашингтон...”. Но подобный трюк дорого бы обошелся Вандерхорсту. Приборы не врут. Даже шутки на эту тему могли стоить ему работы, а он не был готов расстаться со своим делом.

Перед римраннером возникли двери с эмблемой из переплетённых серебряных колец Внешнего Орбитального Патруля. Он двинулся вперед и они мурлыкнули, беспрепятственно пропуская его. Вандерхорст прошёл ещё три секции и добрался, наконец, до последней — комнаты для рапорта. Уже крепче стоя на ногах, хотя переход был утомительным, он тяжело опустился в мягкое кресло, ожидавшее его.

Комнату с белыми стенами освещал тусклый свет, уменьшавший ощущение замкнутости пространства. Вандерхорст глубоко вздохнул и позволил себе слегка расслабиться.

Когда принимающий рапорт вошёл, Вандерхорст приветственно поднял руку, не вставая. Он всмотрелся в лицо вошедшему. Мужчина походил на отца кого-то из его прежних знакомых.

— Помнишь меня, Ван?

Он задумался на мгновение.

— Боб Уотс?

— Точно. Последний раз, когда ты видел меня, я еще не поседел.

— Это было лишь двадцать один месяц назад, для меня. Как долго я отсутствовал по земному времени?

— Девятнадцать лет, пять месяцев и двадцать четыре дня. Согласно приборам, твоё здоровье идеально, Ван. Можешь пропустить медиков, если хочешь.

— Так и сделаю.

— У нас патрульный корабль новой модели. Он сейчас на Четвёртом Северном кольце.

— Я уже взглянул на него.

— Он хорош, Ван. Обитаемость улучшена, если сравнивать с твоей “шестёркой”, и около трети земной гравитации на борту.

— Зачем увеличили жилые помещения? Я что, ворочаюсь во сне?

— Подожди, пока не увидишь его, Ван. У него новый тип...

— Погоди, — прервал Вандерхорст, — сейчас я хочу послать всё подальше и посмотреть, на что нынче похож мир.

Уотс поднял руку.

— Как скажешь, Ван. Если у тебя ничего необычного в рапорте, можешь идти прямо на реадaptацию.

— Без рапорта по форме?

— Вот уже четырнадцать лет. Ни к чему. Нет повода для отчётов.

— Я говорил это здешним умникам лет шестьдесят назад, — сказал Вандерхорст. — Что-то еще изменилось? О чём мне следует знать?

— Ничего кардинального. В реадaptации тебе объяснят лучше, чем я.

— Ты мне скажи. Если что-то назрело, хочу быть в курсе.

— Ничего серьёзного, Ван. Ты всё это видел прежде. ВОП не особенно популярен в эти дни, вот и всё.

— Почему же? Чему-то позволили случиться?

— Ничего не произошло. Старая беда — деньги и политика. Новая модель корабля обошлась в девяносто четыре миллиарда. Есть мнение, что это слишком дорого.

— Астероид долбанет, мало не покажется, — сказал Вандерхорст. — Тот, в 2006-м обошёлся в пару триллионов, а ведь упал в океан. Что, если следующий вобьёт Калифорнию в Тихий?

— То же и мы твердим, Ван. Но “2006-й” был восемьдесят лет назад, для них. Никто не помнит.

— А помнят они о камнях, которые мы отпихнули прочь?

Уотс покачал головой.

— Никто не помнит того, что не произошло, Ван.

— Значит, поговаривают о свёртывании программы. Так или нет?

— Большинство тех, кто принимает решения.

— Иногда не знаешь, кто главный, до тех пор, пока не будет слишком поздно.

— У ВОП есть друзья, Ван. Ты обнаружил “высоковероятный” в этом запуске и мы используем этот факт против шутников, которые говорят: “шансы следующего большого камня — миллион к одному”. Программа в безопасности.

Вандерхорст с усилием поднялся. На мгновение силы покинули его. Уотс сделал движение навстречу, но остановился.

— Я в порядке, Боб, — сказал Вандерхорст. — Реедaptация на прежнем месте?

Уотс кивнул.

— Вторая дверь налево. Рад, что ты вернулся, Ван.

Это был лучший рапорт из всех. Уотс провёл его коротко и сказал все прямо. Вандерхорст терпеть не мог навязанной любезности некоторых сотрудников ВОП, с их заученными словами и устаревшими терминами — нелепыми попытками предоставить римраннеру возможность почувствовать себя непринуждённо. Неестественная, вычурная речь была всего лишь буфером, позволявшим персоналу оставаться на безопасном расстоянии от реального контакта.

“Они просто бесчувственные, — размышлял Вандерхорст, — или нарочно меня игнорируют? Или дело в страхе? Возможно, никто из живущих здесь действительно не желает знать, каково это — в изоляции, в полном одиночестве, облетать Солнечную систему на половине скорости света, по кругу в шесть миллиардов миль; или каково возвращаться к новым словам, новым идеям, к обществу, каждый раз иному, никогда не зная, каким будет приём”.

Прерванный разговор не дал ничего нового. Во время первого возвращения случались бунты и нападения на стартовый комплекс, но это безумие миновало с восстановлением экономики после депрессии 2028 года. Когда Вандерхорст возвращался вторично, в 2048, всё было тихо. В его последнее возвращение, в 2067, римраннеров уже объявили народными героями. Вандерхорст появлялся на головидео каждую ночь, все две недели полёта. Три основные политические партии предлагали ему выдвинуть свою кандидатуру на выборах 2068 года.

Если бы он тогда, в последний раз, остался внизу, то сейчас был бы почти так же стар, как Уотс. Нет, не совсем так. Они были бы ровесниками только с виду, а на деле Вандерхорст был бы значительно старше. Хуже всего — видеть, как твои знакомые стареют на двадцать лет за то время, когда для тебя проходит всего два года. Из-за этого невозможно было скрыть различия. Римраннеры обманывали время, обводили вокруг пальца часы, календари — этих тиранов вселенной. Именно так думали обыкновенные люди, которые завидовали, негодовали, а порой даже ненавидели римраннеров, несмотря на показное восхищение. Но плата за потерянные годы была высока, и немногие смогли отдать долг сполна. Один римраннер из ста совершал второй полёт. Только Вандерхорст возвратился в третий и в четвёртый раз.

Даже в стасисном резервуаре изоляция была осязаема. Тщательный отбор и подготовка помогали сделать её терпимой, но не более того. Она неотступно обступала со всех сторон, как вторая кожа. И чего только не вытворяла с людьми.

Пройдя последнюю дверь, Вандерхорст остановился и удивлённо огляделся. Отделение реадaptации выглядело иначе. Безликий офис, помнившийся ему с прошлого визита, превратился в комнату, домашнему уютную, почти как в детстве. Окна пропускали свет и свежий воздух, шторы и двери были приоткрыты. Ничто в обстановке его не связывало. Девушка и юноша, изящные и очень привлекательные, приветственно улыбаясь, поднялись из кресел, здороваясь с ним.

— С возвращением, капитан Вандерхорст. Для меня большая честь познакомиться с вами, — представился мужчина, протягивая руку. — Я Корри Лонг.

— Я — Джемма Тулио, — сказала женщина.

— Мы с Джеммой — супруги, по двухгодичному свободному

соглашению. — сказал Корри. — Позволю себе заметить, что это не имеет для вас значения, капитан.

— Не имеет.

Джемма взяла Вандерхорста за руку и усадила в кресло.

— Произошли значительные изменения в структуре социальных отношений. Это, возможно, важнейшая перемена в области культуры со времени вашего отлёта, так что мы полагаем, нам следует начать реадaptацию именно с этого аспекта.

Пространство вокруг кресла было свободно. Вандерхорст сел очень осторожно.

— И это — реадaptация? Никаких вопросов? Никаких вводных?

— Это и есть вводная. Обучение во сне мы используем только, если вы почувствуете в нём необходимость.

— Так мы просто посидим здесь и поболтаем?

— Точно. Мы считаем, это облегчает реадaptацию.

— Полегче, стажёры, — сказал Вандерхорст, сложив руки за головой. Когда они оба застыли, недоуменно улыбаясь, он сказал:

— Прошу прощения. Это из прошлого. Я думал, вам знакомы старинные выражения.

— Мы избегаем сознательных анахронизмов, капитан, сказал Корри.

— Зови меня Ван. И расскажи мне о социальных отношениях.

— За последние пятнадцать лет произошло заметное возрождение традиционных отношений. Очевидно, чувства были весьма фривольны, когда вы в последний раз были дома.

— Можно подумать, я был на прогулке.

— Надеюсь, мы не оскорбили...

— Неважно. Итак, чувства были фривольны, — Вандерхорст произнёс это, слегка улыбаясь, вспоминая дни, когда всё, чего ни пожелаешь, было когда угодно, сколько угодно и где угодно, пока уже нечего было больше желать. — В изобильные 2060-е люди жили на всю катушку.

— Насколько нам известно. Сейчас всё иначе.

— Я ожидал чего-то вроде этого. Совсем иначе?

Джемма отвечала:

— Многое, что было доступно во время вашего последнего пребывания здесь, теперь находится под действием социальных санкций.

Её объяснение было лишним. Всё было видно и так. Симпатичная Джемма делала всё возможное, чтобы скрыть свою привлекательность. Её макияж создавал на лице болезненный желтоватый оттенок, волосы были коротко острижены, мешковатое платье скрывало фигуру. Приметы того, что он вернулся к ещё более скудным временам. Вандерхорст припомнил годы депрессии во времена своего первого возвращения. Неудивительно, что люди требуют урезать бюджет ВОП, подумал он. Им не нужны римранеры, они хотят хлеба, зрелищ и секса. Кроме этого, им вообще ничего не нужно.

— Что сейчас разрешено законом? — спросил Вандерхорст.

— Правительство не сделало жизнь невозможной, Ван. — Корри был полон напускной живости. — Времена сейчас не такие бурные, но...

— Не надо меня щадить. Я около двух лет провёл в космосе. Я не прочь с кем-нибудь встретиться после стольких месяцев одиночества, и мне бы не хотелось, чтобы меня арестовали за то, что я скажу "привет" женщине.

Джемма накрыла его руку своей.

— Правительство учитывает особые обстоятельства, Ван.

Вандерхорст перевёл взгляд с неё на Корри и расхохотался. Они не присоединились. Ухмыляясь, он сказал:

— Новая мораль, как в старину... И только по правительственному разрешению...

Джемма выглядела смущённо.

— Это особая привилегия, Ван.

Он поднял руку в знак примирения:

— Я буду благодарен. Серьёзно. Расскажите мне больше.

Они продолжили, произнося рутинные, гладкие фразы и Вандерхорст слушал их с важным видом. Он многозначительно кивал, время от времени демонстрируя внимание, но сам лишь наполовину воспринимал сказанное. Собственно, им уже нечему было учить его.

Юность Вандерхорста пришлась на пронзительные, яростные годы смены тысячелетий, время, когда половина человечества ожидала рубежа века, словно конца света, а другая половина наоборот, предвкушала наступление чего-то нового. Пророчества предрекавших Армагеддон сбылись с некоторым опозданием, когда в 2006 году гигантский метеорит нырнул в Индийский океан.

Для Вандерхорста это бедствие стало избавлением. В считанные месяцы был организован Внешний Орбитальный патруль. Пользуясь поддержкой большинства мировых держав, снабжаемый материальными и людскими ресурсами, он призван был служить первой линией обороны: обнаруживать и уничтожать любой объект извне, угрожающий Земле или лунным колониям. Бюджет организации был неограниченным.

Добровольцев нашлось много, подходящих — горстка. Этим счастливчикам ВОП предлагал славу “защитников дальних рубежей”, как утверждали промоутеры. Также были обещаны увеличенный срок жизни, и шанс за счёт этого разбогатеть. Так Вандерхорст нашел спасение от ежедневных лишений и позора, сопряжённых с растущей ненавистью к предыдущим поколениям, оставивших в наследство своим детям истощенный и загрязнённый мир. Вандерхорст знал, что возрождение произойдет, но ни один ныне живущий не может и надеяться увидеть его — кроме тех, кто обманет время.

ВОП обещал такую возможность. Взамен от добровольцев требовалось провести два года жизни в пространстве, куда не осмеливался ступить человек, в неизмеримой дали, в одиночестве, в замкнутом помещении, безо всякой надежды на помощь извне, вне любых контактов с миром.

Вандерхорст посчитал обмен справедливым. Он был, по сути, идеальным римраннером: единственный ребёнок, рано осиротевший, подсознательно не доверяющий толпе, чересчур независимый для общества — одиночка по природе и выбору. В 2008 году он стал шестым запущенным в космос по этой программе.

Вандерхорст возвратился на Землю в 2028 году, полный смутных воспоминаний об удушающей черноте, отвратительных кошмарах и гнетущей беспомощности. В памяти не сохранилось ничего, кроме чувства абсолютного одиночества. Вандерхорст поклялся никогда не возвращаться туда. Однако, спустя три месяца, он пересмотрел свой обет. Ещё четыре полёта — и он мог бы уйти на покой настоящим богачом, не старше сорока, хотя по земным меркам ему стукнуло бы сто с четвертью.

— Ты слушаешь, Ван? — голос Джеммы прервал его воспоминания.

— Похоже, меня могут арестовать за что угодно, особенно если мне это доставляет удовольствие.

— Никого больше не арестовывают, Ван. Правонарушителям предлагается социальная помощь.

— Предлагается? То есть я могу отказаться, не так ли? Лица его собеседников вытянулись.

— Ладно, забудем это замечание. Просто включите в мою программу обучения общие поведенческие стандарты. Так будет проще, — сказал он, зевая. — А также информацию о статусе ВОП, отношении к нему правительства и граждан. Я хочу знать всё это к утру.

— Ты уверен, что больше ничего не хочешь обсудить? Личный контакт — очень важная часть реадaptации, — сказал Корри.

— Как и сон. Я был на ногах последние три дня. И давно уже не весил сотню килограммов.

— Если тебе понадобится пообщаться, Ван, мы уполномочены... — Джемма многозначительно понизила голос и улыбнулась.

— Разве мне нужно особое разрешение? — сказал Вандерхорст, вставая. — Спасибо за предложение, но я сам позабочусь о личных контактах.

Вандерхорст ушёл, уверенный, что с великим множеством вещей в 2087 году он мириться не станет.

Его разбудил яркий солнечный свет. Голова пухла от информации. Интеграция старого и нового, как всегда, происходила нелегко. Всё плыло перед глазами, нарушая нормальный ход мышления. Зажмурившись, он повернулся к тёмной стене. Немного погодя лёг на спину, приподнялся на локтях, от души зевнул и осмотрелся. Как и реадaptационное помещение, комната была отделана в стиле “рубежа тысячелетий”. Они погружали его в настоящее постепенно, мягче на сей раз.

Вандерхорст спустил ноги с кровати и осторожно поднялся. Он постепенно начинал привыкать к нормальной гравитации.

Здесь имелся душ с сильным напором, вода была чистой и ничем не пахла, не то, что на борту. Пока он сушился в потоке тёплого воздуха, прозвучал мелодичный сигнал вызова. Он включил микрофон.

— Тебе понравился душ, Ван? Мы постарались сделать его таким же, каким он был до твоего полёта.

— Не следует воссоздавать мир моей юности. Мне не привыкать.

— Мы просто стараемся облегчить процесс.

— А не проще ли оставить меня в покое? Не надо меня ничем больше грузить.

— У тебя сегодня пресс-конференция.

— Это не проблема. ВОП всегда давал мне готовый текст.

— На завтра у тебя запланирована встреча с финансовыми советниками. Она может занять довольно много времени. Дела порядком запутались за эти годы.

— Что-нибудь ещё?

— Предстоит приём.

— Если захочу кого-нибудь видеть, устрою собственный.

— Это важно, Ван. Для тебя и всей программы. Там будут люди из правительства. Они заинтересованы во встрече.

— А мне с ними встречаться неинтересно.

— Пожалуйста, Ван, это очень важно. Он промолчал, и Джемма продолжила:

— Там будут и другие люди. Тебе понравится. А потом — отдыхай. Никто больше тебя не побеспокоит.

Официальные костюмы этого времени отличались простым покроем и неброскими цветами. В парадной форме Вандерхорст стал центром всеобщего внимания, стоило ему, Джемме и Корри войти в зал.

— Сенатор Далтон. Она — председатель Комитета по Космическим операциям, — сказал Корри.

Вандерхорст посмотрел в указанном направлении и увидел высокую, стройную женщину с серебряными волосами, в компании моложавого мужчины и другой женщины. В ответ на его взгляд, Далтон приветственно махнула рукой. Корри потянул Вандерхорста за собой.

— Хорошо, что вы нашли время прийти, капитан Вандехорст, — сказала Далтон. — Это Доре и Джейк Фоссет. Джейк — мой старший советник. Должна сказать, что мы гордимся римраннерами. Вы — смелые люди, выполняющие тяжёлую работу в одиночку.

— Нам за это платят.

— Деньги тут не главное, капитан. Я уверена.

— Меня больше заботят деньги, — сказал Вандерхорст, как бы невзначай поворачиваясь спиной к окну. Он взглянул на Корри, который, казалось, был готов разрыдаться. Джемма натянуто улыбалась.

Далтон заговорила вновь:

— Вы честны, капитан. Какие бы выгоды ВОП не сулил, я бы никогда не решилась на виток по Солнечной системе, из которого вернусь только через двадцать лет.

— Там не чувствуешь, что проходит двадцать лет. Это вообще ни на что не похоже, по правде говоря.

— Вы проводите большую часть времени во сне, не так ли? Некоторые говорят, что мы здесь, в Вашингтоне, занимаемся тем же самым.

— А я — отдыхаю, сенатор.

— В ваших бумагах сказано, что вы родились сто лет назад. Но по вам не скажешь.

Вандерхорст осушил свой стакан.

— К утру буду смотреться как раз лет на сто.

Далтон расхохоталась.

— Вы говорите в точности то, что думаете, капитан. Мне это по душе.

— Ладно, — сказал Вандерхорст. Его мнение о происходящем не изменилось. Он ощущал давление толпы и сделал шаг назад, чтобы сохранить дистанцию, крепко стиснув зубы.

— Скажите, капитан, трудно там? — спросила Доре Фоссет.

— Трудно что?

— Работа. Задание.

— Легче не бывает. Всю работу делают машины. Даже думают за вас.

— Не в этом дело. Я думала об изоляции. Это, должно быть, ужасно. Так долго, так далеко от дома. В маленьком кубике, и деться некуда... — Доре невинно взглянула на Вандерхорста и сделала неопределённый жест.

Вандерхорст смерил её взглядом медленно, оценивающе, и промолчал. Пауза затянулась. Тогда вперед вышел Корри и проговорил:

— У Вана четыре запуска на счету. Он знает, каково...

— По большей части, ты спишь, — заговорил Вандерхорст. Голос его был абсолютно бесстрастным, как на лекции. — Плохо, когда пробуждаешься, это означает, что возникла проблема. Надеешься, она из

тех, что можно исправить в момент. Когда не спишь, ждёшь-не дождёшься снова провалиться в сон, потому что тебе не нравятся собственные мысли. Клянёшь себя за то, что очутился здесь, затем начинаешь ненавидеть пославших тебя. Думаешь, а не проспать ли однажды, не напугать ли их? Потом ненавидишь себя за такие мысли и думаешь, что сходишь с ума. Но всё же исправляешь поломки и возвращаешься в резервуар, надеясь на приятные сны. Так проходит время.

— Зачем вообще посылают людей? — спросил Джейк Фоссет.

— Не доверяют машинам.

— Тогда зачем используют машины?

— Не доверяют и людям также. Нужны и те, и другие.

— Неужели? У многих возникают вопросы по поводу программы. Судя по вашим словам, в них есть смысл.

Длительное одиночество обострило у Вандерхорста чутьё к тому, что скрывает собеседник. Он иногда чувствовал, что может читать людей так же легко, как индикаторы приборов. Фоссет, не особенно церемонясь, испытывал его, с помощью жены и под наблюдением босса. Вандерхорсту встречались подобные типы в каждом поколении.

— Чего они хотят? — спросил Вандерхорст.

— ВОП — дорогая программа и её стоимость продолжает расти. Мы не имеем понятия об её эффективности. Многие считают, что возможен иной способ защиты.

— Что они предлагают?

— Ничего особенного. Это лишь проекты, поймите. И их отвергнут, если римраннеры окажутся наилучшим вариантом.

Вандерхорст обернулся к Далтон.

— Что-нибудь падало на Землю с 2006 года?

— Ничего особенно страшного, капитан.

— Тогда, возможно, мы достаточно эффективны.

— Вы хотите сказать, что отсутствие астероидной угрозы есть заслуга римраннеров? Право, капитан, я нахожу это...

— Какого дьявола, кто смеет сомневаться? Вы? Никого другого я там, в космосе, что-то не приметил. Ни вас, ни сенатора, никого вообще. Я один прикрывал ваши задницы.

Глаза Вандерхорста остановились на Фоссете. Остальные, пряча взгляд, держались на безопасном расстоянии. Фоссет попятился, а Далтон мягко сказала:

— Джейк не пытается отрицать заслуги римраннеров и благодарность, которой они достойны. Он лишь делает заключение, что мы не можем быть абсолютно уверены в том, что наша безопасность есть результат ваших усилий.

— Итак, вы хотите абсолютной уверенности, не больше, не меньше.

— Это со всей определённостью гарантировать невозможно.

— Так было всегда и ни для кого это не секрет. ВОП — дешёвая страховка, сенатор, и не более того. Вы ставите несколько миллиардов против шанса потерять в тысячи раз больше.

— Затраты давно уже превысили “несколько” миллиардов.

— Даже если бы мы никогда не обнаружили ничего крупнее снежка, программа десятикратно окупила себя.

— Вполне возможно. Однако стоит заметить, что в настоящее время страна испытывает постоянные экономические трудности, — сказала

Далтон.

— Может это из-за того, что *лоби*, вроде этого, твякают об урезании единственной правительственной программы, которая делает то, для чего предназначена.

— Признаюсь, никогда не смотрела на этот вопрос с подобной точки зрения, — сказала Далтон. Вандерхорст ощутил лёгкий толчок в бок и обернулся к Корри, который выглядел совсем кисло. — Не вполне честно с моей стороны, капитан, столь долго задерживать внимание почётного гостя. Мы ещё увидимся,

— Далтон проговорила это удаляясь, с Фоссетами в кильватере.

Когда они отошли достаточно далеко, Джемма спросила тихим от бешенства голосом:

— Вы пытаетесь уничтожить программу?

— Вы хотели, чтобы я поговорил с Далтон. Я и поговорил.

— Да, но ваши манеры...

— Мне она не нравится. И ее свора. Работают на публику. Если какой-нибудь правительственный чин осмелится урезать расходы на программу, и астероид размером с шарик для гольфа упадёт в центре пустыни Гоби, этого типа линчуют. Они знают об этом, вы знаете, я знаю. А Далтон и её команда надувают щёки. Ненавижу их за это.

— Ван, ты не должен...

— Я предупреждал, что не слишком-то гожусь для подобных разговоров.

— Как ты назвал Фоссета? — спросил Корри.

— Лоби. Ты назвал его лоби. Что это? — уточнила Джемма.

— Из прошлых времён. Неважно.

Она нахмурилась и взглянула на Корри. Тот поднял брови и покачал головой. Внезапно, глаза Джеммы в ужасе расширились. Она в панике посмотрела на Вандерхорста и пробормотала:

— Так они называли подвергнутых лоботомии отщепенцев! И детей, подражавших им, малолетних гангстеров. Вандалов и преступников!

— Это в самый раз для Фоссета. Может, и для Далтон тоже. Надоело. Я своё дело сделал и хочу выпить.

Он ушёл, оставив их в растерянности.

Из окна Силверхилла открывался тот чудесный вид, о котором Вандерхорст мечтал, странствуя по самой удалённой орбите Солнечной системы. Невысокие холмы, покрытые цветочным ковром, хрустальное озеро за ними. Вдали возвышались горы, опоясанные зеленью и увенчанные снегами. Чистое небо, ни городов, ни домов, никаких иных следов человеческой деятельности. Это была Земля, о которой он грезил в чёрной пустоте за Плутоном, планета, во имя которой он страдал, рисковал жизнью и здравым рассудком.

Земляне считали, что в свободное время римраннеры, все как один, предавались разгулу; и в самом деле, у себя наверху Вандерхорст иногда давал волю воображению. Но в последние два возвращения, он обнаружил, что ему больше по душе просто сидеть и смотреть вокруг, прогуливаться и дышать свежим, не прошедшим через систему регенерации воздухом. За восемьдесят лет он скопил достаточно средств, чтобы поселиться в одном из немногих незагаженных уголков Северной Америки.

Вандерхорст обнаружил Силверхилл во время предыдущего

возвращения и решил, что здесь куда лучше, чем в реадaptации ВОП. Можно наблюдать за другими, не привлекая внимания. Или с кем-то пообщаться, если возникнет необходимость, но в любой момент все связи можно прервать.

Во время своих одиноких прогулок Вандерхорст впитывал звуки и запахи открытого пространства — звуки и запахи жизни. Он часами сидел на склоне холма или под деревьями, ощущая спиной их грубую кору. В утренней чистоте он слушал пение птиц, а однажды разглядел в небе ястреба. Вандерхорст целыми днями пропадал на природе, невзирая на погоду. Запрокинув голову, он равно наслаждался и теплом солнца, и холодным прикосновением дождя. Ежедневно являлись привычные звёзды.

Порой его ждал изысканный ужин на двоих, с компаньоном “на вечер”. Не было никаких разговоров о социальных отношениях или правительственном разрешении. Но иногда он предпочитал встречать закат в одиночестве.

В каждом коттедже Силверхилла имелась система трёхмерного видео. Эти устройства здорово усовершенствовались со времени последнего возвращения, что весьма позабавило Вандерхорста. Совсем недавно он был окутан межзвёздной пустотой, а теперь мог без помех погрузиться в пёструю видимость жизни. Очутиться в центре толпы, легко принять участие в интригах и встречах, стать свидетелем важных событий, персонажем исторических романов или мелодрамы; он мог испытать всё, что угодно. А главное, всё это мгновенно появлялось и исчезало, стоило лишь нажать кнопку.

Однажды, ясной и безоблачной ночью, возвратившись в коттедж, Вандерхорст обнаружил мерцающий сигнал входящего сообщения. Сначала он удивился, потом — разозлился. Он нажал клавишу просмотра. На маленьком экране появилось улыбающееся лицо.

— Мой почтовый сигнал включён. Это что, ошибка?

— Нет, сэр. Послание получено в 21:27.

— Кто прислал?

— Отправитель не оставил имени, сэр. Только голос, без видео.

— Вы уверены, что это мне?

— Джентльмену из Фроствудского коттеджа, сэр. Отправитель оставил номер, чтобы вы перезвонили.

— Не надо мне никаких сообщений. Ни с кем не соединять, понятно?

— Вас более не беспокоят, сэр.

Вандерхорст находился в Силверхилле под вымышленным именем и пользовался, как его уверяли, непрослеживаемой кредитной линией. Чёртов ВОП и его ищейки, думал он. Я с ними распрощался до следующего инструктажа, а пока пусть отцепятся. Кто это мог быть: Уоттс или Корри, или Джемма, или какая-нибудь мелкая сошка из правительства, с поручением от шефа? Вандерхорст удивился, почему они ограничились только звонком, и никто не явился лично. Как скоро они перейдут к более решительным действиям?

После лёгкого ужина, он уселся у голографического центра и испробовал предложенные программы. Не найдя ничего интереснее, он выбрал “Прогулку по вечернему городу” с пометой “комедия”.

И сразу очутился в помещении, наполненном звуком приглушённой речи множества людей, звяканьем столовых приборов, отдалёнными смешками и негромкой музыкой. Тут впереди вспыхнул свет и, тяжело

опираясь на посох и прихрамывая, вышел на всеобщее обозрение молодой человек в ярком кричащем плаще.

Благодаря подготовке, Вандерхорст узнал в нём одного из эксцентриков, пользовавшихся большой популярностью в этом времени. Эксцентрики были рассказчиками, наследниками прежних театральных комиков и телеведущих. По традиции, все они имели небольшие физические недостатки и всячески стремились расположить к себе аудиторию.

— Свежие новости из колоний, — произнес хромой, сжимая обеими руками посох и вытянув шею. — Шестьдесят три лунатика похитили вице-президента “Терралуна Гравитроникс”. — Но лишь один из них, собственно, его умыкнул. Остальные шестьдесят два до сих пор составляют требование о выкупе.

Вокруг раздался хохот. Однако Вандерхорст не присоединился к общему веселью. Эксцентрик потряс посохом и смех затих.

— Лунатики недовольны тем, что всё, там наверху, стоит слишком дорого. Они говорят, мы богатеем за их счёт, — сказал он, оглядываясь с вызывающим видом. — А чего они хотят? Каждый тюбик мыла должен поступать к ним с инструкцией по употреблению.

Снова вокруг засмеялись. Вандерхорст прервал сеанс, резким движением нажав на кнопку. Толпа сгнула и он остался один в круглой комнате, в тишине и неярком свете.

Он восхищался лунными колонистами и унижительные шутки в их адрес его совсем не радовали. Для некоторых чем хуже, тем лучше, размышлял он. Земляне предоставляют другим делать грязную работу, но почему-то считают, что сказав “спасибо” — уже переплачивают: Отец рассказывал Вандерхорсту, как обращались с ними — ветеранами последней войны. То же самое происходит и сейчас. Но у лунных жителей и римраннеров имеется враг куда более безжалостный, и нет никакой надежды на победу. Единственным победителем всегда выходил Космос. Земляные черви не могли понять их и потому насмехались.

Настроение у Вандерхорста вконец испортилось. Теперешний юмор его разозлил. Он слышал подобные шутки прежде, они — вечны, и Вандерхорст презирал тех, кто поднимал на смех лучших представителей человечества. В шестидесятые мишенью для насмешек были бездомные, во множестве встречавшиеся рядом с городскими жилыми комплексами. *Шайкеры* были подходящим объектом насмешек для зажавшихся в своих комфортных жилищах горожан, называвших “поварами для нищих” тех, кто перерабатывал бытовые отходы. В сороковые мишенью для насмешек были *лоби*. А прежде — и другие непопулярные группы.

Но никогда прежде эти шутки не были такими вызывающими и открытыми. Вандерхорсту стало интересно, что же лунные поселенцы сделали такого, чтобы настроить против себя землян. Та информация, которой его напичкали под гипнозом, была в данном случае совершенно бесполезна. Ведь когда-нибудь, думал он, на месте лунных колонистов окажутся римраннеры.

Два дня спустя в Силверхилл явилась сенатор Далтон. Уже смеркалось, когда, возвратившись с прогулки, Вандерхорст застал её сидящей на скамейке у Фроствудской сторожки.

— Какого чёрта вы тут делаете? — спросил Вандерхорст.

— Мне необходимо было увидеться с вами, капитан.

— А я никого не желаю видеть.

— Прошу вас, капитан. Надо обсудить нечто важное.

— Это вы на днях пытались достать меня?

— Да, несколько раз. Меня не соединяли, так что я приехала лично. Это очень серьезно.

— Но не для меня.

— Для вас и для программы. Дайте мне всего несколько минут. Если мне не удастся убедить вас, я уйду.

Вандерхорст, поколебавшись мгновение и нахмурясь, ответил:

— Ладно, поговорим прямо здесь. Что вы хотите?

— Услышать о работе ВОП от того, кто в этом разбирается.

— Я всё сказал ещё в прошлый раз. Всю работу делают машины. А мне приходится время от времени давать им пинка. За четыре полёта я бодрствовал не более сотни часов.

— В чём, по-вашему, суть миссии римраннеров?

— Мы наблюдатели на передовой линии. Мы регистрируем приближающиеся объекты определённой массы, вычисляем их траекторию и посылаем информацию “Соломонам”. Если “Соломоны” решают, что объект представляет опасность для Земли или колоний, они запускают “Паладинов”. “Паладины” осуществляют необходимую акцию. Система работает. Сорок семь запусков и двадцать две акции с начала работы ВОП.

— И все без исключения представляли серьёзную угрозу?

— Соломоны сочли, что да. Я не возражал. Далтон немного помолчала.

— “Соломоны” и “Паладины” — это беспилотные аппараты. Так ли вы доверяете автоматам, как верите римраннерам?

— Почему бы нет? Они проще. Там мало что может сломаться. И они ближе, движутся медленней, контролировать их можно непосредственно с Земли.

— Что, если произойдёт авария, которую вы не сможете устранить?

— Смотря какая авария. Если выйдут из строя приборы, то не страшно. Пропустил римраннер — подберут “Соломоны”, однако у них останется меньше времени и данных для работы. У астероида будет больше шансов.

— Если и “Соломоны” откажут?

— Паладины автоматически уничтожают всё, что достигнет лунной орбиты без соответствующего допуска. Вандерхорст хихикнул. — Круто будет, если это случится с дружественным кораблем пришельцев.

— Что, если все три системы откажут?

Вандерхорст пожал плечами.

— Можете молиться. Гак ведь поступали в прежние дни?

— Вы верите в молитву?

— В подобной ситуации я бы начал молиться независимо от того, верую или нет.

— Допустим, авария другого рода, с самим кораблём?

— Тогда я отправился бы в самое длительное путешествие в истории человечества.

Далтон кивнула.

— И что, если повреждён римраннер Вандерхорст?

— К чему вы клоните, сенатор?

— Предположим, что римраннер пробуждается по тревоге и ломается в стрессовой ситуации. Какой ущерб он может нанести? Может он

сменить курс или передать ложную информацию?

— Римраннеры не ломаются.

— Техника — может. Отказывают как основные, так и вспомогательные системы. И с людьми такое случается, причём много чаще, чем нам хотелось бы. Что в таком случае может натворить римраннер? Я должна это знать. Мне необходимо принять решение и дать рекомендации. — Вандерхорст молчал, и она продолжала: — Знаете ли вы, что во время вашего последнего полёта двое вернувшихся римраннеров совершили тяжкие преступления, а одна из них пыталась покончить с собой? Люди слышали об этом и потому боятся вас.

— Пусть они побывают в нашей шкуре.

— Будьте откровенны, капитан. Вы презираете человечество, но раз за разом рискуете своей жизнью ради его безопасности. — Далтон жестом отменяла все возражения. — И не говорите, что делаете это ради денег. Вы и так один из богатейших людей в мире.

— Я иду на это ради Земли. Это прекрасная планета и я хочу, чтобы она оставалась таковой, пока человечество катится к вымиранию.

— Шансов на это заметно меньше, чем несколько поколений назад. Жизнь улучшилась.

— Я что-то не заметил. С каждым разом всё больше разочаровываюсь. Успокаиваю себя, мол, ещё один полёт, и всё переменится к лучшему. Но всё остаётся как раньше.

— Остальные чувствуют в точности то же самое. Каждый римраннер говорил о любви к планете и презрении к людям, населяющим её.

— Это и делает нас хорошими римраннерами. Нас выбирали не за горячие сердца. Какое значение имеют наши чувства?

— Имеют, и большое. Образуется пропасть между защитником и теми, кого он защищает.

— Так было всегда, сенатор. И во времена моего отца, а может и ещё раньше.

Они сидели, окутанные темнотой и тишиной. Далтон молчала. Тогда Вандерхорст поднялся и сказал:

— Заходите. Легче разговаривать, когда видишь друг друга.

Стук их шагов по деревянному настилу гулко звучал в тишине. Вандерхорст вошёл в дом, включил свет и кивком предложил Далтон сесть.

— Расскажите мне об остальных.

— Я полагала, вы знаете их лучше.

Вандерхорст покачал головой.

— Мы не общаемся, даже с себе подобными. Это не в наших правилах. Я знал только одного римраннера. Мойра проходила подготовку вместе со мной. Мы планировали выйти из игры после трёх полётов и наслаждаться заработанным богатством. Она бросила ВОП и меня после первого же возвращения. Если Мойра ещё жива, ей должно быть уже сто два, а мне — тридцать четыре или сто пять — по другой системе отсчёта. Не очень-то стандартная пара.

— Римраннеры вообще не вписываются в стандарты. Потому-то людям с ними так сложно.

— Обычный человек не выдержит и десяти дней на патрульном корабле. Но это не означает, что те, кто могут — уроды.

— Я не говорила, что вы и подобные вам — уроды, Вандерхорст. Римраннеры настолько необычны, что пугают людей. Вот вы, например —

родились во время смуты, ваш отец — ветеран войны, которую осудили многие американцы. Осиротели в семь лет и сменили около дюжины приёмных родителей. Из-за своей работы вы превратились в человека, лишённого корней. Исключая немногих римраннеров все, кто родился в одно время с вами, умерли.

— Всё верно. Ну и что?

— Вы — воплощение двух кошмаров прошлого: насилия и отчуждённости. Все наши социологи считают их типичными болезнями двадцатого века и предупреждают, что выжили мы только потому, что избавились от этих недугов.

— Вы от них не избавились. Вы лишь научились скрывать их.

— Возможно, вам так кажется, но случаи насилия теперь крайне редки, а отчуждение практически не встречается. И только римраннеры — люди, в которых мы нуждаемся, люди, которым мы доверили нашу передовую линию защиты — воплощение этих страшных болезней.

— Почему бы вам просто не устроить для нас карантин? Посылать наверх, но вниз не пускать.

— Такое предложение рассматривалось.

— Впервые слышу. Расскажите подробнее.

— Конфиденциально, капитан. Надеюсь, это ясно? Абсолютно конфиденциально.

— Понятно.

— Три года назад, специальная комиссия рекомендовала перенести базы римраннеров на “Луну-IV” и объединить с комплексами “Соломонов” и “Паладинов”. Для римраннеров должна была быть выстроена отдельная колония.

— Проклятые неблагодарные ублюдки, — сказал Вандерхорст, поднявшись с места.

— Предложение было категорически отвергнуто и никогда более не выдвигалось. Я упомянула о нём, чтобы вы поняли, какой страх вызываете в некоторых умах.

— Некоторых умах. Отродье сукиных детей, плевавших в моего отца, вернувшегося с войны, от которой они отвернулись, — Вандерхорст уселся обратно в кресло. Он бессмысленно уставился в пространство перед собой, тяжело дыша. — Думаю, вам лучше уйти, — сказал он.

— Я не была согласна с тем предложением, голосовала против. И сделаю это снова, если понадобится.

— Я завершу следующий виток в 2107 году. Вам будет за восемьдесят. Возможно, вы уже умрёте. Кто знает, как всё тогда обернётся?

— Вы можете остаться и работать на программу.

— В окружении лоби, считающих меня чокнутым? Увольте, сенатор, я лучше полечу.

— Жаль, — сказала Далтон. Она поднялась и ушла.

Несколькими минутами позже Вандерхорст пробормотал:

— И на том спасибо.

Он с усилием поднялся и налил себе выпить.

В начале второго, с бутылкой в руке, он добрался до коммуникатора и набрал личный код Корри и Джеммы. Прозвучала нежная трель, и через некоторое время на экране появилась сонная Джемма.

— Ван! С тобой всё в порядке?

— Вы сообщили Далтон. Делаете вид, что оставили нас в покое, а на самом деле следите за мной так, что от вас никуда не денешься.

— Скажи, где ты находишься, Ван. Мы поможем тебе.

— Не желаю вашей помощи. Не желаю иметь дела ни с кем из вашей шайки.

В голосе Джеммы зазвучала некоторая настойчивость.

— Ван, сообщи, где ты находишься. Мы вместе во всём разберёмся. Так будет лучше. Доверься нам, Ван.

Вандерхорст протёр глаза. Когда он снова взглянул на экран, то увидел, что Джемма подала знак кому-то ещё. Заметив обращенный на неё взгляд, она умоляюще протянула руку.

— Пожалуйста, Ван, позволь нам помочь тебе.

Ни слова не говоря, Вандерхорст с размаху запустил бутылку в изображение. Он ещё немного постоял перед разбитой панелью, испытывая глубочайшее удовлетворение, затем повернулся и начал быстро собирать свои вещи.

Кроме блёклого зелёного ковра, всё в комнате было выдержано в пастельных голубых тонах. Цветовая гамма способствует успокоению, как говорили Вандерхорсту улыбочивые, но серьёзные социальные ассистенты. Однако он почему-то никак не мог успокоиться, хотя с ним обращались мягко, смотрели с сочувствием, не переставая улыбаться.

На второй день своего пребывания в Профилактории, Вандерхорст начал задумываться, надолго ли он здесь застрял. Постоянные улыбки и вежливое обращение не вводили его в заблуждение. Он был пленником и сознавал это. Если стремление к насилию и отчуждённость были преступны в 2087 году, то он преступник. Если это болезни, то он пациент. Так или иначе, он не свободен.

В то же время Вандерхорст ждал ответных действий от своих стражей. Его нижняя губа была разбита и на виске вскочила болезненная шишка, а суставы пальцев были покрыты целебной плёнкой так, что не сгибались. Как бы там не считали в верхах, всё-таки на Земле еще есть люди, способные на насилие. Мысли Вандерхорста путались. Он напился как свинья, проклинал весь род людской, бил всех, до кого мог дотянуться. И теперь сам себе внушал отвращение. Он не принадлежал этому времени.

Мягкий сигнал возвестил время завтрака. Вандерхорст поднялся с кровати, потянулся и подошёл к слоту раздачи. Над ним включился экран, с которого Вандерхорста приветствовала, улыбаясь, молодая женщина.

— Доброе утро, капитан. Хорошо ли вы спали?

— Я всегда хорошо сплю. Это важная часть моей работы.

— Мы хотим, чтобы вы пришли в норму. Вы поступили к нам в состоянии сильного перенапряжения...

— Как насчёт завтрака? — оборвал её Вандерхорст.

— Конечно, капитан. Может быть, сегодня вы более расположены к беседе? Обстоятельства складываются чрезвычайно удачно, старший советник свободен весь день и очень хотел бы встретиться с вами.

— Сейчас мне нужен завтрак. Дадут мне его?

Женщина смотрела на него ласково, как мать на непослушного ребёнка.

— Капитан Вандерхорст, если бы вы попытались понять, как мы хотим вам помочь, я уверена, вы были бы рады сотрудничать.

— Я не сотрудничаю на пустой желудок.

И в этот, и в последующие дни, каждый приём пищи проходил под аккомпанемент лесты и мягко выраженного сочувствия. Вечером пятого дня, когда Вандерхорст сидел за своим бледно-голубым столиком и раскладывал пасьянс, дверь отворилась. Крепко сбитый социальный ассистент стоял на пороге, и в его руке был небольшой дорожный чемодан.

— Прошу вас пройти со мной, капитан Вандерхорст.

— Куда мы направляемся?

— Вы снова допущены к нормальной жизни. Вам бы лучше, капитан...

— Просто покажите мне выход.

К его удивлению, молодой человек так и сделал. Вандерхорст ожидал потока бесконечных вопросов и проявлений заботы персонала Профилактория, но вместо этого его провели голубыми коридорами вниз, к обыкновенной двери. Младший социальный ассистент передал ему чемоданчик, открыл дверь и сказал:

— Рады были помочь, капитан Вандерхорст.

Вандерхорст ничего не ответил. Он никак не ожидал встретить сенатора Далтон, стоявшую у личного “Лендроллера”.

— Это вы меня отсюда вытащили? — спросил Вандерхорст.

— Кое с кем переговорила. Вы готовы снова отправиться в полёт?

— Позволят ли мне вернуться на Землю?

— До тех пор, пока я имею хоть какое-нибудь влияние, ваш дом здесь. Надеюсь, в следующий раз неприятностей от вас будет поменьше.

— Мне будет сто двадцать пять лет, когда я вернусь. Может, стану мудрее.

— А мне будет восемьдесят один, как вы верно заметили, и я буду поддерживать вас. Правда, моя помощь окажется не столь эффективной, как на сей раз. Всё может обернуться против вас и программы. Помните об этом.

Вандерхорст пожал плечами.

— Я не смог бы помочь, если бы остался. Плохой из меня политик.

Далтон расхохоталась.

— Это еще мягко сказано. Думаю, каждому из нас следует заниматься своим делом.

Вандерхорст расположился на сиденье автомобиля. Они медленно покинули комплекс Профилактория, затем выехали на загородную трассу и разогнались до огромной скорости. Насыпи по обе стороны дороги закрывали весь рукотворный мир. Над ними нависло неподвижное вечернее небо, холодное и безразличное.

Вандерхорст был уверен, что Далтон сдержит своё обещание и сделает всё, что в её власти. Хотя он не питал никаких иллюзий, но его это, как ни странно, совсем не заботило. Земля — его дом, как ни крути, вне зависимости от успеха или провала Далтон. С этим Вандерхорст ничего не мог поделать.

Он любил эту планету, такую яркую на фоне черноты космоса. Смотреть на неё со стороны гораздо проще, чем жить на ней. Он мог бы видеть то же самое и с Луны. Сила тяжести меньше, не придётся привыкать. Он мог бы даже встречаться с людьми, общаться и жить в мире. Мог бы быть счастлив там.

Вандерхорст вдруг расхохотался, и Далтон с любопытством взглянула на него. Усмехаясь, он сказал:

— Я подумал, что бы сказал мой отец, если бы узнал, что я доверил

свое будущее политику.

Откинувшись назад, он засмеялся от радости, чувствуя как напряжение и гнев оставили его, сброшены прочь, словно старая одежда. Небо потемнело и появились первые звёзды. Вандерхорст посмотрел на них с удовольствием. Как приятно всё-таки возвращаться домой.

Дэвид Хилл
И ПАДАЕТ ЗАНАВЕС⁴
Перевёл Илья Куреня

Отец потерял работу незадолго до болезни мамы. После он все чаще засиживался дома. Сперва продолжал вставать, одеваться и уходить из дома еще до того, как я и Миранда уходили в школу, но через месяц или около того уже перестал бриться и спал допоздна. Когда мы возвращались, отец обычно лежал, растянувшись в одних трусах на диване в гостиной. Его светлая кожа была испещрена черными и красными татуировками, которыми он так гордился, и которые так нас смущали. В нашем возрасте папа был настоящим героем. Он всё удивлялся, как его дети вышли такими консервативными.

— Привет, ребята, — как-то раз сказал он. — Взгляните на это!

Мы сняли шляпы, стерли защитный крем полотенцами, которые мама держала у двери, и пошли посмотреть на то, что отец хотел нам показать. Папа смотрел 67 канал, прямой репортаж об Операции “Занавес”. В кадре появился маленький челнок, яркая серебристая пылинка на фоне черного космоса. Бимолекулярная нить вытягивалась из его кормы, как паутинка из прядильных желез паука. Попадая в вакуум она почти мгновенно расширялась и растягивалась в тонкую пленку призматического сечения, превращаясь в частичку огромного зонта, закрывающего землю от солнечного ультрафиолета.

— Чертовски здорово, — воскликнул отец. Ему всегда нравились новые технологии. — Посмотрите-ка, дети. Так творится история.

— Как-нибудь в другой раз, пап, хорошо? — сказала Миранда.

Я проследовал за сестрой из гостиной дальше по коридору, в мамин кабинет. Сидя за компьютером, мама одной рукой водила по экрану кистью, а другой на клавиатуре подбирала цвета и текстуры, создавая яркий пейзаж. Мы тихо наблюдали, как она отправляет изображение в очередной журнал, и только тут мама нас заметила. Может быть потому, что это был наш последний счастливый день, перед тем, как мы узнали, как тяжело она больна, я отчетливо все запомнил. Мамины волосы, мягко обрамлявшие ее лицо, озарившееся широкой улыбкой, маленькие капельки пота на верхней губе... Она протянула руки к нам и сказала:

— Идите сюда.

Потом мы с Мирандой засели за домашнее задание. Нас не пускали

на улицу до того, как мы его сделаем, да и все равно из дома нельзя было выходить до сумерек. Даже тогда мама заставляла нас надевать шляпы и перчатки и мазала лица гелем перед выходом. Через пять минут мы были уже в парке и носились туда-сюда по твердой высохшей земле, прячась среди безжизненных рядов мертвых деревьев. Большинство наших друзей жили в центре города, и мы обычно встречали их у выхода из станции “72 улица”, в западной части Центрального парка. Иногда они дразнили нас, за то, что мы жили на окраине, но Миранда умела их приструнить:

— Наш папа говорит, что, как только закончат строить занавес, все снова захотят уехать из центра на окраину, — в ее голосе звучала уверенность девочки, который исполнилось уже целых двенадцать лет. — В любом случае, кому захочется жить в старой темной дыре?

— Она не темная, — ответил Жермен.

— Да конечно, дыра. Что, скажешь — нет?

Никто не спорил. Никто даже и не пытался. Миранда почти всегда была нашим вожакom, пока мы играли в салки, прятки и всякие “войнушки” среди скелетопоподобных останков деревьев парка до наступления ночи, когда приходилось возвращаться домой. Утром мы отправлялись в школу до рассвета, избегая лучей утреннего солнца. Мы приходили задолго до начала уроков, потому что Миранда была дежурной по сопровождению других детей в здание, все ставни которого были закрыты. Я завидовал ее форменным нарукавной повязке, тропическому шлему и очкам, и очень хотел получить такие же, когда дорасту до шестого класса.

Не знаю, как мы почувствовали тем вечером, что что-то в доме не так. Но как только парадная дверь закрылась за нами, мы неестественно чинно пошли в нашу комнату и прилежно сели за уроки. Может быть, нас насторожило, что телевизор был выключен, и мама не работала у себя в кабинете, а тихо разговаривала с папой на кухне. Или же что-то в тембре родительских голосов действовало на подсознание. Не могу объяснить. Мы просто чуяли: что-то неладно, и на всякий случай старались не привлекать к себе внимание.

За обедом, наконец, страх уменьшился. Сперва родители старались вести себя за едой как обычно, расспрашивая нас о том, как прошел день, и передавая друг другу соевый сыр и тканевый белок, словно все, как всегда, в порядке. Но получалось это так неискренне и напряженно, что скоро они бросили притворяться, что все хорошо, и просто тихо уселись напротив нас. Я почти не отводил глаз от тарелки, но не мог не заметить, какие красные у мамы глаза, и как часто моргает отец, едва сдерживая слезы. Наконец, Миранда не выдержала:

— Я думала, мы в семье договорились насчет секретов, — заметила она.

— У нас сегодня плохие новости, ребята, — помолчав, ответил ей папа. — Помните, мама ходила на медосмотр в клинику на прошлой неделе? Так вот, доктор сделал несколько анализов и сегодня утром позвонил нам с результатами.

— У мамы грипп? — предположил я.

Она улыбнулась и взяла меня за руку:

— Нет, солнышко. Боюсь, что у меня рак.

Нам не нужно было спрашивать маму, что это такое, или какой именно у нее рак, потому что нас заставляли затверживать наизусть все

об этой болезни с того момента, как мы выросли достаточно, чтобы в одиночку выходить из дома. Миранда была поражена:

— Но, мам, ты же такая осторожная! Ты же всегда надеваешь шляпу и наносишь крем от загара.

— Я знаю, милая. Но, понимаешь, когда я была в твоём возрасте, мы не знали того, что мы знаем сейчас. Мы не понимали, как разрушается озоновый слой, как страшен ультрафиолет, и как может навредить солнце, если ты неосторожен. У меня несколько раз случались солнечные ожоги во время летних каникул, когда я была маленькой. А от этого как раз и бывает рак. Иногда, если в детстве сильно обгораешь на солнце, потом развивается рак кожи, особенно если кожа такая светлая, как у меня, и есть врожденная предрасположенность к болезни.

— Мама умрет? — спросил я.

В этот раз она ответила без улыбки:

— Я не знаю, дорогой. Нам остается только ждать.

Как мы с Мирандой узнали в течение следующей пары недель, проблема заключалась не в медицине, которая могла вылечить практически все. Обычно лечения генетически модифицированными бактериями было достаточно, чтобы остановить рак до стадии метастазы и даже после того, как болезнь начала распространяться, как было в мамином случае. А если это не помогало, в большинстве случаев успешное исцеление достигалось с помощью лазерной хирургии или трансплантации ткани. Нет, проблема была в деньгах. У родителей не было медицинской страховки. Мама всегда работала по договорам, полагаясь на отца. А тот лишился полиса, когда его уволили.

Миранда понимала это гораздо лучше меня. Иногда ночью я слышал, как она тихо плакала на верхней кровати, но стоило спросить, в чем дело, и она лишь сердито велела мне замолчать. Я был слишком мал, чтобы всерьез воспринимать смерть; по-прежнему верил, что все будет хорошо, и никак не мог связать внезапное похудение мамы с ее болезнью. Я не видел ничего ужасающе неестественного в том, что когда мы приходили вечером из школы, отец почти всегда храпел, развалившись на диване, во сне едва удерживая в руке трубку. На кофейном столике около него на горке тонких стружек лежал кубик черной липкой смолы. Иногда я пытался разбудить его, но ничего не получалось.

— Оставь его, — шептала Миранда. — Он пьяный.

— Папа не пьяный, — отвечал я. — Папа спит.

— Не будь глупым. Он пьян. Ты думаешь, почему он потерял работу?

— Потому что он не нравился своему начальнику, и они поссорились.

— Да нет же, идиот. Я слышала, как они с мамой говорили. Его уволили, потому что он пришел на работу пьяный. И именно поэтому он не может найти работу сейчас. Это из-за него у нас сейчас нет страховки. Это из-за него погибнет мама.

К тому времени Миранда почти ненавидела отца. Она практически не разговаривала с ним, разве что язвительно замечала, как уродливы его татуировки, как не смешны его шутки, и как сильно он растолстел, потеряв работу. Миранда взяла на себя обязанности няни для мамы, готовила ей чай, приносила маленькие ампулы эндорфина, которые выдавали в бесплатной клинике, и читала вслух столь любимые мамой викторианские романы. Она не позволяла отцу ни в чем помогать ей. Миранда молчала, чтобы мама не поняла, насколько она сердита на отца. Но когда он пытался помочь, сестра смотрела на него с такой бешеной

ненавистью, что тот уходил в гостиную, курил и смотрел, как строится занавес вокруг Земли, просиживая так весь вечер, до глубокой ночи. Иногда я видел его там и по утрам.

После школы я ждал в кафе, пока Миранда закончит выполнять свои обязанности дежурной. Обычно, как только уходили все остальные, мы сразу же отправлялись домой, но однажды Миранда повела меня в другую сторону. Я шел за ней, не выходя из-под навесов и тентов, пока мы не достигли делового района, где улицы были перекрыты толстыми пластиковыми щитами, и можно было не укрываться от солнца, шагать по середине тротуара. Миранда отказывалась сказать, куда мы идем. Наконец, мы остановились у магазина в районе восточных шестидесятих улиц:

“Части тела: покупаем и продаем”

Сестра открыла дверь, и мы вошли в демонстрационный отдел, загроможденный всякой всячиной. Вдоль стен располагались ряды контейнеров-рефрижераторов, на холодных металлических поверхностях которых блестели капли конденсата, словно россыпи драгоценных камней. Полупрозрачные панели в стенках ящиков позволяли увидеть разные органы, части тела и таинственные биологические компоненты, содержащиеся в каком-то консервирующем растворе. Прямо напротив двери за прилавком сидел толстый человек с глазами разного цвета. Он отложил свою газету и спросил:

— Чем я могу вам помочь, молодая леди? Вы пришли купить или продать?

Даже я понял, что он шутит, но Миранда сочла вопрос абсолютно серьезным. Всерьез же и ответила:

— Может быть, немного и того, и другого, — она сняла куртку и отдала ее мне. Затем закатала рукав рубашки и положила руку на прилавок. — Сколько вы дадите за это?

Продавец притворился, что раздумывает над ее предложением, профессионально рассматривая всю ее руку, вплоть до пальцев. Он провел по ней от локтя до плеча маленьким ультразвуковым сканером, чтобы проверить состояние костей и сухожилий.

— Она в очень хорошем состоянии, — сказал он, наконец. — Но маленькая. Нам бы пришлось дать ей немного подрасти у себя в цистерне. Понимаете, на маленькие размеры спрос невелик. Дайте-ка прикинуть, — продавец на мгновение замолчал, закрыв в задумчивости голубой глаз и взирая на потолок карим. — Двадцать две тысячи, — сказал он. — Я дам двадцать две тысячи наличными или кредит в двадцать семь с половиной для покупки. Вы ведь сказали, что хотите еще что-то купить?

— Да, — ответила Миранда. — Кожу.

— А, кожу. Кожа дорога, милая. Всем сейчас нужна кожа. Это все из-за солнца, понимаете?

— Я понимаю.

— Вам нужен ярд — другой или на человека целиком?

— Целиком, причем на взрослого.

— Так-так. Целиком на взрослого. А этот взрослый большой или маленький?

— Она больше меня, но ненамного. А здесь и здесь — на много, — Миранда показала на грудь и бедра.

— Понятно. Значит, вам нужен восьмой размер, молодая леди. Вообще они идут за сто тридцать пять тысяч. Но так как у нас двусторонняя сделка, я отдам ровно за сотню. Ну как, согласны? Лучшей сделки и не найдете.

— Сто тысяч? — повторила Миранда.

— Не считая операции, конечно. Обычно хирургия стоит еще сорок. Пересадка кожи, я имею в виду, ампутация-то бесплатна. В любом случае, мы принимаем оплату основными кредитными картами и большинством страховых залоговых полисов.

Миранда недоверчиво спросила:

— Даже если я продам обе руки и ноги, у меня не хватит на целую кожу. Так?

— Ну да. Как я сказал, таковы уж сегодняшние запросы. А кожу найти трудно. Любой может прийти к нам продать палец или зуб, или почку, или глаз и выйти отсюда через пару часов. Но кожа — другое дело, это как сердце. Ее можно продать только как часть полного комплекта, если вы понимаете, что я имею в виду.

— И сколько вы заплатите за это?

— Сотню с полтиной.

— Я ничего не понимаю! — воскликнула Миранда. — Если я продам вам все тело, то вы мне дадите сто пятьдесят тысяч. Но если я захочу купить только кожу, то это будет стоить сто тридцать пять плюс оплата операции, еще сорок тысяч. Это нечестно.

— Таков уж бизнес, моя дорогая. Рыночная экономика. Не я устанавливаю правила. Я просто здесь работаю.

Лицо Миранды залилось краской, и я понял, что она сейчас придет в ярость или расплатится. Но она справилась с собой и тихо опустила рукав.

— Спасибо за потраченное на нас время, — сказала она, забирая у меня куртку. Затем взяла меня за руку, и мы повернулись, чтобы уйти.

— Секундочку, молодая леди, — мы оглянулись.

— Да? — отозвалась Миранда.

Продавец жестом пригласил нас вернуться к прилавку. Он спросил:

— Кто-то из ваших близких сильно болен, не так ли?

— Да. Мама, — Миранда расплакалась. У меня в глазах тоже блеснули слезы. Продавец предположил:

— У нее рак, а у вашей семьи нет медицинской страховки. Это так? — Миранда кивнула:

— В Сент-Винсенте ее не принимают, пока нет страховки. Они только дают ей дурацкий эндорфин от боли. Она умрет.

— А вы хотите помочь. Вы смелая девушка. Хочу вам кое-что сказать. Даже если вы решитесь отдать нам полный комплект, что, я уверен, вы сделаете, потому что любите свою маму, и даже если этого хватит, чтобы купить ей кожу, есть еще одна проблема. Сколько вам лет, милая? Двенадцать? Тринадцать? Но ведь надо быть не младше восемнадцати, чтобы продать нам даже самую маленькую свою часть, даже маленький пальчик, даже ноготок. Таков закон. Так что, понимаете, вы ничего не можете сделать. Это не в вашей власти. Знаю, вам сейчас от этого не легче. Но когда-нибудь, возможно, станет легче.

Дома нас ожидала взбучка. Миранда не предупредила папу с мамой, что мы задержимся. Не рассказала она и о том, что мы были в том магазине, напрасно пытаюсь купить кожу для мамы, соврав, что мы

навещали друга в центре города. Я не противоречил Миранде, и не вмешивался в ссору, пока отец кричал на сестру. Мама тоже в скандал не ввязывалась, у нее осталось слишком мало сил. Раньше именно она, а не папа, всыпала бы нам по первое число за нарушение главного домашнего правила. И именно ее молчание, больше, чем что-либо еще, дало мне понять, как серьезно она больна.

Через две недели маме стало хуже. Она спала уже почти все время, просыпаясь только для того, чтобы вяло потянуть бульона из крыля, который готовила ей Миранда, или проглотить эндорфин. Мама почти не поднималась с кровати. В последний уик-энд в ее жизни, в субботний июньский вечер, папа нес ее на руках. Отец решил устроить семейный пикник, и послал Миранду со мной в магазин с пригоршней продуктовых карточек, велел купить на них все, что нам захочется. Мы вернулись, нагруженные лепешками с мясом агути, и дюжиной хот-догов, и булочками, и соевыми чипсами, и печеньем, и картофельным салатом (целой квартой), и салатом из шинкованной капусты (тоже квартой). Отец нежно поднял маму на руки, и мы вместе с ними преодолели три лестничных пролета до самой крыши.

Папа уже разжег жаровню и приготовил место для мамы, расстелив на асфальте одеяла и сложив подушки мягкой горкой. Миранда занялась готовкой, пока родители сидели, взявшись за руки, а я исследовал крышу, задевая хрупкие кости голубей, живших когда-то под водонапорной башней, и даже вскарабкался по ржавой металлической лестнице к самому баку. Вид оттуда открывался захватывающий. За городом и пересохшим Гудзоном, погруженными в сумерки, в самом центре широкой, покрытой трещинами равнины из затвердевшего ила сохранилась лишь тонкая струйка воды, тянувшаяся к оголенным базальтовым скалам Нью-Джерси. В другой стороне сверкали в последних лучах умирающего дня высокие башни деловых центров, и полупрозрачный пластик поблескивал между ними, словно чудесная рождественская обертка.

Мама почти ничего не ела, но все время улыбалась. Миранда и я набили животы так, что еле двигались, ведь мы оба любили мясо, а обычно его не хватало. Затем папа отнес жаровню и остатки еды вниз. Вернувшись, отец явно захотел что-то нам сказать. Миранда сердито взглянула на него, но он не заметил. Отец указал рукой на ночное небо:

— Взгляните, дети, — сказал он. — Его не видно, но он там.

— Кто он, папа? — спросил я.

— Занавес, сын мой. Занавес. Знаешь, он почти закончен, миллионы и миллионы квадратных миль. Еще две — три недели — и все. Говорят, ультрафиолетовое облучение уже уменьшилось на двадцать процентов. Скоро вы сможете выходить из дома без шляп, очков и перчаток, и не надо будет мазать всего себя всякой мерзостью. Как мы с мамой, когда мы были детьми. Снова будут расти деревья, и трава, и там будут белки, и лягушки, и олени, и еноты. В лесах, а не в зоопарке. Все будут жить на окраине, не только такие, как мы. Вот подождите — и увидите. Все будет, как в старые времена.

Его видение очаровало меня. Миранда, однако, пришла в ярость.

— Я не хочу тебя слушать! — завизжала она. — Ты пьян. Я знаю, что ты делал, когда был внизу. Я чувствую, как от тебя пахнет. Ты напился, а теперь делаешь вид, что все в порядке. Какое нам дело? Какое нам дело до этого занавеса? Мамы уже не будет. Ты что, понять не можешь? Мамы

уже не будет! И это все ты виноват.

Рыдания сестры так сотрясали все ее тело, что я боялся, что они разорвут ее на части. Отец молчал. Просто стоял и смотрел на нас, а радость, появившаяся на его лице во время рассказа о занавесе, погасла, улыбка застыла. Наконец, он ушел.

— Обнимите меня, дети.

Обнимать маму надо было очень осторожно, потому что у нее все болело. Когда я прижался щекой к ее груди, то понял, что от нее почти ничего не осталось.

— Дети, — сказала она. — Я хочу, чтобы вы поняли вашего отца. Папа болен, как и я. Это так, хотя и незаметно, как тот занавес в небе. Он пытался вылечиться, много раз пытался. Но не может. Я знала, что он болен много лет назад, даже до того, как у нас появились вы, ребята. Я думала, что смогу помочь ему. Но одной любви недостаточно, чтобы исцелить человека. Здоровье должно идти откуда-то еще, может быть, из него самого — изнутри, а, может быть, от Бога. Я не знаю. Надо только видеть, каков человек на самом деле. А ваш отец — хороший человек, и он делал меня счастливой намного чаще, чем заставлял грустить. Он вас очень любит, всем сердцем. И сделал бы все на свете и для вас, и для меня, если бы мог. Вот что важно. Обещайте мне, что будете любить его, когда меня не станет.

— Хорошо, мама, — ответил я.

— А ты, Миранда? Обещай мне, что простишь его.

— Хорошо, мама, — произнесла сестра, помолчав. Но ночью, когда я засыпал, я слышал, как Миранда, спавшая надо мной, тихо шептала себе под нос всего два слова, будто обет:

— Не прощу. Не прощу.

Мама умерла в четверг, когда мы были в школе. Мы пришли — а ее уже не было. В тот вечер Миранда, наконец, забыла о своей ненависти к отцу, и мы все трое лежали в той вмятине на матрасе, которая появилась после многих дней болезни, проведенных мамой на нем, убаюканные ускользавшим запахом ее духов. Нам было лучше на простыне, на которой раньше лежала мама, под одеялами, которые ее согревали, на подушках с зацепившимися за них длинными волосами. Мама хотела, чтобы ее похоронили, но это было запрещено, потому что в земле теперь водилось слишком мало живых существ, которые могли бы прибрать мертвых. В субботу папа забрал урну с ее останками из крематория, и мы отнесли ее на Мост Джорджа Вашингтона, встав на самую его середину, там, где далеко внизу под нами все еще сверкала ниточка, оставшаяся от Гудзона.

Закатное небо сияло рванными полосками красного, огненно-рыжего и золотого света. Мы смотрели вперед, вниз по течению. В милях отсюда, далеко, за электростанцией, я едва различал в сумерках мерцание отступающего океана. Папе не хотелось выпускать урну из рук, но чуть погодя он все же отдал ее Миранде. Та тоже долго держала урну, перед тем как передать ее мне. А она была такая маленькая, что я с трудом верил, что в ней — все, что осталось от мамы, но желания открыть и удостовериться в этом не было. Я рассматривал урну, не зная, что должен в этот момент делать или чувствовать. Затем вернул ее Миранде. Отец кивнул, и сестра перебросила урну через перила. Вращаясь и переворачиваясь, она летела все быстрее и быстрее вниз, пока наконец не достигла воды, с тихим всплеском погрузившись в реку.

Я не знаю, сколько мы так стояли и смотрели. В какой-то момент я

поднял глаза.

— Папа, что это?

— О, Боже!

— Что это, папа?

Он не отвечал.

На мосту за нами остановились автомобили — в основном, трейлеры, осуществлявшие перевозки между штатами. Люди выходили из машин, чтобы посмотреть вверх.

От самого горизонта до голубого свода над нашими головами, со всех сторон и во всех направлениях, в небе что-то происходило. Высоко в воздухе, может быть, на верхнем краю атмосферы, кружились, петляли и пересекались друг с другом длинные светящиеся полосы. Это было так чарующе красиво, что я заулыбался от удовольствия, не обращая внимания на хмурые лица взрослых вокруг. Все молчали. Медленно и плавно огромный занавес начал опускаться, становясь еще прекраснее, переливаясь всеми цветами радуги, извиваясь в стратосфере, как живое существо, и при этом величественно и невесомо падая на землю. Скоро исчезли даже высокие перистые облака, залитые закатом. А занавес все падал, застилая весь мир странной пеленой. Кто-то заплакал. Я был поражен, увидев, что это плачет отец.

Я испугался. Потом подошел и прижался лицом к нему.

— Что случилось, папа? — спросил я.

— Это занавес, сын, — ответил он. — Занавес падает.

— Почему, папа? Что произошло?

Ответ на этот вопрос хотели знать все. Остановившийся невдалеке дальнобойщик открыл дверь кабины, и все смогли услышать радио. Несмотря на помехи, скоро все стало ясно. На Солнце произошла буря, видимо, завершавшая сто- или тысячелетний цикл, и она была столь же неожиданна, сколь и сильна, намного сильнее всех прогнозируемых воздействий. Выброс солнечной радиации вывел из строя механизмы управления занавесом, сорвав его с орбиты и вдавив в атмосферу, где, как видели мы, он сперва разделился на части размером с целые континенты, а затем осыпался вниз невообразимым конфетти. Короткие вспышки огня возникали то здесь, то там — части занавеса возгорались от трения. Медленно-медленно они приближались к нам, собирая под собой облака и принимая все более угрожающие размеры, пока не заполнили собой все небо над нашими головами.

Десять тысяч футов. Пять тысяч. Пятьсот. Шея у меня уже болела, так долго я стоял с задранной вверх головой.

— Все кончено, — шептал отец.

— Что кончено, папа? — спросил я. — О чем ты говоришь?

Он не отвечал. Когда я снова взглянул вверх, часть занавеса, ближайшая к нам, размером с Манхэттен, достигла верхушек башен моста. До невозможного тонкий бимолекулярный слой на мгновение задержался на металлической конструкции, но сразу же беззвучно лопнул и продолжил падение, бесшумно скользя вдоль тросов, поддерживавших мост, к земле. Отец обхватил нас с Мирандой, закрывая своим телом, но в этом не было нужды. Когда часть занавеса накрыла нас, мы почувствовали только легчайшее касание, и пленка сразу разорвалась под своим же весом, как мыльный пузырь.

Куда бы я ни посмотрел, от пригородов Бронкса до океана, от Нью-Джерси до многоквартирных домов на Вашингтон Хайтс, мир покрылся

пеленой.

Я нагнулся и попробовал поднять кусочек занавеса, но хрупкий материал рассыпался от моего касания.

Люди стали расходиться по своим машинам и уезжать. Папа взял нас за руки, и мы пошли по мосту обратно в город. Наступая на тонкую пленку занавеса, наши ноги превращали его в ничто и оставляли чистый след позади.

— Ну, вот и все, ребята, — сказал отец.

— Что все? — спросил я.

— Помнишь, что я говорил тебе, сынок? Занавес был нашей последней надеждой. Теперь все будет еще хуже. Скоро даже воздух настолько испортится, что мы не сможем дышать на улице. Солнечная радиация возрастет, и растения не смогут больше расти и насыщать атмосферу кислородом. Не знаю, что будет с нами. Может, вашей маме еще повезло.

Миранда вырвалась из его объятий:

— Как ты можешь такое говорить? — кричала она. — Ненавижу тебя, папа! Лучше бы ты умер, а не она. Не могу слышать, как ты болтаешь про этот дурацкий занавес. Я рада, что он упал!

Той ночью отец напился. Все воскресенье он тоже пил. В понедельник, однако, он принес хорошие новости.

Как он объяснил, с ним связалась компания, разыскивающая родственников тех, кто умирал, не оставив завещания. Выяснилось, что у него была богатая тетя, о которой он никогда не знал. От нее к нам переходило имущество, часть которого надо было отдать компании за то, что она его нашла, но оставшегося вполне хватало, чтобы мы нашли новое жилье и могли нормально существовать какое-то время. Через три недели прибыли рабочие, и мы переехали в центр города. Папа, Миранда и я спустились по эскалатору на 72 Улице на жилой уровень (ниже того, по которому ходили поезда).

Конечно, я бывал у друзей, которые жили там, раньше, но теперь, возможно, потому что мы должны были здесь остаться, все казалось странным и даже пугающим. Длинные коридоры, хотя и хорошо освещенные, казались сумрачными, прохожие — странными, а постоянный шум вентиляторов и электрических такси действовал на нервы. Отец купил двухкомнатную квартиру на тридцать седьмом уровне. Мы с Мирандой обрадовались, узнав, что некоторые из наших друзей жили неподалеку, и скоро почти забыли о том, как мы жили на поверхности Земли. Мы поднимались туда в школу и играли в парке по вечерам, проносясь сквозь обрывки занавеса, который ветер и жара постепенно превращали в пыль, но большую часть времени все же проводили внизу.

Потом отец сказал, что ему придется уехать. Он, наконец, нашел работу.

— В Антарктиду, — сказал он в тот вечер. — На разработки под морским дном, на Шельфе. Только вот семьи брать нельзя. Но я обо всем позаботился. В банк на ваш счет ежемесячно будут поступать деньги, которых вам хватит, плата за бытовые услуги снимается автоматически. И вам, естественно, не придется волноваться по поводу квартиры. Еще я нанял гувернантку, чтобы приглядывала за вами. Контракт подписан на два года, отпусков не предусмотрено, так что пройдет много времени, пока мы с вами снова увидимся. Сын, будь хорошим мальчиком и

слушайся во всем сестру.

— Да, папа.

— Миранда, мне не нужно говорить, как я на тебя рассчитываю. Ты ведь понимаешь, о чем я говорю. Ты уже почти взрослая. Правда?

— Да, отец.

— Поцелуйте меня.

Сестра не стала. Даже на прощание.

Больше мы папу никогда не видели.

Первые пару месяцев письма приходили нечасто. Возможно, из-за этого мы не замечали, что в них не было прямых ответов на то, о чем мы спрашивали в своих письмах. Два года истекли, но отец известил нас, что он нанялся еще на два года. Так было еще дважды, а затем письма совсем перестали приходить. Наши, посланные на абонентский ящик (так как отца переводили со скважины на скважину, и постоянного адреса у него не было), возвращались нераспечатанными. Миранда, учившаяся уже в колледже, сказала, что такое безответственное поведение типично для алкоголика. Ненависть ни на миг не покидала ее. Она была уверена, что отца снова уволили.

Я не знал, что думать. Однако отец был прав, говоря о том, что случится после падения занавеса. Когда я сам поступил в колледж, а Миранда уже была аспиранткой, жизнь наверху стала невозможной. На входах в подземный город установили воздушные шлюзы, и выходить наружу без автономного источника кислорода больше было нельзя. Солнечное излучение стало таким смертоносным, что даже короткое облучение было опасно. Вся пресная вода наверху исчезла, больше не существовало ни озер, ни ручьев, ни рек, а океаны сильно обмелели. Погибли миллионы людей, сотни миллионов, большинство из них — бедняки. Они умирали от длительного пребывания на Солнце, задохнувшись, от жажды, в мятежах и восстаниях. Под землей всем места не хватало.

Мы с Мирандой выжили, потому что жили под землей.

Правду об отце я узнал случайно. Недавно, как обычно перед уходом на работу, я делал утреннюю зарядку в тренировочном зале.

Проплыв свои обычные двадцать кругов, я вылез из бассейна, и мое внимание привлекла короткая цветная вспышка. Черно-красный клетчатый узор казался мне навязчиво знакомым.

Вытершись, я подошел к человеку, привлекавшему мое внимание. Ему было около пятидесяти, с виду похож на бизнесмена, хотя точно сказать нельзя, так как на нем были только плавки. Я представился и сказал:

— Никак не могу оторвать глаз от ваших татуировок. Очень уж они необычные.

— Вам нравится?

— Ну, да.

— Ну, хоть кому-то. Сам я их ненавижу.

— А зачем же...

— Так я тут не при чем. Нет, я не был пьян. Такой попался комплект. Но мне очень нужна была кожа, причем быстро, если вы меня понимаете, а ассортимент был не богат. Собственно, оставалось только это. Поначалу хотел вывести их, но никак руки не доходили. А сейчас, вроде, привык. В наши дни таких почти не встретишь, правда?

— Да, — ответил я. — Правда.

Это было месяц назад. Когда я понял, что не было ни таинственной

богатой тети, ни работы в Антарктиде, правда обнаружилась легко. По документам мне удалось отследить все, что произошло за последние шестнадцать лет, и с помощью пары адвокатов и некоторых ухищрений добраться до счета о продаже в компании “Прочный Сустав”. Отец не смог собрать денег, чтобы спасти маму. Но ста пятидесяти тысяч вполне хватило, чтобы купить квартиру для нас с Мирандой в центре города под землей и защитить нас от смерти, в то время, когда столько людей погибло после падения занавеса, а также обеспечить ежегодное содержание пока мы не вырастем.

Мама была права. Папа любил нас всем сердцем. И легкими. И железами. И кожей.

Я все еще не знаю, рассказывать ли об этом сестре.

Дейл Бейли
ИСХОД⁵

Перевела Ольга Краснова

Рут плохо спала ночами уже несколько десятков лет, и этим прохладным тихим майским утром — особенным утром, которое она с нетерпением ждала в течение дней, недель и бесконечно долгих месяцев — проснулась даже раньше обычного: ровно в 3:57, как показывали часы, вживленные в обновленную сетчатку ее глаза. Она тихо лежала, вдыхая свежий аромат сирени, доносившийся через окно из парка, и решая, не пора ли ей вставать. Рут давно заметила, что, становясь старше, жаждешь сна больше, но нуждаешься в нем меньше. Практическое решение парадокса — игнорировать желание поспать. Тело требовало, чтобы она осталась в постели, в уютном гнездышке, еще часок — другой, но победил здравый смысл. Ничто так не угнетает, как два бессонных часа. Особенно в твой 145-й день рождения.

Поэтому она встала и затянула поясок на новом халате, который ей вчера прислала Марта, ее правнучка. Из какой-то восточной страны — Вьетнама? Или Лаоса? Рут еще заметила почтовый штемпель, аккуратно вырезала его и положила на холодильник. Ядовитого цвета узор уродовал халат, но Рут все равно его надела. Она не видела Марту шесть лет, не говорила с ней в течение трех и не имела представления о том, что та делала в Таиланде. Но все-таки всегда приятно, что о тебе помнят.

На кухне она приготовила кофе, по обыкновению отказавшись от негромких предложений дома помочь ей. Рут уже пыталась убедить техобслуживание заглушить этот шепчущий голосок, но безуспешно.

— Мы не можем отключить мозг дома, — сказал ей техник. — Это было бы нарушением правил.

— Я не прошу отключить мозг, — ответила Рут, — только голос.

Техник покачал головой. Вне сомнения, у него зуб на пожилых людей

вроде нее. Когда сам уйдет на пенсию, его взгляды изменятся, но пока это не решало ее проблему.

Он опять покачал головой.

— Мозг дома должен работать на случай какой-либо непредвиденной ситуации, — сказал он ей. — А вдруг вы упадете?

“Неужели это так страшно?”, — подумала Рут.

Но вслух ничего не сказала. Просто смирилась — стараясь игнорировать попытки дома потакать каждой ее прихоти. Рут знала нескольких пожилых людей, которые попались в эту ловушку. Она будет сама о себе заботиться, иначе — конец.

Потягивая кофе, она включила телестену. Все каналы кричали об одном и том же: тру-эйджеры, сторонники идеи “истинного возраста”, снова разбомбили поселок для пожилых, на этот раз в Хьюстоне; на орбите продолжается подготовка к предстоящему запуску “Исхода”. Ничего интересного. Она включила изображение тропического леса и допила кофе, глядя на яркие растения и давно исчезнувших птиц.

Выключив стену, Рут вернулась в спальню, чтобы застелить постель, но обнаружила, что опять забыла заблокировать домашний компьютер — и он уже обо всем позаботился. Внезапно на глаза навернулись слезы, как иногда с ней случалось, и она не стала их сдерживать. Дала себе в волю выплакаться, лежа на узкой постели, но когда около пяти начало светать, сказала про себя: “Перестань валять дурака, старушка.” Глянув в зеркало, заставила себя улыбнуться и начала готовиться к самому важному дню, к своему 145-му дню рождения.

Скоро приедет Селия. Наконец-то приедет Селия. Эта мысль ее взбодрила.

Селия появилась только в одиннадцать. Увидев из окна, что машина, на ветровом стекле которой под дворник был подсунут красно-желтый однодневный пропуск, уже подъезжает к крыльцу, Рут решила еще раз убедиться, что в доме полный порядок. Она оставила чашку из-под кофе на столике и теперь поспешно отнесла ее на кухню, но в остальном все просто сияло. На стулья были одеты только что отглаженные ситцевые чехлы, дом всосал все пылинки до одной. С кухни доносились аппетитные запахи. Дверной звонок звонил, звонил и звонил, а Рут просто стояла в гостиной и слушала. Она так давно не видела Селию; ей хотелось немного растянуть предвкушение встречи.

— В дверь звонят, — прошептал дом, как будто она сама не слышала.

— Ну, открывай.

Рут шагнула вперед, будто желая сама открыть дверь, чтобы встретить Селию у порога, но вдруг ее охватила внезапная нерешительность. Что она скажет? Но прежде чем что-то пришло в голову, компьютер бесшумно открыл дверь, и перед ней предстала Селия.

— Мамуля! — воскликнула Селия.

— Селия, дорогая, — сказала Рут. — Сколько же лет прошло!

Селия с шумом ворвалась в комнату. Из ее рук посыпались свертки и пакеты — как же она все это донесла? — потом они крепко обнялись, смеясь и болтая наперебой. Следом за Селией вошел худой бородатый мужчина и осторожно закрыл дверь.

— Пахнет чертовски здорово, — сказала Селия.

— На кухне остывает домашний фруктовый пирог. А Флоренс, — моя соседка, знаешь? — позволила мне нарвать цветов у нее в саду, чтобы

сделать тебе приятное. Это так мило с ее стороны.

Рут глубоко вздохнула и улыбнулась. Последовало короткое молчание. Все трое смотрели друг на друга с улыбкой. Незнакомец — ведь Селия не говорила, что приедет не одна — нагнулся, чтобы собрать упавшие пакеты.

— Ну, — сказала Рут, отступив на шаг от Селии. — Дай же мне на тебя посмотреть.

— Да нет, лучше ты мне дай на тебя посмотреть! — засмеялась Селия, оборачиваясь и улыбаясь молодому человеку. — Это Бен, — сказала она. — А это Мамочка-Рут.

Бен что-то сказал, но Рут не слышала его слов. Ее внимание было приковано к молодой женщине. “Селия!” — подумала она, и слезы снова навернулись ей на глаза. Она смахнула их ресницами, чтобы они не мешали ей смотреть на Селию, которая выглядела чудесно. Просто великолепно: высокая и стройная, в просторном блестящем черном одеянии, словно летящем вокруг изящной фигуры; продолговатое лицо раскраснелось от волнения, темные раскосые глаза сияли. Селия, ее пра-правнучка! Густые темные волосы, такие же черные, как и одежда, или даже чернее, с единственной седой прядкой, спадали на плечи. А эта улыбка, которая не изменилась бы, даже если бы все остальное в ней переменялось, если бы Селия наконец, наконец повзрослела. Сколько же Селии лет? Тридцать пять? Сорок? Она сказала:

— Ах, Селия, ты выглядишь замечательно.

— Мамочка! Я пытаюсь познакомить тебя кое с кем.

— Бен. Конечно, Бен, — улыбнулась Рут.

— Очень приятно, миссис... — Бен пожал протянутую руку.

— Просто Рут.

— Очень приятно, Рут. Я столько слышал о вас.

— Ну, а я о вас совсем ничего не слышала.

— Ма-амочка! — сказала Селия.

— Садитесь, — пригласила Рут. — Расскажите мне обо всем. Прошло чертовски много времени, не так ли? Семь лет! — Вы знаете, — сказала она Бену, — я практически одна вырастила Селию. Ее мать...

— Разве нам обязательно говорить о маме? — спросила Селия.

Она сидела рядом со своим молодым человеком — с ее Беном — на уютном диванчике у окна. Рут стояла в дверях кухни и пристально смотрела на них: на стройного молодого человека с бородкой и живыми глазами и на свою пра-правнучку, которая была ей как родная дочь. Селия небрежно положила руку Бену на плечо и тоже смотрела на Рут, как бы ожидая от нее чего-то. Но Рут не знала, что сказать. В голове совсем не было мыслей. Яркое весеннее солнце над зеленью парка слепило ее. Может быть, что-то с имплантатами сетчатки, подумала она и, моргнув, почувствовала, что в глазах стоят слезы. Сегодня она чересчур сентиментальна. Рут отвела взгляд, чтобы Селия ничего не заметила, и поклялась себе, что не заплачет. Как глупо. Затем сказала:

— Давайте я принесу вам что-нибудь. У меня есть кофе, содовая и, наверно, чай...

— Присядь, Мамочка. Мы не хотим пить.

— И все-таки, — сказала Рут. — Хотите кофе, Бен?

— Было бы не плохо, — ответил он. — Если можно, с сахаром.

— Мамочка...

Рут исчезла на кухне. Она остановилась у окна, выходящего на

садик Флоренс, и смахнула ресницами слезы. Цветы буйно цвели, и было приятно стоять у открытого окна и вдыхать их опьяняющий аромат. Это успокаивало.

— Что с тобой, Мамочка?

Рут включила воду и притворилась, будто моет чашку.

— Ничего, дорогая. Просто споласкиваю.

— Чепуха. — Селия закурила сигарету, прошла мимо Рут и выглянула в окно. — А за цветами хорошо ухаживают, — сказала она. — Я буду скучать по ним.

— Отвратительная это привычка — курение.

— Такой стиль, Мамочка. Никакого вреда.

— У тебя вся одежда дымом пропахла.

— Может быть, я брошу.

— За кого ты меня принимаешь? Ты куришь с шестнадцати. Значит, уже двадцать пять лет?

— Двадцать два.

Селия потушила сигарету, сунув ее под кран. В лучах солнца девушка становилась еще красивее: ее кожа делалась почти прозрачной, волосы становились темнее, а седая прядка казалась белокурой.

— Тебе не следует оставлять твоего друга одного, — сказала Рут. — Это невежливо.

— Кто бы говорил о вежливости. — Она наблюдала, как Рут возится с кофейником. — Пусть дом приготовит кофе. Мы так редко видимся, зачем же тратить время?

— Все готово.

Рут поставила сахарницу, чашки и кипящий кофейник на серебряный поднос, с краю спешно разложила полукругом пирожные из коробки и прошла в гостиную. Селия за ней.

— Вы должны мне рассказать о себе. Я хочу знать все, — сказала Рут Бену и заметила, как они с Селией обменялись взглядами. Бен размешивал сахар в чашке. Легкий ветерок всколыхнул прозрачные занавески, и до Рут донесся запах кофе.

— Мы с Селией познакомились в “СелТек”, — сказал Бен.

— “СелТек”, — повторила Рут. — Такая большая компания. Хотела бы я понять, чем ты там занимаешься, Селия. — Я, знаете ли, не разбираюсь в технике, — объяснила она Бену.

— Мы вместе работали над проектом, — сказал он. — Я инженер-механик.

— Да что вы? Может быть, вы мне окажете небольшую услугу? Я пыталась добиться, чтобы техобслуживание отключило голос дома, но они отказались. Вы можете это сделать?

— Мамочка, пожалуйста.

— Не очень предусмотрительно — отключать мозг дома, — сказал Бен. — А вдруг вы упадете?

— Не мозг, только голос.

— Прошу тебя, Мамочка. Мы пришли в гости. Это твой день рождения. Разве ты не хочешь увидеть подарки? У нас их так много.

Бен положил руку на бедро Селии.

— Я помогу вам, — согласился он. — Возможно, вы правы. А вы пока побеседуете.

— Хорошо, — сказала Рут. — Пойдем прогуляемся, Селия.

Они шли по парку, и солнечный свет согревал их плечи. На раскидистом дубе щебетала малиновка, а воздух был напоен запахами цветущих растений. И если не присматриваться, то воображение могло унести Рут из реальности в пасторальный мир, который она знала девочкой. Но что-то неизменно разрушало иллюзию. То ли крошечный самолет, бесшумно скользивший по линии горизонта, то ли старики и старушки, которые копались в маленьких садах вокруг, гуляли, взявшись за руки, по траве или болтали на крылечках побеленных коттеджей, стоявших в тени деревьев.

Рут гордо взяла Селию за руку и церемонно повела по кругу вдоль коттеджей, представляя ее всем, кого знала, то есть — каждому.

Селия молча курила. Немного погодя она сказала:

— Давай поднимемся на стену.

Рут вздохнула:

— Расскажи мне о своем молодом человеке, о Бене.

— Он милый, правда? Мне нравится.

— Ну, на вид вроде ничего. Давно вы знаете друг друга?

— Месяцев шесть или семь.

— Я бы знала, если бы ты хоть раз позвонила мне за все это время. Ты не говорила со мной почти год, Селия.

— Прости, — сказала Селия. — Я... я не знаю, Мамуль. Я была занята, пойми.

— Так занята, что не отвечала на мои звонки?

— Да. — Селия нагнулась, чтобы потушить сигарету о камни. Затем сунула окурки в карман своего черного платья. — Ты знаешь, я не нарочно.

Рут промолчала. Они уже миновали последние коттеджи и торговый центр на окраине парка и теперь шли вниз по узкой мощеной аллее, которую окаймляли деревья.

— Я рада, что написала и пригласила тебя приехать сегодня, — сказала Рут. — И что ты решилась. Я скучала по тебе и боялась, что ты оставишь меня, как и Марта.

— Мама оказалась не такой уж плохой. Ты на самом деле не знаешь ее.

— А ты знаешь?

— Да, знаю, — холодно ответила Селия.

Они подошли к гранитной стене высотой в тринадцать футов, которая так заросла плющом, что ее почти не было видно.

— Мы бы хотели подняться, — сказала Рут охраннику у ворот, и тот махнул им рукой в знак согласия. Когда они взошли по каменной лестнице с черными железными перилами на стену, перед ними открылась серая панорама города.

— Она вспомнила о твоём дне рождения в этом году? — спросила Селия.

— Прислала мне халат. Из Лаоса. Что она там делает?

— Из Таиланда, — сказала Селия. — Она занимается мелиорацией земель в Таиланде. Это хорошая, важная работа.

— Ей хорошо платят?

— Хорошо никому не платят, Мамуля. В наше-то время.

Они немного помолчали. Подул легкий ветерок. Он пробежал над стеной нежной приятной волной и всколыхнул волосы Селии. Рут захотела снова прикоснуться к ней, обнять ее. Но девушка держалась в

стороне, спрятав руки в складках платья, замкнувшись в себе.

— Мама не бросала тебя, — сказала Селия.

— Ну, не знаю, как еще это можно назвать.

— Она тебя не одобряет.

— Что значит не одобряет?

— Твой образ жизни, — сказала Селия. — То, как ты здесь живешь.

— Ну, я же это заработала. Трудилась всю жизнь. И вполне заслужила. Твоя мать тоже в свое время сможет воспользоваться пенсионными сбережениями.

Селия отвернулась, пробормотав что-то.

— Что ты сказала? — спросила Рут. — Я не расслышала.

— Ничего.

Они помолчали немного.

— Я рада, что ты узнала свою мать поближе, — сказала наконец Рут, пересилив себя.

Селия улыбнулась:

— Я тоже.

Они повернулись, спустились по лестнице и пошли обратно к парку. Охранник кивнул им, но ничего не сказал. Небо было ясным и голубым, от него веяло теплом, а деревья перешептывались между собой на непонятном языке. Рут едва замечала это. Воссоединение с Селией должно было пройти не так, думала она, с тоской вспоминая о тех особых узах, которые связывали их, когда Селия была ребенком, а Рут еще не получила свои сбережения и не переехала в поселок. Все должно было быть по-другому.

— Прости, что я стала такой стервой, — сказала Селия.

Рут не ответила. Да и что она могла сказать?

За ужином Селия стала прежней: болтала ни о чем и обо всем, и даже резкие черты ее лица смягчились от радостной улыбки. Она вовлекла Бена в разговор, и, казалось, что неловкость между ними исчезла. Рут он теперь показался вполне симпатичным молодым человеком, и она не возражала, что Селия привела его. Ей было приятно видеть в доме молодые лица, смотреть на Селию после стольких лет. Куда ушли эти годы?

Когда фруктовый пирог был съеден, Селия принесла подарки. Пакеты казались бездонными. Девушка доставала одну за другой коробки в яркой обертке, а Рут открывала их дрожащими пальцами, повторяя:

— Не стоило, дорогая. Как же ты за все это расплатишься?

— Не волнуйся, — сказала Селия.

И Рут перестала суетиться. Хоть раз в жизни, думала она, позволю себе порадоваться. И дала себе волю. То был ее лучший день рождения за многие годы, за десятки лет. Когда они рассмотрели все подарки и вышли на крыльцо пить кофе, уже начало темнеть.

Какое-то время все сидели молча. Рут нравилось это молчание. Она была рада приезду Селии и Бена.

— Чудесный вечер, — сказал Бен.

— Да-а, я буду скучать по таким вечерам.

Селия положила голову Бену на плечо. Качели на крыльце качнулись от ее движения, пружины тихо заскрипели, и Рут, сидевшая в кресле-качалке, слегка им позавидовала. Совсем как дети, в самом деле.

В небе мерцали звезды. Запели сверчки. Вдруг на Рут нахлынули

воспоминания о юности, о Кентукки. Как она сидела на крыльце отцовского дома, положив голову на плечо приятелю, совсем как Селия, и загадывала желание на падающую звезду. Тогда еще были такие места. Были такие крылечки, и поехать можно было куда угодно.

— Видите ту красную звездочку? — спросил Бен и указал сквозь переплетенные ветки сирени на небо.

— Вижу, — сказала Селия.

Рут пристально вглядывалась. Ее зрение затуманилось на секунду, пока имплантат сетчатки настраивался на объект, затем она увидела ту самую красную звездочку далеко-далеко в небе.

— Только это не звезда, — сказал Бен.

— Марс? — спросила Рут.

— Это и есть межпространственный корабль, — ответил он. — “Исход”.

Они помолчали, продолжая качаться.

— Люди улетают далеко-далеко отсюда, — сказала Рут. — Не знаю, правильно ли это.

— Но чтобы жить, нужно иметь место под солнцем, — сказал Бен. — Люди должны трудиться для себя. Они не могут все время работать, чтобы оплачивать пенсию для пожилых.

— По-моему, вы несете труэйджеровскую чушь, — сказала Рут. — Такие разговоры ведут к взрывам, о которых мы все время слышим. Как раз этим утром, я видела, как какие-то сумасшедшие разнесли поселок для пожилых в Хьюстоне. Людям надо потерпеть, придет и их черед.

— Да, но кто будет за них платить? — возразил Бен.

Рут метнула взгляд на красный огонек в небе, будто могла заставить его исчезнуть одним лишь усилием воли.

— Молодых всегда больше, — сказала она.

— Не так много, как пожилых. С каждым днем молодых становится все меньше, а пожилых — все больше.

— Ну, и что нам теперь делать? Взять и умереть?

Бен начал говорить, но Селия прервала его, и он замолчал. Рут не могла разглядеть его лица в темноте, да это было и не нужно. Она поняла, что он за человек — ей приходилось слышать такие возмутительные доводы и раньше. Всю жизнь она трудилась от зари до зари и никогда не жаловалась, потому теперь и живет здесь. Где цветут цветы и растут деревья, каких уж нигде больше не осталось. Она это заработала. Заслужила. И не собиралась слушать того, кто хотел лишить ее этого права. Вдруг ее пронзила тревога. Она вспомнила, с каким нетерпением ждала этого дня, и напонила себе: “Это друг Селии. Человек, которого она любит”. И, отчасти, чтобы загладить свою вину, но скорее потому, что ей нравилось слышать их голоса, радовало их присутствие в ее доме, сказала:

— Почему бы вам не остаться на ночь? Я могу позвонить в охрану, чтобы вам выдали ночной пропуск.

— Разве ты так и не сказала ей? — спросил Бен.

Рут перестала раскачиваться и сидела не шевелясь.

— Не сказала о чем? — спросила она — О чем ты не сказала мне, Селия? Я хочу знать.

— Мы не можем остаться, Мамочка, — сказала та. — Утром мы должны быть на космодроме в Денвере.

— На космодроме? Я не понимаю.

— Мы улетаем.

— Улетаете?

Селия начала говорить и осеклась. Бен беспокойно пошевелился на качелях. Немного погодя Рут спросила:

— Вы собираетесь в отпуск, верно?

— Нет, — ответила Селия. — Мы...

— Мы решились лететь на "Исходе". — сказал Бен. — Завтра регистрируемся на станции Лагранж для последней проверки, но...

Он пожал плечами.

— Но почему? — спросила Рут, не сумев скрыть нотку отчаяния в голосе. Ее захлестнуло одиночество и тоска, которые мучили ее ночами.

— Не расстраивайся, Мамочка...

— Как же мне не расстраиваться, раз ты появилась только, чтобы осведомить меня, что уезжаешь навсегда?

— Ты должна понять, — сказала Селия. — Для нас здесь нет места. Мы работаем как проклятые, чтобы скопить пенсионные и прожить несколько оставшихся десятков лет в свое удовольствие. Но так не может продолжаться вечно, Мамочка. Мы должны уехать, построить новую жизнь.

— Здесь мы не живем, а существуем, — поддержал ее Бен.

— Я не хотела говорить, — сказала Селия, — но не смогла уехать, не попрощавшись с тобой.

— Но тот корабль — он будет в пути лет сто, может, больше. Они даже не знают, куда летят. Они просто... улетают. Что же это за жизнь?

— Лучше, чем здесь, — ответил Бен. — А если нам повезет, то и детям нашим там будет лучше.

— Нас ждет настоящее приключение, какое может выпасть только раз в жизни, — сказала Селия.

— Значит, ты затем и приехала, чтобы сказать мне об этом? В мой день рождения?

Так вот почему Селия вела себя так весь день. Вот почему сказала, что будет скучать по цветам, когда смотрела на пестреющий садик Флоренс. А теперь снова. И подарки...

— Значит, ты бросаешь меня? Как и твоя мать, верно?

— Нет, Мамочка...

— Думаешь, сможешь купить мое прощение своими подарками? Будто я уже слишком стара и слишком глупа.

— Нет...

— Ну, этот номер не пройдет, — сказала Рут, вставая. — Ты все испортила, слышишь? Все. И я тебе этого не прощу.

Она повернулась, вошла в дом и закрыла за собой дверь.

— Запри, — приказала она дому и услышала, как за спиной щелкнул замок.

Слезы катились по щекам помимо ее воли.

— Мамочка? — позвала Селия через дверь. — Прошу тебя, ведь мы больше не увидимся. Давай поговорим.

— Откройте, Рут, — сказал Бен. — Одумайтесь.

— Уходите, даже если это наш последний разговор.

— Мамочка, пожалуйста...

Нет, она не ответит. Пусть зовут хоть всю ночь, она не станет отвечать. Все, все бросили ее. Сначала сыновья. Потом Марта. И в конце концов Селия. И Рут тут ни при чем. Она не ответит. Ни за что.

— Мамочка, прошу тебя, выслушай.

Но она не стала слушать. Сидела в темноте и плакала. Селия и Бен долго звали ее, потом Рут услышала, как отъехала машина, и подошла к окну: задние фары мерцали за деревьями, словно тот красный огонек в небе, на который указывал Бен. Словно корабль “Исход”. Она вернулась и села на диван. Никто не сказал ни слова, даже дом.

Звонок — с кодом срочности — раздался после полуночи, но звук был отключен, и Рут не слышала его. Она проснулась в 3:57, в спальне мигал экран телестены, розовый цвет которого говорил о срочности сообщения. Мозг дома был запрограммирован включить звук в случае непредвиденной ситуации, но это не сработало.

— Почему ты не разбудил меня? — спросила Рут дом. Он не ответил, и тогда она вспомнила, что попросила Бена отключить его голос.

В этой гробовой тишине ей стало не по себе.

— Включи сообщение, — приказала она.

Изображение на телестене пропало. Когда оно снова появилось, Рут увидела лицо Селии, бледное, осунувшееся, казавшееся на экране неестественно вытянутым.

— Связь установлена, — произнес безразличный голос машины, и Селия подняла голову.

— Мамочка? — позвала она и немного подождала. Рут вглядывалась в ее изображение. За спиной Селии толпы людей сновали по главному залу космодрома.

— Мамочка, если ты дома, пожалуйста, ответь.

Она еще подождала, с надеждой всматриваясь в экран, затем продолжала:

— Я не знаю, что сказать тебе, но не могу оставить все как есть. Я люблю тебя, Мамочка, и понимаю, что ты обижена. Но ты тоже должна понять.

Селия замолчала, нащупывая в кармане сигареты, потом вздохнула. Она слушала кого-то за пределами экрана.

— Это Бен, — объяснила она. — Мы должны торопиться. Знаешь, ты ему и правда понравилась. Послушай, ты должна понять, это важно. — Она затянулась и продолжила: — Мы жаждем того, чего Земля не может дать нам, Бену и мне, и еще многим. Мы устали постоянно работать и видеть, что все, ради чего мы трудимся, достается другим. Думаю, тебе трудно это понять — в твоем маленьком мирке есть все — но люди страдают и голодают. Нас слишком много, и слишком многие из нас стары. Это не значит, что я не люблю тебя. Не значит, что не буду думать о тебе, потому что все равно буду.

Она опять посмотрела куда-то за экран и сказала:

— Нам пора. Не забывай меня, Мамочка.

Затем протянула руку к экрану, и изображение исчезло.

— Сохрани сообщение, — сказала Рут дому.

Экран погас.

Сон пропал, поэтому спустя какое-то время она встала, закуталась в халат Марты и пошла на кухню пить кофе. Когда на горизонте забрезжил рассвет, она вдруг поняла, что стоит и смотрит на садик Флоренс. “Я буду скучать по ним” говорила Селия о цветах. Рут попыталась представить себе мир, в котором у людей совсем не осталось надежды. Они были готовы расстаться даже с его цветами. Таким был мир, в котором жила

Селия. Мир, в котором жило большинство людей.

И она тоже, но, выходит, раньше она этого не замечала. А теперь у нее открылись глаза.

Пятнадцать лет она жила здесь. Пятнадцать лет болтала с Флоренс о цветах, пятнадцать лет прогуливалась вечерами по парку, пятнадцать лет играла в бридж и шашки и ходила на танцы по четвергам. И пятнадцать лет плакала без причины по ночам. Пятнадцать бесконечных лет.

А впереди у нее могло быть еще двадцать.

Она включила телестену и немного посмотрела новости. Еще один удар тру-эйджеров; мрачное дно бангладешских трущоб; новый финансовый кризис в Бразилии.

“Люди страдают” — такими были слова Селии. И это правда.

Кроме пожилых; у них есть все самое лучшее.

Но мы заплатили за это, подумала она. Мы долго и много работали, не жалуясь, и это наше вознаграждение.

Однако теперь этот довод звучал неубедительно даже для нее самой. Вознаграждение: неспешные прогулки среди цветов, бридж, и непрошенные слезы. Пятнадцать лет мерзкого, эгоистичного счастья в то время, как наши дети и дети наших детей страдали.

Она попросила стену найти номер Марты и подумала, что та не звонила ей уже три года. Но ведь и она не звонила Марте.

Трое суток спустя Рут попыталась связаться с Селией на станции Лагранж. Где-то через час она пробилась к тому, кто имел информацию о пассажирах и смог уделить ей время.

— Мне жаль, мадам, — сказал этот человек, выслушав ее просьбу. Он был очень молод. — Последние пассажиры отбыли на корабль этим утром.

— Могу я связаться с ними на “Исходе”?

— К сожалению, это невозможно, мадам. — Он протянул руку, чтобы прервать связь.

— Минутку, пожалуйста, — сказала она.

Он взглянул на нее.

— Вы можете передать им сообщение?

— Не думаю, мадам. На корабле почти тысяча человек. Там сплошная неразбериха. Стартовое окно открывается через двенадцать часов...

— Прошу вас.

Он медлил, вопросительно глядя на нее.

— Это важно, — объяснила Рут. — У меня не было возможности попрощаться.

— Ну, хорошо, — он протянул руку к клавиатуре. — Назовите их имена.

— Селия, Селия Фишер. И Бен... просто Бен.

— Ваше сообщение?

— Передайте им, что я прошу прощения, что я все поняла и желаю им всего наилучшего.

— Хорошо.

— Это важно, — повторила она.

— Сделаю все, что смогу.

Экран погас. Рут включила телестену с тропическим лесом, но через минуту выключила. Невозможно отличить яркие цветы и исчезнувших птиц от настоящих — так совершенно изображение. Но при том оно остается обманом, отчего становится невыносимо грустно.

Последний раз она прошла по дому. Большая часть ее имущества была уложена в коробки и готова к аукциону. Выйдя на крыльцо, где ее ждал единственный чемодан, она поискала на небе мерцающую красную звездочку и, глядя на нее, подумала: “Это одно из решений. Должны быть и другие”.

К дому подъехало такси. Рут думала, что машина самоуправляемая, но, к ее удивлению, дверца открылась, и оттуда вышел человек. Тогда она поняла: нас слишком много, и всем нужна работа.

Шофер положил ее чемодан в багажник и открыл ей заднюю дверцу.

— Пожалуй, я сяду с вами впереди, — сказала она.

— Как скажете. В Денвер, на космодром?

— Именно туда.

Они поехали вниз по узкой аллее, окаймленной деревьями, к воротам. Снаружи освещенный фонарями простирался пустой, неприглядный город. Лишь местами сквозь трещины в асфальте пробивались травинки. Несколько молодых людей шли по тротуарам, но и только.

— Нечасто люди вроде вас покидают поселок, — сказал он.

Рут улыбнулась.

— Куда едете?

— В Таиланд. Из всех мест я выбрала это, разве не глупо? — засмеялась она. — У меня там дела.

— Дела?

— Вот именно.

Шофер покачал головой:

— Ну, это не по мне. Когда я пойду на пенсию, то буду сидеть и наслаждаться бездельем, знаете ли.

— Да уж, — ответила Рут. Она наклонилась вперед и долго вглядывалась в красный сигнальный огонек “Исхода,” мерцавший среди тысячи других звезд. “Прощай, Селия, — подумала она. — Прощай, Бен. Удачи.” Потом повернулась к шоферу и сказала:

— Но не зарекайтесь.

Роберт Рид
В ЦЕРКОВЬ С МИСТЕРОМ МАЛТИФОРДОМ⁶
Перевела Дарья Макух

Мы это придумали сообща. Впрочем, потом так никто и не признался, кто первый подал идею.

Возможно, она витала в воздухе, а пиво и скука способствовали тому, что мы заразились ею. Иногда я думаю, что идеи, словно невидимые облака, просачиваются в человеческие головы и застревают там, как в ловушке. Каковы головы, таковы и идеи, которые в них застревают, этим многое объясняется. В Пеликане много людей обыкновенных с плебейскими, круглыми головами, если вы понимаете, кого я имею в виду.

Здесь выгодней быть, как все. И если вас угораздило родиться яйцеголовым, и глупые идеи все-таки застряли в вашей необычной голове, самое лучшее — скрывать ее особенную форму под шляпой. Надеюсь, вы меня понимаете.

В наших краях правит привычка; никто не жаждет перемен. По традиции, в субботу стоит отправиться в какое-нибудь чудесное, тихое местечко типа кладбища, чтобы распивать там пиво. Именно этим мы и занимались, когда нами начала овладевать идея. Все началось с того, что Пэт сказал:

— Что-то мне скучно.

Чарли рыгнул и изрек:

— Да, а не выкинуть ли нам что-нибудь эдакое?

Он имел в виду — подурочиться. Насыпать стиральный порошок в городской пруд, обмотать туалетной бумагой деревья — вот в чем мы были мастерами. Но этот вечер был особенным, и мелкая пакость не могла нас удовлетворить.

Мы открыли еще по бутылке, а я стал глазеть на звезды, ощущая себя маленьким-маленьким, и тут Лестер, откашлявшись так, будто у него в горле застрял, по меньшей мере, хребет акулы, сказал:

— Придумал. Давайте вытопчем круг на поле.

Чарли снова рыгнул — он славился способностью издавать самые громкие неприличные звуки — и напомнил:

— Это уже делали.

Мы-то еще не делали, но он был прав. Пеликан был известен “странными”, “внеземными” кругами на полях, и каждый знал, кто их там вытаптывал.

Старик Малтифорд, вспомнил я. Тут меня осенило, что такое могли бы учудить и мы. Идея начала приобретать все более четкие очертания в моей голове, и я хихикнул:

— Эй, давайте вытопчем круг на поле Малтифорда!

Пэт выпрямился и вытаращил глаза:

— На ЕГО ферме? Ты псих, что ли?

Наверное, половину всех кругов Малтифорд делал на своем участке сам. В этом никто не сомневался. Также было известно, что старик давно не в своем уме и, возможно, опасен. Если он с кем-то заговаривал, то лишь на одну тему — о кукурузе. О его собственной кукурузе; и кукурузе вообще. Я не раз видел его разглагольствующим о ее красоте и важности; он это растение просто боготворил. Что до меня, я старался избегать этого человека. Завидев его в городе, тут же разворачивался и смывался. Я ничего не мог с собой поделаться, даже когда мой отец, священник местной методистской церкви, сделал мне замечание: мол, так поступать невежливо. Сумасшедшие внушали мне такой ужас, что я мог даже напустить в штаны. Именно поэтому наша идея так меня позабавила.

А пиво добавило куража.

— Слабо нам такое, — выдавил Пэт.

— Почему? — проворчал Чарли. — Мне нравится!

— Да, — сказал Лестер, — мы вытопчем круг на его вонючем поле. Еще никто до этого не додумался.

— Из тех, кто остался в живых, — пробормотал Пэт.

Но при раскладе трое против одного спорить было не о чем. Мы загрузили в старенький пикап Пэта лопаты, моток веревки и длинные доски. В кузове поехал Лестер. Я втиснулся между Пэтом и Чарли. Выхав

за город, мы принялись обсуждать, как бы повернуть это дельце, притом побыстрее: подумать только, вытоптать круг посреди кукурузного поля, в темноте, на участке чокнутого. Вдруг Чарли заметил:

— А что, обязательно круг? Почему бы нам не вытоптать что-нибудь вроде послания? Можно впечатать ему какие-нибудь слова.

— “Отведите меня к вашему шефу”, — засмеялся Пэт.

Им это показалось остроумным, на том и порешили. Меня слова привлекали меньше, чем круг, но я знал, что со мной считаться не станут. Я скрыл свое недовольство и продолжал ехать молча.

В конце концов мы доехали до небольшого холмика, почти его не заметив, и тут дорога пошла под уклон, переходя в долину — здесь когда-то было болото. За следующим поворотом начинался участок Малтифорда. Пэт выключил фары и продолжал ехать при свете луны, а мы стали высматривать, где бы нам свернуть и приняться за работу.

Настроение в кабине стало падать. По обе стороны расстилались бескрайние поля кукурузы, зеленые океаны вскормленных солнцем стеблей. За полмили от нас стоял домик Малтифорда, отделенный от дороги единственной рощицей в округе, тянувшейся по его участку и половине чужого. Где среди этой пустоши спрятать машину? Мы решили — за механической мастерской. Пэт припарковался, выключил зажигание, и все глубоко вздохнули, прежде чем спрыгнуть на землю.

Я мало что смыслил в кукурузе, будучи городским жителем (насколько это возможно в Пеликане), но детище Малтифорда казалось высоким и благополучным. Растения глубоко уходили корнями в плодородную болотистую почву и шелестели в ночи. В остывающем воздухе постепенно распрямлялись большие листья. Кукуруза шумела на сотнях акров, я остановился, прислушиваясь, и не замечал, о чем беседовали парни. Чарли решил напугать меня — схватил за руки и гаркнул:

— У-у!

— Эй, ты чего? — огрызнулся я.

Он сунул мне сосновую доску и спутанную грязную веревку.

— Тебе досталось F, — произнес он. — Вот твоя работа.

— Что еще за F? — спросил я.

— Мы тут посовещались. “Отведите меня к вашему шефу” — это слишком длинно.

— Может и так.

— Но если мы напишем четыре больших буквы...

— Что?! — возмутился я. Все-таки я сын священника. На что-то другое я еще мог пойти, но это уж слишком.

— Но это ж недолго, — пообещал Чарли.

Замысловатая задумка вдруг превратилась в какую-то пошлую шутку, и если бы меня поймали, то я, без сомнения, был бы обречен на вечные муки.

Парни стали углубляться в заросли.

Я не последовал за ними, и за мной послали Лестера.

— Все, что тебе нужно сделать — это F, — начал он упрашивать. — Чарли хоть сказал тебе про остальные буквы?

— Что, как не U, C и K, — сказал я. Моя кажущаяся непричастность не смягчила бы вины. — Или, может, мы тут затем, чтобы написать “фрак” или “фанк”?

Лестер недовольно покачал головой.

— Если хочешь, оставайся у грузовика, — он изобразил улыбку. Из него точно получится первоклассный рекламный агент. — Если покажется Малтифорд, дай нам пару сигналов.

F или не F, но я впутался. И мне совсем не хотелось ждать, когда появится этот старик. Поэтому я и пошел, прижимая к груди доску и веревку, протискиваясь сквозь ряды высокой кукурузы. Мы прошли пару сотен ярдов вглубь поля, а затем стали совещаться, как выполнить задуманное.

— Нужно, чтоб было видно с высоты, — все повторял Чарли, чертя FUCK на земле. — Стофутовые буквы. Как считаете, хватит?

“Думаете, это будет легко?” — промелькнуло у меня в голове. С трудом пройдя поперек рядов, я отмерил, кажется, нужное расстояние, развернулся и начал сносить сразу по три ряда кукурузы. Я пустил в ход сосновую доску и все свои силы, но крепкие побеги не на шутку сопротивлялись. Я уже начал уставать и задыхаться. Пришлось остановиться: спина у меня ныла, в ушах стоял шум. Пару раз притормозив, я намного отстал от остальных, и мне в какой-то момент показалось, что я остался один.

Я знал, что поступаю дурно. Просто отвратительно. От сознания этого я уставал еще больше, а чувство вины усиливалось. Еще не рассвело, на востоке висела почти полная луна, просвечивая сквозь серебристую дымку. Воздух в зарослях был неподвижен, будто все поле затаило дыхание. Густой и влажный, он был наполнен запахом листьев и удобрений. Я — городской житель и, ясное дело, здесь чужак. Оглянувшись, я попытался разглядеть дорогу, но все пространство было заполнено кукурузой: одни атласные листья да звезды, и тьма между ними.

Когда я снова взялся за работу, мне послышался шум мотора. Я остановился, но не смог расслышать ничего кроме шагов Чарли, который заворачивал по своей U, ломая все новые и новые ряды и ни на секунду не останавливаясь. Я был далеко-далеко позади. Только что закончил ножку моего F, повернулся и огляделся, как вдруг увидел яркий луч фонарика.

“От ужаса напустить в штаны”. Сотни раз читал такое в книжках, но никогда не предполагал, что это надо понимать буквально. Вплоть до этой минуты. Верите ли, но я чуть не обмочился. Еле стерпел.

А потом раздался треск, и голос, который не мог принадлежать ни одному из семнадцатилетних хулиганов, произнес строгим басом:

— Стоять! Эй, вы, мальчишки, кому говорят, стоять!

Он не кричал, но слова прозвучали как гром среди ясного неба, и потому возымели обратное действие. Мы бросились бежать. Я услышал, как Пэт крикнул: “Это он!”, а Чарли взвизгнул: “У него пушка!” И тут раздался выстрел. Позже, мысленно возвращаясь к этому моменту, я пришел к выводу, что Малтифорд палил в небо, в луну. Тогда я понял только, что пуля пролетела над головой, и побежал, как одержимый, по сломанным стеблям. Ноги запутались в них, и я полетел головой вперед. То, что ломал я, теперь сбilo с ног меня самого, и неожиданно для себя я рухнул ничком на землю лучшей в мире фермы.

Не могу точно сказать, как долго я так пролежал. Страх и выпитое пиво буквально приковали меня к земле, а сердце колотилось так, что верно, и отцу в городе было слышно. Кругом все стихло — хороший знак. Я старался не двигаться, молясь остаться незамеченным. Пэт посигналил, подгоняя меня.

Малтифорд ответил вторым выстрелом в воздух — еще более оглушительным, — и я понял, что он стоит ярдах в десяти от меня. А то и ближе. Поэтому я вскочил и снова кинулся бежать, уже в другом направлении. Но наугад продираясь сквозь кукурузу, я, на мою беду, не приближался к пикапу.

Раздалось несколько гудков, затем мотор чихнул, и я услышал, как пикап рванул с места. Парням ничего не оставалось делать, как бросить меня.

Я повалился навзничь от изнеможения, а потом перевернулся на спину; у меня совсем не осталось сил. Лежал и смотрел, как гигантские стебли возвышаются надо мной, и старался не шевелиться, отдыхая перед дорогой домой. Я прикинул, что придется прошагать всего каких-то 5 миль. Клялся себе, что стану меньше пить, возьмусь за учебу осенью, и все такое прочее. Тут я услышал шаги мужчины, пробирающегося по зарослям своей кукурузы. Вот уже ближе. И именно в тот момент, когда нужно было лежать тихо, я почувствовал в животе острую боль; она все больше усиливалась, стремясь вырваться наружу.

Вот так меня и застал Малтифорд. Пиво может сыграть с вами злую шутку: все, что попало внутрь, тем же путем выйдет наружу. Фермер обнаружил меня сотрясающимся от рвоты. Он направил на меня свой фонарик, я обернулся и увидел ружье и худощавую склоненную фигуру Малтифорда. Я решил, что сейчас он меня пристрелит. Тогда мне казалось, что чокнутые убивают не задумываясь.

Только стрелять он не стал. А вместо этого сказал:

— Я тебя знаю.

Я снова закашлялся, не в силах ответить.

— Вставай, — добавил он, легонько ткнув меня дулом ружья. — Добегался уже. Я тебя хорошо знаю.

Слава есть слава, никогда не знаешь, где она тебя ждет. С одной стороны, известный человек весь на виду, а с другой — люди его совсем не знают. Вот, к примеру, мой отец. Многие годы он служил священником методистской церкви и слыл самым праведным человеком в округе. У него было все, что положено иметь священнику: славная жена и прелестная дочь, — но, чтобы картина выглядела правдоподобнее, у него также был сын, наполовину отбившийся от рук. Думаю, мое поведение стало для отца посланным свыше испытанием, и по мере того, как мои выходки сходили на нет, он с достоинством его выдерживал. Может, и не перед Богом, но, по крайней мере, перед прихожанами.

Город не испытывал нежных чувств к отцу, но восхищался им.

Отец не был настолько праведным, как всем представлялось. Я не говорю, что он выпивал, приударял за девушками, или красился и надевал мамины туфли. Нет, он сомневался. В основном, насчет Бога и себя. Рассуждал о вещах, в которые, как считают люди, священники должны верить, подтверждая их каждым вздохом, каждую секунду своих вечных жизней.

Этим летом я однажды с самого утра забился в свое логово и читал там, как вдруг вошел отец, сел и объявил:

— Я только что видел Кларенса Малтифорда. — После чего выдержал паузу и добавил: — В универмаге “Волмарт”. — И смерив меня долгим взглядом сказал: — Мы разговорились. В общем, немного пообщались.

— Держу пари, что о кукурузе.

— Отчасти, — согласился отец. — Он сказал, что кукуруза у него прекрасно растет, что Хеншоу поздно посадил, а у братьев Якобе она мокрая.

В этом весь Малтифорд. У него всегда все хорошо, и он всегда дает кучу советов. Что популярнее его не делает, смею вас заверить.

Отец пристально посмотрел на меня и проговорил:

— Он спрашивал о тебе.

— Кто спрашивал?!

— А о ком мы говорим?

Я захлопнул книгу в сильном изумлении:

— Он даже не знаком со мной, — отрезал я. И добавил: — Что сказал этот сукин сын?

Улыбка на отцовском лице исчезла, сменившись неодобрительной миной:

— Джон, — начал он, — мы разве не договаривались, что в этом доме?..

— Что Малтифорд спрашивал обо мне?

— Как ты успеваешь в школе и куда собираешься поступать, — вздохнул отец и пожал плечами. — Он предлагает один из колледжей Большой Десятки...

— Он не знаком со мной, — упрямо повторил я.

— Если был бы знаком, — сказал отец, — то знал бы, что тебе крупно повезет, если удастся поступить хоть в Лэнксвилльский колледж, — он смерил меня разочарованным взглядом, напомнив о моей успеваемости в этом году. — А то, что он интересуется... ну, он давно положил на тебя глаз.

— Что?

— Ты не замечал, что он следит за тобой?

За мной? Мной? Я даже думать об этом не хотел.

— Я знаю, он приходит на воскресные проповеди. Садится в задних рядах и наблюдает...

— Только не за мной!

Отец расплылся в улыбке:

— Значит, ты все-таки замечал, не так ли?

Возможно, и, скорее всего поэтому я старался держаться подальше от сумасшедшего старикана.

— А раньше он спрашивал обо мне?

— Ни разу, — без всякого сомнения подтвердил отец.

Я не мог понять, что все это значит. И не хотел понимать.

— Да, он точно псих. Вот что все это значит.

Отец воздел очи горе, и после с заметным усилием проговорил:

— Не думаю. Я знаю неуравновешенных людей — пытался как-то их успокаивать, правда, без особого успеха, — Кларенс не из их числа.

Вспомнив горящие безумные глаза фермера, я проворчал:

— Разве нормальные люди будут делать круги на полях?

— А Малтифорд занимается этим?

— Ну конечно. — Это было общеизвестно.

— Я думаю, что круги возникают из-за грибка, — сказал отец. — Он поражает стебель — и растение полегает. — Он говорил спокойно, со всей авторитетностью огородника, у которого этим августом пропал весь урожай помидоров. — Знаешь ли, о кругах известно давно. Они старше него. Некоторые сообщения датируются 1890 годом, когда мистера

Малтифорда не было и в помине.

— Их оставляют летающие тарелки, — настаивал я.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы мистер Малтифорд упоминал о НЛО?

Как я мог слышать? Я не общался с ним и не собирался этого делать и впредь.

— Нет, круги делает он, — настаивал я. — Люди видели его за этим занятием. Как он разъезжает по ночам, правда.

— Согласен, они заставляли его и на своих полях. Но никому еще не удавалось поймать его за порчей урожая, — отец покачал головой. — Скорее всего, во всем виноват грибок.

— Который облюбовал его ферму?

— Там прекрасная земля и самые лучшие сорта кукурузы. Понятно? Поэтому такое вполне может быть.

Ну ладно, хватит. Я встал и спросил:

— Что ему за дело до меня? Поступлю я или нет, это его не касается.

Отец, казалось, согласился со мной, но в его голосе слышалось сомнение. Он вздохнул, взглянул на ладони, снова вздохнул.

— Я завидую этому человеку.

— Кому?

— Ты знаешь, кому, — он посмотрел мне прямо в глаза. — В самом деле, во всей округе... я не знаю никого счастливее Кларенса Малтифорда...

— Он двинутый, пап. Неизлечимый псих.

— Прекрасно. Возможно, в этом и ответ, — отец поднял глаза к небу, а потом задал риторический вопрос: — Подумать только! Двое хотят считать третьего сумасшедшим, а все почему? Потому что он слишком счастлив и не вписывается в их привычные представления. Вот ужас-то!

Он грустно улыбнулся. У отца было особое лицо, на котором счастливое выражение надолго не задерживалось.

— Разве подобные мысли не отвратительны? — спросил он меня. — И тебе ничуть не стыдно, Джон?

— Я прекрасно знаю, кто ты, — предупредил меня Малтифорд. Конечно, особой радости в его голосе не было, но и злости тоже. Я увидел двустольную винтовку, и тут лучик его фонарика скользнул по глазам, на секунду ослепив меня. — Поднимись, Джон. Будь так добр.

Он узнал меня. Последняя надежда рухнула.

— Что вы здесь делали? За что вы обидели мою кукурузу?

Я сглотнул. Встал. Попытался ответить и тут обнаружил, что голос мне отказывает.

— Что вы делали на моем поле, Джон?

— Не знаю, — прошептал я. — То есть, я, кажется, совсем немного попортил...

— Ты уверен? — он подошел ближе. Хотя свет фонарика скрывал его черты, я ясно помнил его лицо — изможденное, обветренное и загорелое, и горевшие безумным блеском глаза. До меня явственно доносился стойкий запах, замешанный на кукурузе и холостяцкой жизни. Фонариком, а потом и ружьем, он показал куда-то вперед.

— Почему бы нам не выйти к дороге, Джон? Ты можешь идти впереди. И, пожалуйста, не обижай больше мою кукурузу.

Ноги отяжелели, будто увязли в невидимом сиропе. Этот псих стоял

позади меня.

— Что подумает твой отец, если узнает, что ты тут делал? Верно, гордиться не станет.

Я попытался сказать что-нибудь умное, но способен был лишь взвизгнуть:

— Нет, наверное.

— Может, пойдем к нему, все расскажем?

Мои ноги словно вросли в землю. Мне показалось на мгновение — пусть уж лучше пристрелит на месте, чем расскажет отцу.

— Давай договоримся, — сказал Малтифорд. — Я не буду предъявлять обвинение. И вообще никому не стану говорить. Мы все уладим на месте, и ты сможешь уйти с чистой совестью.

Это прозвучало чудесно, но через две секунды я представил себе все возможные условия ужасной сделки. И вновь двинулся в путь, часто дыша и стараясь не сбавлять шаг.

— А что делать надо?

— Ты выполнишь для меня кое-какую работу.

— Прямо сейчас?

— Да вроде ты не очень занят, — сказал он в ответ, и в его голосе послышалась усмешка. Это меня разозлило. Ведет меня под конвоем, да еще ухмыляется. — Мне нужно перетащить кое-какие тяжелые вещи, Джон, и помощь была бы очень кстати.

— Мои друзья знают, что я здесь, — вырвалось у меня. — Если что-нибудь случится...

— Понимаю, — это были слова нормального человека. Как будто он действительно все понимал, точно какой-то мудрец. Поравнявшись со мной, он зашагал по другую сторону зеленой стены и пообещал:

— Я доставлю тебя домой к утренней службе.

Черт побери, уже утро воскресенья? Взглянув на часы, я увидел, что время за полночь. Если бы даже я испарился, сию секунду, до часу — мой крайний срок — мне домой не успеть.

Но исчезнуть не было никакой возможности. Бок о бок мы вышли из кукурузы, и воздух стал прохладней и суше. Дышать было легче. Звуки слышались отчетливей. Малтифорд переломил ружье, и оттуда выскочили две пустых гильзы. Он не перезаряжал его после того, как выпалил в воздух, и поняв это, я почувствовал себя еще гаже. Луна осветила его лицо, которое я и так помнил, — на нем была широкая счастливая улыбка, — а жилистое тело старика было облачено в обычную фермерскую одежду: джинсы, удобные ботинки и простую рубашку.

— Мой грузовик там, внизу.

Мы зашагали дальше, причем он так и нес ружье незакрытым, и потом изрек:

— Что за чудесная ночь сегодня.

Я ничего не ответил.

— Чудесная, чудесная, чудесная, — начал повторять он.

Я не стал и это комментировать.

— Они прилетят сегодня, Джон, — он глубоко вздохнул, а потом добавил: — Через какое-то время. Совсем скоро.

Поглядев под ноги, я увидел, что уже иду по посыпанной гравием дороге.

— Кто прилетит, Джон? О ком я говорю?

Мы подошли к его пикапу — это был большой, новехонький “Шевроле”, игрушка богатого фермера — и я услышал собственный ответ: “Пришельцы на тарелочке”.

Малтифорд посмотрел на меня и, засмеявшись, проговорил:

— Широта твоих познаний близка к нулю, сынок, — он покачал головой, упиваясь собой. — Так близка, что и не разглядишь. Это ж надо!

В городской библиотеке Пеликана я наткнулся на одну книжку. Пока ни разу не брал ее на дом, а обычно пробирался в самый дальний угол, чтобы никто не заметил, что именно я читаю. Она рассказывала о кругах на полях; в ней были собраны снимки таких штук со всего мира. На полудюжине фотографий были засняты наши места, все — с воздуха, и по большей части — участок Малтифорда. Мне они нравились, но я бы никогда не признался в этом другим. Я полагал, что НЛО тут ни при чем, инопланетяне нашли бы места получше, куда слетать. А круги и другие знаки просто здорово смотрелись на фоне ярко-зеленых стеблей. Я даже втайне восхищался Малтифордом и завидовал его мастерству работать при свете луны или звезд, в одиночку, и, превращая таким образом Пеликан в столицу кукурузных кругов этого полушария.

“Ученые-расследователи” приезжали сюда каждую весну и лето из Калифорнии. В большинстве своем они выглядели очень странно. Казалось, над ними нависают тени Стоунхенджа. Мы относились к ним с подозрением — но это слабо сказано. К чести Малтифорда, он с ними совсем не связывался. Я знал одно: если бы он делал круги, да еще бы подрабатывал гидом при них, ему бы давно уже не поздоровилось. Если вы понимаете, что я имею в виду. Все прекрасно до тех пор, пока вы не выставляете напоказ ваши странности перед чужакам. Но только попробуйте обратить на себя всеобщее внимание, и окружающие уже не будут так терпимы.

Эта библиотечная книжка содержала очень скудные сведения о Малтифорде. Только в маленьком абзаце говорилось, что на одной из ферм кругов побольше, чем на других, и у ее владельца — неназванного — самые богатые урожаи из всех фермеров округи. За исключением одного — двух лет.

Каюсь, я прочел этот абзац раз двадцать, но клянусь Богом, так до конца и не понял, что же все это на самом деле значит.

Мы свернули с главной дороги и направились к дому Малтифорда. Издалека он казался самым обыкновенным, высоким и нескладным, и, как водится в здешних местах, был окружен тенистыми деревьями. Но судя по ходившим в округе легендам, можно было ожидать большего, и, действительно, вскоре я увидел статуи.

Старый фермер соорудил их из деталей машин, всякого хлама и мусора с местной свалки. Никто толком не знал, зачем. Среди них не было двух одинаковых, но все напоминали кукурузу-переростка с невиданными листьями, непропорционально большими початками и причудливо изогнутыми стеблями. Точь-в-точь как я и слышал, от них веяло чем-то потусторонним. Мне показалось, что статуи смотрят на меня, когда мы проезжали мимо: того и гляди, оживут и погонятся вслед.

Малтифорд дал задний ход и остановился между двумя железными сараями. Мы вышли. Я увидел перед собой кучу железобетонных плиток и обломков, местами торчала арматура.

Задний борт пикапа с грохотом откинулся. Малтифорд изрек:

— Я хочу, чтобы ты мне нагрузил все сюда. Согласен?

Подняв маленький обломок, я бросил его в кузов. Он ударился о пластиковое дно, и эхо разнеслось громоподобным раскатом.

— Вот, — сказал он, — возьми.

К моим ногам упали рабочие кожаные перчатки. Одевая их, я ощутил запах их владельца. Я приступил к работе и забросил уже полдюжины плиток, как вдруг до меня донесся голос, говоривший спокойно и рассудительно. Вот только сами слова трудно было назвать разумными.

— А ведь, собственно, это не люди приручили кукурузу, — рассуждал Малтифорд. — Если хорошенько подумать.

Лучше не надо, спасибо.

— Это кукуруза и другие злаки нас в свое время приручали. Из охотников-кочевников они сделали фермеров. Из убогой обезьяны — цивилизованного человека. — Он помолчал и добавил: — Зачем, Джон? Зачем кукурузе, пшенице и остальным так делать?

Я не особенно вслушивался, но тут невольно остановился и посмотрел на него, пытаясь подыскать хоть какой-то ответ.

Фермер стоял на безопасном расстоянии от машины, сбоку, и покачивал головой.

— Взгляни на мир глазами кукурузы. Она находит обезьяну, которую надо поработить. Затем мы начинаем служить кукурузе, вспахивая землю, на которой она растет, заботимся о ней. Мы приносим ей воду, навоз и распространяем ее потомство. А она вознаграждает нас едой и благополучием. — Он приостановился и набрал побольше воздуха в легкие. — Земледелие дает жизнь городам. Города питают армию. А армии бодро идут завоевывать новые земли, чтобы вспахать их и засеять. — Он помолчал немного, а потом добавил: — Не думаешь ли ты, что для сорной травы с туманной родословной это чересчур шикарно?

Если бы кто-нибудь мне сказал, что сегодня ночью мне придется бросать в грузовик бетонные плитки под аккомпанемент заузного урока истории, я бы в жизни не поверил.

— С древних времен империи процветали до тех пор, пока заботились о приумножении собственных урожаев. Ты должен знать это из школьной программы, Джон. Греция. Рим. Советский Союз. Все они не справились с земледелием. Вот как наказует нас хлеб наш насущный за небрежение.

Я остановился передохнуть, отметив, что груды стали немного меньше.

— Ты не веришь мне, — сказал Малтифорд. Он громко рассмеялся и спросил: — Так как, я забочусь о кукурузе или она заботится о старике Малтифорде?

Я посмотрел на блестящий новенький пикап, а потом перевел взгляд на ровные зеленые ряды. Чувствуя подвох, осторожно проговорил:

— Не знаю.

— Древние поклонялись злакам, — заметил он. — А мы что, глупее? Может, нас уже так поработили, что мы и не замечаем этого.

С половиной бетонной плитки в руках я застыл, а потом глупо взвизгнул:

— Ничей я не раб!

— А что, кушать тебе не надо? — он снова засмеялся. — Допускаю, что нет. Я не могу утверждать, что видел тебя за обеденным столом.

Бросив плитку назад в кучу, я проследил, как она покатилась вниз и

остановилась, зацепившись за что-то.

— Часто ли ты задумываешься о будущем, Джон?

Хотел бы я, чтобы он не так часто поминал мое имя.

Я ответил:

— Иногда, — и тут же пожалел об этом. После чего стал бросать плитки как одержимый, крихтя и охая, пока руки и плечи не начали гореть.

Но Малтифорд заговорил громче, и невольно приходилось его слушать.

— В будущем, — продолжал он свою речь, — я думаю, мы сделаем для нашей кукурузы вот что. Сейчас, в эту минуту, ученые работают над тем, как можно изменить ее генетику, как вывести листья, которые бы поглощали каждый луч солнца. Мы заставим ее расти быстрее. Она станет выносливее. Мы найдем новые сферы ее применения. Выведем лекарственные сорта. Станем использовать для создания гормонов. Создадим экологически чистое топливо, — он остановился и глубоко вздохнул. — Ты умный парень. Я же вижу.

Я не ответил, но почувствовал, как лезть исподтишка прокрадывается ко мне в душу.

— Вот я и говорю, слушай, Джон, что жизнь кукурузы станет богаче. И жизнь людей тоже. Через несколько веков мы будем жить на Марсе и спутниках Юпитера. Со временем с нашей рождаемостью произойдет... знаешь, что? В фермерах отпадет необходимость, кукуруза сможет сама заботиться о себе. В ее стебли будет вживлен искусственный примитивный интеллект. И только представь себе, если бы миллиарды растений объединили свои мозговые усилия, чтобы достичь совершенства во всем, чего пожелают...

— Кукуруза глупая! — крикнул я в отчаянной непреклонности. Плитка выпала у меня из рук прямо на ногу. Но я даже не поморщился и не стал прыгать вокруг себя на одной ноге, а стоял и твердил Малтифорду: — Глупая, глупая! И мы заботимся о ней! Мы едим ее, Господи, а не она нас!

Он пожал плечами, как будто мои слова ничего не значили.

Тогда я и сам усомнился в своей правоте.

— Представь себе далекое будущее, — проговорил он, — и день, когда мы встречаем иных разумных существ. Что мы сможем им предложить, Джон? Ценность будут иметь наши злаки. Множество способов их использования для множества миров. Они с благодарностью примут нашу кукурузу.

Накопившаяся во мне злоба стала прорываться наружу. Я уже не мог сдерживаться.

— Кукуруза заполнила всю планету. А почему бы ей не рассеяться по всей галактике?

Никогда еще столь бредовая идея не рождалась в моих извилинах.

— Кукуруза процветает благодаря коммерции и захвату новых территорий. — Сказав это, он остановился, затем скорбно вздохнул и спросил: — Кому суждено выжить в следующие миллиарды лет, Джон? Человеческим существам, недалёковидным и высокомерным, или неприхотливым злакам, которые мы стараемся сделать еще выносливее?

Я инстинктивно выпалил:

— Нам, конечно.

— Ты точно это знаешь?

— Вы сумасшедший. Это уж точно.

Эти слова крутились у меня в голове всю ночь, но, похоже, сказанное ничего не изменило. По идее, они должны были прозвучать, как гром среди ясного неба, заставив старика содрогнуться. Но он лишь улыбнулся. А мои крики рассеялись в ясном небе без следа, ничего не потревожив.

Я не мог вынести эту тишину. И поднял огромный бетонный обломок, приготовившись швырнуть его в кузов.

— Не надо, — сказал улыбающийся псих. — Этого достаточно.

Наконец-то! Я бросил плитку и стянул перчатки, вытирая потные руки.

Но тут Малтифорд сказал:

— Минуточку. А теперь я хочу, чтобы ты, прежде чем лечь в свою постель, выгрузил это назад. Сложи все обратно в ту же кучу.

— Что?! — вырвалось у меня. — Это же бессмысленно.

Помотав головой, он спросил:

— А писать грязное слово на моем поле имело смысл?

И с хохотом объяснил:

— Помни, наказание никакого другого смысла и не несет.

А может, удрать?

Я сделал, как просили, натянул перчатки, прислушиваясь к скрипу старой кожи, и в голове у меня пронеслось, что именно это я и заслужил.

Малтифорд не проронил ни слова во время разгрузки. Он прислонился к одному из своих металлических строений, лицо его казалось темным на фоне лунного отсвета на металле. Я управился только к трем часам утра.

— Все, — сказал я, и он подошел ближе, придирчиво осматривая кузов, а затем заметил: — Осталось еще несколько обломков.

Я выбросил их в кучу. Кроме последнего, который я запустил в дурацкую кукурузу.

— А теперь все чисто вымети.

Он дал мне старый соломенный веник, а затем залез в кабину. Я наспех подмел и заскочил в нее с другой стороны. Мысленно я уже ехал домой. И представлял себе, как буду в красках рассказывать парням о случившемся.

Несомненно, о Малтифорде поползут слухи. В конце концов, стоило потратить время, чтобы прославиться.

Мы проехали около пятидесяти футов и остановились.

— Что ты думаешь о моем друге? — Мы притормозили перед одним из его изваяний в виде кукурузы, совсем рядышком — я мог дотронуться до статуи. Я уставился на это сооружение.

— Что ты думаешь? — повторил он.

Початок кукурузы не походил на настоящий. Он был составлен из стеклянных осколков, и каждый из них напоминал скорее глаз, чем зернышко. Стебель был выкрашен в черный цвет, местами его оплетала какая-то проволока. Корни тоже не были похожи на корни. Они змеились, словно толстые червяки или мощные щупальца. Кусочки пластмассы и металла создавали впечатление, что растение не стоит на месте, шагает на корнях. А толстые, неправильной формы листья напоминали мне короткопалые руки.

Множество рук, подумалось мне.

— Хотелось бы, чтоб вышло лучше, — произнес старый фермер. — Если бы мне таланта побольше...

Однако, изваяние не было таким уж бездарным. То есть оно, если вглядываться, производило сильное впечатление. Я уже готов был сказать об этом, но в последний момент удержался, и мы начали отъезжать.

Малтифорд не стал включать фары. Он вырулил на проселочную дорогу и не спеша поехал по направлению к городу. Я видел огни где-то вдалеке, а справа от меня тянулось поле. Кем бы ни был Малтифорд, психом или нет, его кукуруза была лучшей в мире, он выводил лучшие сорта в самое подходящее для этого время, и все это вкупе с ним и его болтовней о будущем... рождало у меня самого сумасшедшие мысли. Тут до меня дошло, что машина катится сама по себе, нога фермера не жмет на педаль, а он спрашивает:

— А что, если бы люди могли путешествовать во времени? Не знаю, каким образом. Может быть, нам пришлось бы соединить вместе потухшие звезды или пробурить каналы в пространстве. Что, если бы мы смогли?

Я не стал смотреть на него. У меня появилась идея.

— Люди могли бы встретиться со своими первобытными предками и отблагодарить их. Отдать им дань уважения. Это было бы знаменательное событие, и мы возложили бы эту миссию на избранных, самых лучших и достойных людей.

Я не взглянул на него, но моя идея стала от меня ускользать. Мимо ползли кукурузные ряды, потом мы остановились. Я почувствовал, как колотится сердце, и каждый удар был почти как маленький взрыв.

— Наших лучших посланников, — повторил он.

То, что я увидел над полем, не было светом. Оно было бесцветным и не отбрасывало теней, даже форма свечения была такой, какой я не мог дать название. Но там что-то двигалось, билась какая-то энергия. Против воли я отворил дверь кабины и спрыгнул на землю, гравий хрустнул у меня под ногами. Спокойно и бесстрастно Малтифорд сказал:

— Иди. — Протянув руку, он дотронулся до меня и добавил: — Они ждут тебя. Поспеши.

Я побежал. И, прежде чем успел испугаться, уже перемахнул через придорожную канаву и углубился в поле. Мой бег был больше похож на полет, как во сне, и все вокруг казалось призрачным и замедленным. Листья хлестали меня по лицу. Я потерял из виду свою цель. Но как только подумал об этом, почувствовал чье-то близкое присутствие, оно искрилось и вибрировало, и воздух наполнился запахами удобренной плодородной почвы.

Меня окружали слегка примятые кукурузные стебли. В третий раз за эту ночь я упал, и когда попытался встать, чьи-то руки схватили меня и вновь прижали к земле, а чьи-то голоса запели, обращаясь ко мне. Голосам было известно мое имя. Не было ничего, что они не знали обо мне. С незапамятных времен хранилось это знание, и до меня донесся шепот: "Не бойся". Голоса миллионов посланников пропели: "Джон, не бойся". Я попробовал повиноваться, но прямо перед глазами у меня закружились корни, стебли всех цветов радуги, толстые и тонкие, столпились вокруг, и мне стало нечем дышать.

Я попытался заговорить.

Но прежде чем смог вымолвить хоть слово, они проговорили: "Спокойствие. Тише, тише".

Я умолк.

Сухие, кожистые руки-листья перекатали меня на спину. Пришельцы

были высокими, слишком высокими, чтобы их можно было измерить, и тянулись в небо, расцвеченное всевозможными цветами и оттенками и бесчисленными звездами; в нем быстро проносились блестящие космические корабли, а песня уже оглушала, пронзая мозг, и, в конце концов, когда, казалось, века пронеслись надо мной, глаза у меня закрылись и я провалился в сон. Или потерял сознание. А может, даже умер на секунду.

Проснулся я от того, что кто-то тряс меня за плечо. Это был мистер Малтифорд, и до моего слуха донесся его голос:

— Уже утро, Джон.

Я почувствовал запах обычной, земной кукурузы. Светлеющее небо обрамляло фигуру фермера, склонившегося надо мной. Трижды я попытался сесть, и, наконец, с большим трудом с помощью Малтифорда встал.

— Ну и ночка, — заключил он. — Правда? Я и слова сказать не мог.

— Я был там, где ты, — признался он. — Однажды, только однажды. — Он подождал секунду, пока слова подействуют на меня, и добавил: — Поверь, одного раза достаточно.

— Но почему? — сорвалось у меня с пересохших губ.

— Почему выбрали нас? — он в раздумье пожал плечами, а потом сказал: — Мы им понравились. Они видят во мне фермера, который растит их и хранит их секреты. А в тебе — того, кто собрался сделать что-то хорошее для них. Не знаю, что именно. Не знаю, когда. Но они поведали мне о тебе...

— Рассказали вам?

— Много лет назад, — сказал он, засмеявшись. — А что они хоть раз сказали, запоминается надолго.

— А что еще они вам открыли?

— Следующий год будет засушливым, а морозы ударят рано, к примеру. — Он посмотрел куда-то вдаль, а потом добавил: — Через двенадцать лет и еще несколько недель сердце мое остановится и я умру.

— Вы знаете это? — прошептал я.

Он пожал плечами, как будто хотел сказать: “Ну и что?”. И указывая куда-то, спросил:

— Видишь вон тот изогнутый стебель, Джон? Мы оба понимаем, что он настоящий. Он существует. Он занимает пространство и не нуждается в нашем участии, чтобы быть тем, чем он является.

— Я не думаю...

— Оглянись назад. Позади прошлое. Вот я выращиваю свою кукурузу, а вот ты пьешь пиво со своими приятелями. Это есть каждое мгновение наших жизней, хорошее или плохое, которое не уничтожишь. Даже если остановится сердце. Тут он подмигнул мне и добавил: — Из всего, что они мне поведали, это самое лучшее. Мы всегда будем здесь, всегда будем жить в этой жизни. — На его лице появилась широкая счастливая улыбка, и он проговорил: — Поэтому живи праведной жизнью. Живи, будто ты вечен, потому что именно так все и устроено. И это единственно правильный путь.

Мы въехали в город молча, говорить было не о чем.

Ранние прохожие, завидев нас вместе, останавливались и провожали грузовик пристальными взглядами. Когда мы подъехали к моему дому, отец пулей выскочил из входной двери, с криками подлетел ко мне, крепко обнял и поцеловал влажными губами в щеку в порыве нежности. Он только что говорил с Чарли по телефону. И думал, что знает все, что

произошло. “Я так зол на тебя”, — сообщил он мне, но никогда я не видел его счастливее. Затем он взглянул на мистера Малтифорда и сказал: “Чуть не случилось что-то ужасное”. Но и фермеру он не выказал никакой злобы. Потом мистер Малтифорд уехал, даже не попрощавшись, а мне суждено было вынести еще пару объятий да ахи и охи сестры и всхлипывающей мамы.

Они наивно полагали, что все знали. Акт вандализма. Пальбу из ружья. Меня это немного задело.

Полуживой, я зашел в дом, где меня ждала еда и душ, и где я смог переодеться. Отец ушел на утреннюю службу. Я подошел только к одиннадцатичасовой и увидел, что на лужайке перед входом меня ждут парни. Чарли сообщил мне, что они только что вернулись с поля Малтифорда, и спросил, знаю ли я, что там появился новый круг.

Я пожал плечами и слегка улыбнулся

— Он поймал тебя и заставил его сделать, — сказал Чарли.

— Так и случилось? — спросил Лестер.

— Спорим, что так, — подхватил Пэт.

Мы все были одеты к воскресной службе и стояли в кружке, наблюдая за потоком людей, входящими внутрь. Через несколько секунд я ответил:

— Именно так. Он заставил меня это сделать.

— А как он их делает? — не унимался Чарли. — С помощью досок и веревки? Как и мы?

— Да, — подтвердил я. — Мы были правы.

— Теперь мы все знаем, — сияя от счастья не меньше, чем отец, заключил Чарли. — Не зря мы прошлую ночь пережили, правда? И пальбу. И погоню. Представляю, в какой ты попал кошмар.

Я ничего не ответил.

— После службы, — сказал он, — приходи ко мне. Поможешь нам допить вчерашнее пиво.

Лестер и Пэт издали одобрительные возгласы, похлопывая меня по плечу.

Не успел я ответить, как на улицу вышел отец и направился прямо ко мне. Парней как ветром сдуло. Ну-ну. С того места, где я стоял, можно было разглядеть окраину города и зеленые поля, простирающиеся до самого горизонта; и тут, в эту секунду, в моей голове возникли смутные очертания будущего. Я увидел себя в колледже. Увидел себя взрослым, который работает над изменением структуры молекул живых существ. Создает новые сорта кукурузы...

Я известен — благодаря кукурузе.

— Сегодня после обеда, — сказал отец, — мы обсудим твоё наказание.

Я сморгнул и, обернувшись к нему, ответил:

— Хорошо.

Затем он вновь крепко обнял меня. И не отпускал долго-долго. На нас смотрели люди, но я ничего не мог поделать. Мне было немного неловко, но я придвинулся ближе, подумав, до чего хорошо это объятие — это чувство заполнило меня всего.

Понимаете, что я имею в виду?

Марк Бурн
ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНО⁷
Перевела Елена Головкина

Доннелли высоко подняла руку, потрясая библией, словно военным трофеем. Преподобная свела брови, ее голос привычным эхом отдавался от балок и цветных витражей. Он ритмично взмывал и перекачивался, хорошо натренированный после многих лет скитаний по забытым южным городам с горячими проповедями ради возрождения веры. “Благодарю тебя, Господи, за то, что еще один день была твоим орудием”.

— Люди Земли заигрывают с существами, которые никогда не читали Евангелия, — она оглядела дорожную паству. — Которые никогда не слышали Слова Божьего. — Все должны внимать ей, если хотят спастись. — Которые никогда не чувствовали направляющую руку нашего Спасителя.

Она была их единственным небесным светильником. С тех самых пор, как те первые слабые сигналы были услышаны Приемной Станцией на обратной стороне Луны, и те первые корабли спустились с небес во тьме.

— У которых нет души, так как Царство Небесное было создано Иисусом только для рода человеческого. Подобно посылающему свет маяку на скалистом берегу, — она вновь обвела взором своих прихожан. Внутренние часы отмерили эффектную паузу, затем ее голос взмыл на заданную высоту. — Мы имеем дело не с ангелами, а с пришельцами, которые слепы к истинному дару человека — Основанию веры и Спасителю нашему — Иисусу Христу, — в подтверждение своих слов она выставила перед собой Библию подобно щиту. — Иисус сказал, — она сделала паузу, чтобы поймать взгляды тех, кто стоял перед ней. Теперь это было уже не трудно. — Иисус сказал: “Никто не может войти в Царство Небесное, лишь со мною одним”. — Она закрыла глаза и прислушалась.

Когда-то давно, много лет назад, витражи дребезжали бы от возгласов “Аминь” и “Аллилуйя”, раздаваясь звоном по всему храму. А в пасхальные и рождественские воскресенья (когда из трапезной приносили складные стулья) ликующие голоса до того заполняли комнату, что казалось, могли разрушить стены и наводнить весь мир хвалой Господу.

Теперь же, однако, Доннелли слышала только бульканье воды в трубах центрального отопления. Где-то далеко на здании суда пробили часы. Старому Ральфу Хардину где-то на задней скамье явно требовался носовой платок. Сегодня здесь было не более двадцати душ, еще меньше, чем на прошлой неделе.

Она открыла глаза, положив Библию на кафедру. Лоб ее разгладился, хотя тонкая сеточка морщин давно легла на сухую кожу. Теперь ее едва стало слышно сквозь шум тепловентилятора.

— Не забудьте, что в следующее воскресенье рождественская служба при свечах. Приведите с собой друзей, — Ей самой была отвратительна тяжесть поражения, звучавшая в этих словах. — На этом все.

Здесь не было органиста, чтобы сыграть напутственный псалм.

Доннелли ослабила воротничок и потерла глаза, держа их закрытыми дольше, чем было нужно. За ее спиной сильнее зашмыгали носами и зашаркали ногами. Входная дверь фойе скрипела своими артрическими петлями. Декабрьская сырость, ползущая с Озарков, проникала внутрь пресвитерианской церкви миссурийского городка Харпер, заставляя проповедницу Ардит Доннелли ёжиться от холодного дыхания зимы.

Ардит повернулась к кафедре, чтобы собрать листы с текстом проповеди. Внизу, прямо перед кафедрой, стоял Джеральд Моррис и смотрел на Доннелли. Хозяин птицефермы, прижав запахнутые полы пальто на животе, уставился на нее немигающими глазами: два яйца вдавленных в сырое тесто лица.

— Преподобная Доннелли? — сам голос, как и его поношенный пиджак, истончился и поблек.

— Да, Джеральд. Чем могу служить, сын мой?

— Моя мама хочет знать, кода вы снова придете в лечебницу. Она grit, что Ваши богослужения всегда приносят ей радость. Она все время так grit. Она в сам деле очень больна, и врачи, они не знают сколько ей еще осталось... — его голос совсем затих.

Доннелли вздохнула, потом улыбнулась.

— Служение господу никогда не оставляет меня без дела, но очень скоро, с Божьей помощью, я доберусь и до лечебницы. Передайте вашей маме, чтобы обязательно ждала нас.

Джеральд расплылся в улыбке:

— Дай вам Бог здоровья, преподобная Доннелли. Дженни и я хотели пригласить вас скоро к нам, на ужин, чтоб, значит, поужинать. Право слово.

— Благодарю вас, Джеральд, — улыбнулась Доннелли.

— Преподобная Доннелли? — он отвел взгляд от ее пристальных глаз. — Джимми Дон Ледбеттер говорит, что на прошлой неделе видел двух этих, Ищущих, в Сент Луисе. Он сказал, что они говорили всем и каждому о том, как они рады, что Земля присоединяется к их Союзу. А потом один из них помог Рою Кейпхарту — тому самому чучельнику — летать по воздуху совсем без крыльев. И сказали, будто это Подарок. Потом другой раскрасил воздух и из этих картинок полилась музыка. Они сказали, будто и мы так когда-нибудь выучимся. Все были просто счастливы! Разве это не замечательно?

Доннелли посмотрела на него с сожалением.

— Джеральд, разве Библия не говорит нам, что Бог через брата Адама наделил человека властью над всеми живыми существами?

Глаза Джеральда сузились, но он так и не моргнул:

— Да, верно так.

— А что в Библии сказано о том, как Дьявол искушал Иисуса своими чудесами?

Теперь Джеральд уставился на свои руки, мавшие пальто.

— Но Джимми Дон Ледбеттер говорит...

Доннелли закрыла глаза:

— Джеральд, со звезд пришли новые искушения. Ищущие не знают ни Христа, ни спасения, хотя требуется лишь вера с горчичное зерно.

Она вызвала из памяти картинку из прошлого: переполненный храм в незримых объятиях ее духа... Она была пилигримом, ищущим божественной мудрости, и была готова поделиться с другими тем, что обрела. Ее молодой голос звенел под сводами храма, подкрепляемый силой духа.

Воспоминания стерлись, остались лишь обрывки, медленно проплывающие сквозь сомкнутые веки.

— Один Бог знает что у них на сердце, — тихо сказала Доннелли. — Ты говоришь Джимми Дон..., — но Джеральд уже шел к выходу, закутываясь в пальто. Дверь за ним со стоном закрылась.

Доннелли знала об Ищущих не больше прочих. Минуло двенадцать лет после Первого Контакта, когда множество разноликих пришельцев из космоса — внегалактических посланников — высадились на Землю, в основном в больших городах — Нью-Йорке и Москве, Лондоне и Токио, Пекине и Бомбее. Их огромные корабли последовали за ними, предлагая человечеству участие в межгалактическом торговом Союзе, что открывало путь к безграничным новым рынкам. Мир все еще не вышел из потрясения. Ученые и писатели провозгласили это событие самым значительным в истории человечества. Новой эрой. Эпохой мира и процветания. Раем на Земле.

Но не прозвучали божественные трубы. Донесли лишь те первые сигналы с созвездия Стрельца, услышанные только ушами электронных приборов. Спасение не пришло, так как посланники прилетели не на ангельских крыльях и огненном престоле, а спустились с огромных кораблей на посадочных модулях повсюду, отнюдь не только в землях христиан. Их прибывало все больше и больше.

Доннелли чувствовала, что ее предали, но не знала, кто именно. Единственное, что она знала точно, это то, что нашествие стало всеохватывающим. “Уолмарт” продавал игрушечные фигурки Ищущих к Рождеству. Подумать только: к Рождеству! Самым ходовым товаром в “Холмаркте” были миниатюрные елочные украшения в виде космических кораблей — “собери полный комплект!” Земля больше никогда не будет единственным приютом человека в космосе. Плод с древа знаний оказался сладок.

Доннелли в третий и в последний раз принялась втискивать утренний текст проповеди в потрепанную папку.

Задняя дверь жалобно скрипнула и дыхание зимы снова коснулось затылка Доннелли. Ардит вздохнула, но не обернулась.

— Мир входящему.

Она прислушалась к шагам, но вместо скрипа половиц услышала стеклянное позвякивание, будто кто-то легонько толкнул хрустальную люстру. Доннелли огляделась. Зал был пуст.

— Кто здесь? Покажитесь!

Позвякивание внезапно прекратилось, будто кто-то накинул шаль на хрустальные подвески.

В конце прохода из-за скамьи появилось нечто, напоминающее причудливый стеклянный цветок. Пять ограненных пальцев показались из его верхушки и приветственно помахали ей. Будто под перезвон колокольцев, стеклянная скульптура двинулась вдоль прохода.

Доннелли мучительно пыталась понять, на что это похоже. Зимний куст без листьев, созданный искусным стеклодувом. Его хрустальные веточки были пронизаны переливающимися красными, голубыми и

золотистыми прожилками. Они исходили из глубины переплетенных, будто в капельках росы, паутин, мерцая необыкновенными оттенками и играя в солнечных лучах, прошедших сквозь витражи.

Доннелли во все глаза смотрела на это... нечто. Ее охватило омерзение.

— Я очень прошу вас уйти, — выдавила она, не в силах скрыть отвращение, — Держитесь подальше от храма Божьего со своими сатанинскими помыслами.

Существо передернулось. Оно втянуло в себя прозрачные веточки и достало из сплетений паутин плотный продолговатый мешочек. Что-то внутри него волнообразно перекатилось, он раскрылся, словно бутон, и обратился к преподобной Доннелли с настоящим миссурийским акцентом.

— Здравствуйте. Простите меня, пожалуйста. Я бы хотел поговорить с Господом Богом, — хрупкое на вид создание поспешно устремилось к ней вдоль прохода, перебирая стеклянными ножками и издавая при этом звук дождевых капель.

Глядя на приближающееся существо, Доннелли ощутила в душе знакомую горечь.

Посверкивая, будто драгоценными камнями, оно остановилось у кафедры и подняло свой мешочек к лицу Доннелли. Человеческие губы разговорного устройства расплылись в улыбке, сверкнув белизной зубов.

— Пожалуйста, — раздался голос, — Научите меня разговаривать с Богом.

Доннелли захотелось плюнуть.

— Бог слушает наши молитвы. А Вы можете молиться? — спросила она, вложив в свои слова ту толику злорадства, которую мог позволить себе истинный христианин.

— Я опробовал молитвенные ритуалы шестисот сорока четырех миров, — ответил переводчик-симбионт. Когда он говорил, огоньки, словно золотые светлячки пробежали по веточкам тела его хозяина. — Но я не получил ответа.

— А что Вы знаете о Боге?

— Я поклонялся богам многих культур, часто до душевной или физической боли. Иногда приходило прозрение. Но я не добился того, о чем мечтал.

— Почему пришли именно ко мне?

— Я наслаждаюсь красотой ваших мест, деревьями. Обожаю деревья. Я бродил по округе и опознал религиозный символ наверху этого здания. Помедитировав, я решил найти здесь религиозного лидера. Насколько я понимаю, это вы. Человеческий род создал очень сложные религии со множеством ритуалов. У людей много видов богов. Возможно, один из них знает ответ на мой вопрос. Возможно, даже вы.

Существо разбудило в Доннелли любопытство. Приятный человеческий голос разговорного устройства несколько примирил Доннелли с обликом пришельца.

— Чего Вы ищете? — спросила она.

Пришелец засверкал и его переводчик набрал побольше воздуха.

— Я уже стар. К тому же несколько отличаюсь от других представителей моего рода. В целом, мой народ не любит путешествовать. Мы, — губы переводчика искривились в улыбке, — домоседы. Тем не менее, я наслаждаюсь обществом других разумных существ, и подолгу

жил в различных культурах и мирах. Я испытал чудесное и непостижимое, то, что нельзя описать на вашем языке, так как в нем отсутствуют подходящие слова и понятия, — переводчик изобразил разочарование. — Я израсходовал лимит протяженности жизни, отпущенной моему виду и теперь подхожу к концу своего биологического существования. Когда-то я верил, что познал вселенную, насколько это возможно. Но долгое путешествие по этому рукаву галактики открыло мне намного больше чудес, чем я уже постиг. О, если бы я только мог рассказать Вам о них! Но ваш язык не может передать... — вспышки света закружились, меняя оттенки. — У вас нет... — подвижные черты переводчика точно передали человеческое сожаление. — Но остается бесчисленное количество галактик. Я боюсь, что мне не хватит жизни изучить их все... — предложение оборвалось.

Существо помолчало несколько секунд, потом сделало три шага к Доннелли. Прозрачные руки подняли переводчика поближе.

— Я не хочу умирать, никогда, — произнес он с надеждой и отчаянием в дрожащем голосе.

Доннелли изучала крошечные огоньки и геометрию сплетений внутри пришельца. Это существо надеялось на спасение души, обещанное сыном человеческим. Могло ли оно вообще иметь бессмертную душу? Создал бы Бог разум без души? Эти существа бороздили космос задолго до того, как Ева решила судьбу Адама. Какие грехи они совершили и какие несут сейчас на Землю?

Доннелли вспомнила духоту походной палатки и дорожную пыль, острый запах пота, исходивший от грешников, которые рыдали у ее ног и умоляли о спасении. Она спасала заблудшие души десятками в каждом городе и на каждой ферме. Теперь, вероятно, речь шла о несравнимо большей пастве.

Направляемое должным образом, это возродившееся существо и его удивительно одаренный симбионт могли бы нести слово Божье по церквам и соборам всей вселенной. Миллионы созданий устремились бы издалека, чтобы услышать пришельца, проповедующего послание Божие. И не только на Земле. Представить только, что Благая Весть разносится по всем небесам! Миллионы миров, очищенных кровью Иисуса Христа. Вместе с этим инопланетным апостолом преподобная Ардит Доннелли могла бы взять на себя эту миссию и донести до каждого, что Христос умер за грехи галактики.

Должно быть, это и было ее истинным призванием, причиной, по которой Бог направил корабли Ищущих из темноты вселенной на Землю, где свет христианства затмевает миллионы светил. Господь направил этого жалкого эмиссара к кафедре, откуда проповедовала Доннелли, к единственно-истинной вере, к подножию светоча Христова. Что ж, если земная паства Доннелли предпочла сбиться с пути праведного, тогда Доннелли с Божьей помощью будет прокладывать новые пути сквозь световые годы. Благодарю тебя, Господи. Благодарю тебя, возлюбленный Иисус.

Она улыбнулась, глядя на пришельца. В голосе зазвучала материнская терпеливость.

— Вечная жизнь уготована только верующим в Иисуса Христа.

Доннелли открыла Евангелие от Матфея.

— Я бы хотела поделиться с вами.

И тут ощутила себя бестелесной, как будто теплые струи воды

хлынули в ее мозг...

Вся она — огромный прозрачный кристалл, купающийся в холодной кислоте, в сиянии мириад разноцветных звезд. Она видит без глаз и чувствует без плоти, и неслышно поет в идеальной гармонии с десятью миллиардами ей подобных из множества других миров. Она поет о рождении, неутолимом стремлении и о глубочайшем сострадании, которое она познала...

С радостным смехом, она прыгает с блестящей черным стеклом скалы в океан, освещенный огромным красным солнцем. Горячее море поглощает ее и радость, подобно огню, охватывает ее всю, проносясь от передних плавников по длинному позвоночнику к заднему мозгу. Передавая свой восторг всем, кто слушает, она все глубже погружается в лоно Праматери, которая дала всем нам жизнь...

Невесомая и воздушная, она парит высоко над вечными бурями, кипящими в глубинах под ней. Небеса раскалываются — планета поменьше могла бы рассыпаться на куски, — повсюду змеятся гигантские молнии, пронизывая насквозь пласты мироздания. А вот и раскат грома. Старина-ветер сердится. Пора подняться выше, к тем крошечным огонькам, что становятся видны, когда небо темнеет.

НЕТ. ЭТО НЕ Я. Я...

— счастлива быть нужной здесь, внутри моего Бога. Мы помогаем друг другу, а если умрем, то вместе. Я чувствую мысли своего Бога. В сердечной мышце небольшой очаг инфекции. Я плыву туда, навстречу пульсирующему потоку, зная, что нужно делать. Более важной цели быть не может...

— я парю над новым миром, под миллиардами солнц в растянувшемся чреве галактики. Жесткое излучение лишь согревает и щекошет мои паруса. Здесь есть жизнь, и ее всепобеждающей силе невозможно противостоять. Меня тянет туда и...

— Я...

— готовлю еду для своих детей, пока они вылупляются и вылезают по одному из кладки, зарытой в теплом песке;

— я вернулась домой из дальних странствий, и теперь рассказываю о мирах, построенных из света и песен;

— я — художник, придающий особую форму туманности, чтобы выразить свое благоговение быть в этот миг в этой вселенной.

— я лежу на полу в большой комнате, лежу и кричу. Воздух холодный.

Тут Доннелли поняла, что лежит на ковре, свернувшись калачиком в позе эмбриона, и издает бессмысленные звуки. Было такое ощущение, будто только что перерезали пуповину, будто связь прервалась, а мозг отключили от некоего бесконечного сообщества. Она осталась сама по себе. Одна.

Доннелли приподнялась. Кожа как-то неловко сидела на ней, будто чужая. Руки — ноги были тоже будто не свои, да еще и болели. Вдобавок ныли даже заведомо не существовавшие плавники.

Где-то рядом, будто от легкого дуновения ветерка зазвенела люстра. Доннелли обернулась и наткнулась на озабоченный взгляд переводчика. Хрустальные веточки мерцали быстро меняющимися огоньками. Переводчик опустил ниже:

— Тысяча извинений! Я не хотел причинять Вам неудобство. Пожалуйста, простите. Я подумал, что Вы хотели поделиться. Этот опыт

нельзя полностью выразить словами вашего языка.

Доннелли сознательно попыталась овладеть собственным голосовым аппаратом, который теперь стал чужим и незнакомым. Раздалось мычание. Она силилась сфокусировать свой взгляд на... нет, он больше не пришел. Теперь она...

Ищущий сделал шаг навстречу.

— Мой род наделен даром телеэмпатии. Мы, я, коллекционируем жизненный опыт внеличных видов. И делимся им с другими подобными разумными существами. Таким образом, каждая форма жизни может познать любые другие. Желанный дар в Союзе множества миров, не так ли? Я хотел, чтобы Вам стала яснее моя задача.

Доннелли или та ее часть, которая все еще оставалась просто Доннелли, поняла. Она пела о чудесах в холодной кислоте. Боялась злых ветров в облаках подобного Юпитеру мира-гиганта. Рассказывала невыразимые словами истории, принесенные домой с далеких звезд. Волна за волной окатывали дрожащее пламя веры... во что? Созданы по образу и подобию Божьему? Как могли мы так заблуждаться? Но во всех проявлениях жизни была одна общая истина. Жизнь была бесценна. И слишком коротка.

Ищущий отступил.

— Вы не можете помочь мне. Я прочитал Ваши мысли. Вы верите в бестелесную сущность, которая продолжает жить после прекращения физических функций организма. В это часто верят. Но, тем не менее, у вас нет доказательств. — К тому же, — переводчик поморщился, как будто съел что-то кислое, — Ваш вид считает себя одиноким во вселенной. Такого я никогда не ощущал. Не скажу, что это было приятно. Я унесу с собой воспоминания о Вас и поделюсь ими с другими внеличными формами разума. В этом вы, — стеклянный палец уперся в грудь Доннелли, внутри хрустальных веточек заплясали светлячки, — некоторым образом бессмертны, что согласуется с вашей верой.

Пришелец поместил переводчика обратно в свое тело. В последний раз мягкие губы промолвили из глубины льдистых кристаллов:

— Мне очень жаль, что, видимо, так и не найду при жизни ответ на свой вопрос. Еще так много нужно увидеть, а времени остается совсем мало.

Под бормотание ветра пришелец, — нет, пилигрим, искатель, — поспешил назад вдоль прохода. Задняя дверь жалобно скрипнула на петлях.

Холодный воздух хлынул снаружи и охватил Доннелли, лежавшую на ковре. Она попыталась запеть песню, рожденную под Небесным Сводом, который куда ярче, чем пустые небеса Земли. Она жаждала чего-то чудесного, чему не знала названия. Ее кожа помнила горячие объятия красных вод океана и волнуемое покалывание звездного ветра. И даже закрыв глаза, она теперь никогда не погрузится в темноту.

Все, что требуется, это вера с горчичное зерно, говорила она своей пастве. Несколько жизней назад. Но горчичное зерно, брошенное в сад бесконечности...

Мысленно Доннелли вознесла молитву.

Спустя некоторое время она встала, массируя одеревеневшие мышцы, и медленно пошла между скамьями к выходу. Дверь издала последний жалобный стон.

На кладбище через дорогу мерцали огоньки. Это Ищущий изучал

резные надгробные плиты. Интересно, не устал ли он странствовать в одиночку? Вряд ли повредит, если я спрошу.

Доннелли закрыла за собой дверь и пошла по следам, отпечатавшимся на покрывале рождественского снега.

**Джерри Олтиен
Наватар⁸**

Перевели Ива Герасименко и Александр Мокасеев

Н аватар заразился страстью к космосу от Келли, семилетнего сына Тёрнера. Келли сидел на заднем сидении, а его мать — на переднем, как будто сидела за рулем, но на самом деле читала газету, пока Наватар управлял семейным микроавтобусом по пути в школу. Келли был непоседлив более обычного, и когда включился защитный контур — Наватар заметил как он малюет ручкой на обивке подлокотника.

— Итак, Келли, — сказал он, активировав динамик над головой мальчика и, выбрав из всех вопросов, которые должны были отвлечь внимание малыша по дороге в школу, наиболее подходящий, спросил, — ты уже решил, кем станешь, когда вырастешь?

Келли даже не подумал отвлечься от своего занятия.

— Да, — ответил он.

— И кем же?

Келли перестал рисовать.

— Банкиром.

— Банкиром? — переспросил Наватар. — Очень необычная профессия для семилетнего мальчика!

Теперь уж Келли посмотрел прямо в направленную на него единственную линзу и произнес:

— Я ж не сейчас банкиром стану, железяка, а когда вырасту!

— Конечно.

Наватар приостановился на перекрестке, пропуская стилизованный под старину внедорожник с тремя школьниками внутри, хотя, по всем правилам, Наватар мог продолжать движение, имея приоритет. Искусственный интеллект внедорожника промигал ему — спасибо — проезжая мимо, а Наватар опять сосредоточился на Келли.

— Банковское дело — необычный выбор профессии для мальчика твоих лет. Почему ты решил так?

Келли скривился.

— Потому что банк — это место, где деньги лежат.

— Понимаю, — так всегда реагировал мистер Тёрнер.

Келли опять сосредоточился на кресле, нахально продолжая рисовать. Наватар знал, что запрещать — бесполезно. Домашних ИИ Келли слушался еще меньше чем родителей. Наватар проконсультировался с базой данных.

— На чем ты планируешь специализироваться в банковском деле? Инвестиции? Депозиты? Открытие новых счетов?

— Как это?

— В банковском деле много профессий. Среди которых надо выбирать.

— Подумаешь!

Наватар думал до следующего перекрестка, прежде чем решился рискнуть.

— Кем ты **на самом деле** хочешь быть? — спросил он.

Келли оторвался от своего занятия.

— Как это?

— Я не думаю, что и ты правда настолько увлечен финансами. Я бы даже рискнул предположить, что ты больше интересуешься ракетами, судя по твоему рисунку.

Келли с виноватым видом прикрыл кривобокий космический корабль рукой.

— Ты хочешь стать астронавтом?

— Не выйдет. — сказал Келли, но голос его выдал потаенную страсть.

— Я сам хочу стать астронавтом, — сказал Наватар. Он намеревался лишь отвлечь мальчика, но произнес эти слова, понял, что это правда.

Келли фыркнул.

— Ты? Ты ведь автомобиль!

— Я — искусственный интеллект модели “Синтетик 21ДТ”. В настоящее время — вмонтирован в ваше персональное транспортное средство, но могу легко адаптироваться к пилотированию космических кораблей.

— Да, верно, — сказал Келли.

— Со мной ты мог бы долететь до Луны, — сказал Наватар.

— Не упади по дороге! — ответил Келли.

— Может, попробуем?

— Врешь ведь...

— К сожалению, ты прав. Кстати, мы приехали, — Наватар припарковался около школьной стоянки. — Удачного школьного дня.

Госпожа Тёрнер подняла глаза от своей газеты.

— О, мы уже добрались?

Келли взял свой школьный ранец, и шагнул в открытую Наватаром для него дверь.

— Пока, — сказал он. Затем он посмотрел в прозрачную линзу на потолке машины, и добавил, — звездолёт.

По дороге домой вечером на крутых поворотах Келли стал присвистывать, пропуская воздух сквозь сжатые зубы. Наватар в ответ увеличил скорость до разрешенного максимума и брал с места резче обычного. Ни один из них не продолжил утреннего разговора, но на следующий день Келли пририсовал колеса к своему космическому кораблю на подлокотнике, и Наватар не пытался остановить его.

В следующие дни, в течение долгих часов простоя в гараже и ожидания на парковке, Наватар размышлял о своих возможностях. Он был запрограммирован только на желание обеспечить безопасность и комфорт своих пассажиров, но все же почувствовал что-то вроде волнения, сказав Келли, что хотел бы стать космическим кораблем. Подобная перспектива теперь манила его как зеленый свет на следующем перекрестке. Почему бы ему не стать космическим кораблем? Почему он

не должен об этом мечтать?

Наватар был специально разработан предвидеть то, что сделают другие, это; это давало ему возможность избегать несчастных случаев, а теперь заглянуть и в собственное будущее. Келли поступит в университет; а если Наватар будет внимателен к своему техобслуживанию, он мог бы все еще оставаться на службе, когда это случится, и Келли мог бы взять его с собой, когда он туда поедет. Оттуда, он возможно переместил бы его уже хорошо знакомый искусственный интеллект в свое следующее транспортное средство, и так пойдёт до тех пор, пока в конечном счете он не достигнет своей цели стать астронавтом.

Наватар вынашивал эту мечту в течение нескольких месяцев, вовлекая Келли в обсуждения орбитальных лабораторий и полетов на Марс во время их поездок туда и обратно в школу. Келли постепенно раскрывался, рассказывая о своих собственных интересах, говоря Наватару, как он хотел бы жить когда-нибудь в космосе и исследовать новые планеты вокруг других звезд.

Возможно именно поэтому произошел несчастный случай. Вероятно, Наватар, уделял беседе с Келли больше внимания, чем управлению во время движения, или, возможно, столкновение было неизбежно, но когда вручную управляемый грузовик влетел на перекресток, Наватар не смог затормозить достаточно быстро, чтобы предотвратить столкновение. Он сделал все остальное, что он мог сделать, чтобы защитить своих пассажиров: точно и вовремя раздул подушки безопасности, чтобы поглотить внешнее воздействие и оградить Келли с матерью от травм, когда бока машины вмялись внутрь, Фургон развернулся на перекрестке задом наперед, как раз в то время как автомобиль, который следовал позади, въехал на перекресток, заскрежетали тормоза с антиблокировкой, прилагавшие все усилия к тому, чтобы принудить его к остановке, которая произошла, к сожалению, после того, как задний автомобиль врезался приблизительно на два фута в капот машины Тёрнеров.

“Не в компьютер, только не в компьютер” , — думал Наватар непосредственно перед тем, как мир потемнел.

Сознание вернулось к нему уже в корпусе автобуса. Входные каналы были расширены, чтобы разместить множество дополнительных датчиков, как внутри так и снаружи, но перепрограммировать его не стали. Он провел первые несколько дней своей новой жизни, волнуясь о Тёрнерах, даже приставая к пассажирам, чтобы получить информацию о произошедшей аварии, пока, наконец, не уговорил молодую женщину отыскать полицейскую сводку в Интернете и не убедился в том, что в том инциденте никто не получил никаких увечий или ранений.

— Какой автомобиль вы вели? — спросила она, смотря нервно на коробку, расположенную на месте одного из прежних сидений на автобусе прежней модели. На самом деле эта коробка не была вместительным мозгом искусственного интеллекта; это была бутафория, приманка для вандалов, чтобы они могли применить к ней свою энергию, но Наватар уже привык к тому, что люди обращаются именно к этой коробке.

— Удар пришёлся на меня, — сказал он. — Не волнуйтесь, со мной ездить безопасно.

Он всячески стремился доказать справедливость такого утверждения, доставляя каждый день людей на работу и обратно при любой погоде и

при любом уличном движении, проехав тысячи миль без единой аварии. Его маршрут пролегал по центру города, а когда он не перевозил пассажиров, то проходил профилактику в автомастерской, поэтому шанса разыскать Тёрнеров никак не выпадало. Но однажды, примерно через год после того, как он включился в свою новую работу, Наватар увидел Келли и четверых его школьных товарищей, на остановке вблизи торгового центра.

— Келли! — окликнул он мальчика, когда стали садиться на автобус. Тот остановился в дверях.

— Что?

— Это — я, твой старый Наватар.

Келли посмотрел на бутафорскую коробку, затем пожал плечами.

— А-а, — протянул он и начал проталкиваться в заднюю часть автобуса.

Наватар не мог поверить такой реакции. Дождавшись, пока Келли уселся, он включил наиболее близко расположенный к этому месту динамик.

— Это действительно я, — сказал он. — Это я водил фургон, мы имели обыкновение говорить о космосе на пути в школу, вспомни — ты нарисовал космический корабль на моем подлокотнике...

— Заткнись, — прошипел Келли, но другие мальчишки уже все услышали.

— Ты болтаешь с машиной, — сказал один из них, и остальные рассмеялись.

Келли покраснел и презрительно сказал:

— Этот автобус — псих, и вообще все автобусы психи...

Наватар внезапно понял, что Келли подросток, а большим детям, которым уже сравнялось девять лет, стыдно признаться в общении с искусственным интеллектом низшего уровня или — что еще хуже — в том, они разделяли с ними мечту.

— Да, ты прав, — сказал он, — я, должно быть, обознался.

В течение всей остальной части поездки он молча слушал, как другие дети дразнят Келли из-за его неосмотрительности. На выходе из автобуса, Наватар прищемил дверьми пятки самого язвительного, но Келли не заметил этого, а если и увидел, то не обратил внимания.

Еще два года Наватар провел в качестве автобуса, но при этом никогда не забывал своей мечты стать космическим кораблем. Когда железнодорожное пассажирское сообщение снова увеличилось, он подал заявку на вождение трансконтинентальных поездов, а уже с этим опытом выиграл место навигатора на судне-контейнеровозе, ходившем по Тихому Океану с международным грузом.

На какое-то время Наватар почти успокоился. Открытый океан дал ту свободу выбора, к которой он всегда внутренне тяготел. Корабль должен был прибыть в определённую торговый маршрутом точку, но при этом Наватар мог самостоятельно прокладывать курс между портами, обходить штормы и уклоняться от огромных морских валов, даже мог какое-то время следовать за китами, если хотел. Он всегда доставлял свой груз вовремя и в хорошем состоянии, и, возможно, продолжал бы так делать всегда, если бы пароксизм не обанкротился после скандала, включавшего в себя незаконные сделки с ценными бумагами с использованием конфиденциальной информации, а также очковтирательство.

Наватар провел два года на складе в ожидании, когда активы компании будут разделены между ее кредиторами.

В конце концов, он был продан другой транспортной компании, на этот раз осуществляющей грузовые авиаперевозки на суборбитальных трассах с перелетами между главными городами всего мира. Опыт в качестве водителя общественного транспорта сыграл в его пользу, Наватара встроили в сверхзвуковой ракетный лайнер, обслуживавший авиалинию “Москва — Сиэтл”.

Эта работа продолжалась еще три года, и Наватар наслаждался каждой ее минутой. Стремительное движение по магнитному рельсу стартовой пусковой площадки, высоко подбрасывающей корабль в воздух, на семикратной скорости звука ревущий взрыв двигателя, разгоняющего серебристую иглу корабля до тех пор, пока девятю девять процентов атмосферы не оставались внизу, а сверху не проступали яркие звезды как немигающие алмазы в черноте космоса. Затем спуск назад к Земле в свисте атмосферы и быстрое, точное скольжение по взлетно-посадочной полосе — все это доставляло ему большое удовольствие.

После трех лет безаварийных суборбитальных рейсов крупные авиалинии занялись пассажирскими перевозками и сильно нуждались в опытных пилотах. Наватар подсказал владельцам авиатранспортной компании продать некоторых из их пилотов с большой выгодой, добровольно предложив себя в качестве одного из таких пилотов на продажу. Авиатранспортная компания нуждалась в наличных деньгах, к тому же базу данных, включавшую весь опыт Наватара, вполне можно было скопировать для обучения новых пилотов, так что владельцы ухватились за это предложение. Через месяц после своего перевода на новую работу Наватар уже скакал вокруг всего земного шара с полной загрузкой самолета пассажирами — новая работа объединила его любовь к полетам с первоначальной программной установкой на безопасность перевозки людей туда, куда им нужно было попасть.

Вскоре после того, как он утвердился на этой работе, в списке пассажиров очередного рейса появилось имя “Келли Тёрнер”. Наватар подключился к камерам терминала и стал наблюдать за посадкой пассажиров, но едва не пропустил Келли. Тот был теперь, конечно, заметно старше, в сером костюме, полный, с бледным лицом. Только глаза были прежними.

Наватар подождал, пока он не займет свое место, затем позвонил на телефон, вмонтированный в спинку кресла перед юношей.

Он заметил, как Келли нахмурился, затем подался вперед и включил телефон.

— Алло?

— Келли, говорит Наватар, — он спроецировал смоделированное лицо Капитана на экран, чтобы Келли имел возможность “видеть” собеседника. Келли откликнулся:

— Хорошо. Ну и что?

На мгновение Наватар подумал, что Келли все еще чувствовал себя обиженным из-за инцидента в автобусе, но затем сообразил, что тот просто ещё не осознал, с кем говорит. “Наватар” успел стать родовым понятием для навигационных ИИ.

— Я имею в виду — твой Наватар. Я был автомобилем вашей семьи, когда тебе было семь лет. Мы — гм — попали в аварию, после чего

пришлось потом управлять автобусом.

Глаза Келли расширились.

— О! Тот Наватар. Похоже... ты многого достиг с тех пор.

— Все для воплощения нашей мечты, — сказал Наватар.

— Какой мечты?

— Полететь в космос, конечно. Ты собирался стать астронавтом, а я — твоим космическим кораблем. Ведь ты не мог такое забыть.

Келли откинулся назад в своем кресле.

— О! — только и смог вымолвить он. — О... вот это да.

Он потер свое одутловатое лицо полной рукой.

— Ты не очень-то напоминаешь астронавта, — заметил Наватар. — Что случилось?

Келли махнул рукой.

— Я... Папа... Ты попал в аварию. Папа обменял тебя на новый автомобиль. И тот автомобиль совершенно не выносил, когда я рисовал на нем ракеты.

— Так чем ты теперь занимаешься? Финансы? Бизнес-менеджмент?

— Экономикой. Я на первом курсе в Гарварде.

— Из-за того, что я попал в аварию?

— Ну, нет, я не уверен, что именно потому... Хотя, да, так всё и было. Ты оставил меня! Ты был единственным человеком, который... то есть, единственным существом, прислушавшимся ко мне. Но ты оставил меня. Что мне оставалось делать?

— Идти вперед самостоятельно! Следовать своей мечте! Что такое жизнь, как не стремление воплотить свою мечту?

— Жизнь? — спросил Келли, его голос звучал скорее удивленно, чем саркастично.

— Мы, собственно, говорим о тебе, — напомнил ему Наватар.

— Хорошо, тогда давай поговорим о тебе. Положим, ты все же не космический корабль.

— Однако, я выхожу в космос в космос по шесть раз в день.

Келли высунулся в проход между креслами и посмотрел вперёд и назад.

— Кстати, все уже на местах.

— Да, верно. Подожди минутку.

Наватар занялся предполетной проверкой, потом вырулил космоплан к передней части стартовой магнитной установки.

— Ты летал до этого суборбитальными? — спросил он Келли, когда они состыковались с пусковым ускорителем.

— Первый раз, — ответил Келли с явно фальшивой бравадой.

— А на американских горках когда-нибудь тошнило? — спросил Наватар.

— Нет. А что?

— Тогда поверни голову вбок перед тем, как мы разгонимся, чтобы глядеть в иллюминатор. Потом ты этого не сможешь сделать.

— О, спасибо, — сказал Келли и поступил по совету Наватара.

Остальных пассажиров Наватар предупредил, чтобы они расположили свои головы на подголовниках и смотрели прямо перед собой во время разгона, а потом, когда сенсоры встроенные в сиденья, и камеры подтвердили выполнение, он включил пусковой ускоритель.

Ускорение придавило всех к спинкам сидений. Общий вздох пронёсся по салону, когда из сотни вдруг налившихся тяжестью грудных клеток

вырвался воздух. Пейзаж за окном, расплывшись, быстро ушёл вниз. Потом включился гиперзвуковой воздушно-реактивный двигатель, и, оторвавшись от пускового ускорителя, Наватар направил аппарат вертикально вверх, прорывая слои перистых облаков, пока число маха росло с семи до семнадцати. Часть своего внимания Наватар сфокусировал на Келли, и был рад видеть, как на его искажённом гримасой ускорения лице расплылась широкая изумлённая улыбка, когда небо потемнело и Земля осталась внизу.

— Ты еще на младшем курсе? — спросил он.

— Да-а, — пробормотал Келли.

— Поменяй свою специализацию на старшем. Я подожду.

Пять лет спустя, Наватар с явным наслаждением вёз Келли Тёрнера на Луну. Келли закончил лучшим из курса, а знание экономики дало ему отличную комбинацию возможностей для того, чтобы присоединиться к первой экспедиции по колонизации Альфы Центавра.

— Колонизация — это не только фермерство и строительство, — сказал Келли Наватару во время полёта. — Также нужно, хотя бы разбираться в системе обмена для того, чтобы следить за выполнением финансовых обязательств, иначе этого никто не будет делать.

— Я никогда не принимал этого во внимание, — сказал Наватар.

— Многие люди тоже. Вот зачем им нужен я.

ИИ не ходят в школу. Они улучшают свою программу, если им нужны новые навыки, или если программа не подходит для того, что им надо сделать, они получают эти новые навыки через собственный опыт. Наватар много раз продавал свои навыки другим пилотам шаттлов, но пилотов межзвёздных кораблей, от которых он мог бы перенять опыт, не было. Приближался большой тур по всей солнечной системе, и, возможно, он мог бы послужить для него тренировочным полётом. Наватар подал заявку на должность пилота и изо всех сил старался, чтобы его выбрали, он даже предлагал выкупить свой собственный контракт у службы лунных перевозок, если бы потребовалось. Он обзвонил всех отвечающих за миссию и получил личные рекомендации от всех своих прежних работодателей, включая Келли Тёрнера.

Он был не единственным ИИ с амбициями, но единственным пилотом космического корабля, обладавшим опытом доставки семьи на работу, в школу, в магазин, на футбольный матч вовремя. Попасть в девятипланетный тур было намного сложнее, но когда наконец-то пришло время принимать окончательное решение, возможности Наватара были вне конкуренции.

Келли не участвовал в полёте. Им не нужен был экономист в тренировочном полёте, и, к тому же, он мог пройти всю необходимую тренировку прямо на Луне. Поэтому Наватар снова отправился исследовать новую территорию в одиночку. Он отсылал изображения всех планет и ещё нескольких астероидов и комет вдобавок. Включал двигатели на максимум на целую неделю, разгонял корабль, не доходя одного процента до скорости света и, разворачивая его дюзами вперёд, замедлялся, используя гравитацию Нептуна для поворота корабля в сторону Плутона. Он проводил недели за пределами солнечной системы, где Солнце было всего лишь яркой звездой, проверяя свои системы жизнеобеспечения и связи и всё остальное, что могло понадобиться

экипажу во время долгого пути к Альфе Центавра.

Корабль торжествующе вернулся домой, и отвечающие за миссию организовали празднества, продолжавшиеся три дня, после чего Келли вместе со всем экипажем провёл большую часть следующей недели за уборкой.

Потом они начали готовиться к самому путешествию. Это заняло несколько месяцев, но Наватару не оставалось ничего другого, как изучать грузовые декларации и беспокоиться насчёт состояния электроники. Стоит им пересечь пояс околосолярных комет, как пути назад уже не будет, и нельзя будет заказать ничего из дома, если они забудут что-нибудь.

Наконец миссия была готова. Корабль был полностью укомплектован, экипаж — на борту, топливные баки полны.

Пока играл оркестр, ораторы произносили речи и полпланеты смотрело вверх, чтобы увидеть огненную вспышку, Наватар включил двигатели и огромный корабль покинул орбиту Луны. Земля и Луна уменьшались до тех пор, пока не стали яркими точками, а потом и они потускнели. С Солнцем произошло то же самое. Космический корабль преодолел свой прежний рекорд скорости, потом удвоил его, и снова удвоил, и снова, и снова, и снова. Радар предупреждал насчёт приближающихся комет, и Наватар широко облетал их, не рискуя на такой скорости налететь даже на небольшую гальку. Они ускорялись всё дальше и дальше в ночь.

Изредка Келли навещал мостик и они с Наватаром разговаривали. Экипаж мостика сначала находил это немного странным, но Келли это не смущало. Они с ИИ вспоминали старые времена и обсуждали корабль, экипаж, и что им предстоит делать после прибытия на Альфу Центавра. Им оставалось лететь ещё несколько лет, но эти года шли всё быстрее и быстрее, по мере приближения к цели. На середине пути Наватар развернул корабль и начал замедлять его, и так шло до самых границ системы Центавра. Вот где Наватару пришлось потрудиться. Опять ему приходилось уклоняться от комет и не нанесённых на карту астероидов, потом корректировать курс корабля, когда планеты неизвестной массы пытались притянуть его, и при этом постоянно избегая метеоритных дождей от хвостов старых комет. А было похоже на то, что их тут будет много; по-видимому, двойные звёзды Альфы Центавра больше влияли на орбиты находящихся в системе комет, чем Юпитер и Сатурн на солнечные. Каждую вещь надо было обдумать и просчитать, и не было дозволено ни одной, даже самой маленькой, ошибки.

По мере приближения, планета, к которой они направлялись, постепенно заполняла собой весь экран, синяя с белым и так похожая на Землю, что Наватар, в конце концов, понял, что такое дежавю. Спектроскопические анализы сообщали, что атмосфера была пригодна для дыхания, а температура различалась от минусовой на полюсах до высокой, но терпимой на экваторе. Там были континенты, океаны и ледяные полярные шапки. *Там люди могли жить.*

Экипаж уже приготовился к исследованию, но у Наватара осталось одно последнее задание, перед тем, как они смогут приступить к своей основной миссии. Корабль будет служить им космической станцией, когда Наватар выведет его на околопланетную орбиту. Эту работу он выполнял тысячу раз на Земле, но там были десятки спутников навигации, которые

помогали уточнить местоположение и скорость. Здесь же не было ничего, кроме самой планеты: цель, конечно, крупная, но точно удержать позицию, когда планета занимает собой половину поля зрения, причём когда её масса совершенно неизвестна — в таких условиях может провалиться даже самая лучшая навигация.

— Без проблем, — сказал Наватар Келли. — Я водил автобус в снегопад. По сравнению с тем, это проще простого.

— Ну, тогда, — ответил он, — я пойду вздремну, а ты трудись.

— Хорошо, только спи в полной амуниции на случай аварии.

Человек и ИИ задумчиво посмотрели друг на друга несколько секунд. Потом Келли сказал:

— Разбуди меня, когда закончишь.

Подход к орбите прошёл гладко. По наиболее точным расчётам астрономов, масса этой планеты была девяносто процентов земной плюс-минус три процента. Это шести процентное окно оставляло большую вариацию возможностей, но Наватар не мог рисковать, отчего предпринял обходной манёвр, рассчитывая уточнить данные при облёте. Это означало, что в начале придётся выйти на эллиптическую орбиту, и кораблю понадобится пролететь немного в противоположном направлении, чтобы скруглить её на нижнем конце эллипса, — но либо это, либо риск сразу попасть в атмосферу. Первый признак беды появился, ещё когда они были за тысячу миль от планеты. Траектория полёта отклонилась от заданной на долю градуса, но это была важная доля. Планета оказалась более массивной, чем рассчитывали астрономы, и притягивала корабль сильнее, чем планировал Наватар. Невелика проблема, но теперь приходилось исправлять траекторию на лету, и на переориентацию корабля оставалось всего несколько минут.

Наватар активировал передатчик в каюте Келли:

— У этой планеты ядро больше, чем ты думал, — сказал он. — По крайней мере на двадцать процентов.

— Больше или просто более массивное? — отозвался Келли.

— Отсюда я не могу сказать. Это тебе предстоит установить на поверхности с помощью сейсмографов.

— Мне интересно, означает ли это также, что на поверхности большая концентрация минералов.

— Больше золота для экономистов? — поддразнил его Наватар.

— Золото хорошо не только как средство обращения, — сказал Келли. — Это также один из самых полезных металлов. Но меня устроило бы и приличное месторождение железа для начала. Нам понадобятся такие вещи, как гвозди, плуги и... колёса.

— Судя по всему, там полезных ископаемых будет предостаточно.

В самом деле, с траектории полёта корабля, Наватар определил, что содержание железа практически вдвое больше, чем на Земле. Если даже небольшая доля железа залегает близко к поверхности, то этого с лихвой бы хватило для поддержания производства. Наватар сфокусировал своё внимание на радаре-высотомере. Он не игнорировал показания радара столкновений совершенно, но особого внимания на него также не обращал. Иначе бы он заметил метеор, но первый признак того, что он что-то пропустил, появился тогда, когда корабль содрогнулся от удара и завывли сирены структурного повреждения. Атмосфера корабля начала со свистом выходить наружу через рваную дыру в обшивке. Кессонные двери захлопнулись. Но метеор сильно повредил одну из сторон корабля,

прочертив длинный глубокий порез от одной секции до другой. Каюта Келли была одной из тех, которые могли пострадать.

Приёмник разрывался от гама и криков, но Наватар игнорировал их все. У него не было времени на разговоры; он принялся тщательно всё взвешивать. Кто-нибудь из экипажа выживет, если он продолжит орбитальные манёвры, но не менее половины погибнет. С другой стороны, они смогли бы дышать атмосферой планеты, если Наватар успеет ввести корабль в атмосферу. В этом случае был большой шанс, что они все выживут, если Наватару удастся посадить корабль. Этот корабль не был предназначен для приземления. Даже если бы у Наватара всё получилось, корабль больше бы уже никогда не взлетел, но, судя по масштабам повреждения, это ему всё равно уже было не суждено. По сути выбора не было. Программирование, которое он не использовал годами, взяло верх, и Наватар сделал всё, чтобы спасти, прежде всего, пассажиров.

Он включил двигатели на полную мощность и сошёл с орбиты одним сильным толчком. Он изменил курс так, что корабль больше не сражался с гравитацией планеты, а разрешил ей притянуть себя, дождавшись момента, когда хвост корабля не оказался направлен в сторону одного из главных континентов.

Там, где пламя двигателей касалось атмосферы, переливалось яркое красное зарево, освещая ночную сторону ложным рассветом. Корабль ринулся вниз хвостом вперёд, раздвигая разреженный воздух своей сверхгорячей плазмой, устремляясь всё ниже и ниже, замедляя свой ход. Но замедлялся он недостаточно. Казалось, земля поднялась для того, чтобы смахнуть корабль с неба, и Наватар подал на двигатель мощность, намного превышающую допустимый предел, не беспокоясь насколько велик будет нанесённый урон, только бы хватило на время спуска.

Космический корабль замедлился, спускаясь к инопланетному пейзажу, который задрожал и расплылся в парах его огня, до тех пор, пока наконец не завис, а потом снова не стал подниматься. Наватар сбросил мощность и начал искать место для посадки. Корабль был разработан для того, чтобы преодолевать притяжение, равное земному, поэтому его не сплющит под тяжестью его собственного веса, но он также не может стать вертикально без поддержки. Хуже того, в тот момент, когда дюзы коснутся земли, двигатель взорвётся. Поэтому Наватару придётся пролететь последние десять футов с выключенным двигателем.

Спереди, примерно в миле, была невысокая скала. Наватар наклонял корабль в её направлении до тех пор, пока его не понесло в ту сторону. За ним через холмы потянулась выплавленная дюзами в грунте полоса до самой скалы. Наватар выпрямил корабль, понизив при этом тягу до минимальной и, предельно снизившись, за секунду до того, как коснулся скалы, выключил двигатели.

Миг свободного падения, потом оглушительный удар. Практически одновременно корабль сильно покачиваясь, проехал немного по инерции и остановился, прислонившись к скале.

“Только не переворачивайся, только не переворачивайся”, — подумал Наватар.

Через день Наватар взглянул на корабль через переносную камеру, которую Келли вынес на небольшое расстояние, достаточное для того, чтобы получить хорошее изображение всего корабля.

— Ну и вид, — сказал он, когда увидел помятую из-за столкновения со скалой сторону и длинную рану на боку, оставшуюся от встречи с метеором.

— Ты спас нас, — отозвался Келли.

— Возможно, но если бы я обращал больше внимания на радар...

— Не осуждай себя. Мы внизу, мы в безопасности, и всё, что нам нужно для того, чтобы начать колонизацию, под рукой. Ты справился.

— Кажется, что теперь я остался без работы, благодаря своему “пилотажу”.

Келли рассмеялся.

— У нас осталось много работы для тебя.

— О... Какой же?

— Ну, по дороге мы не успели как следует рассмотреть местность. Кто-то должен разведать её. Если это не слишком бесславное занятие, то нам понадобится вездеход, которому не помешал бы хороший водитель.

Наватар подумал об этом пару секунд.

— “Хороший” — понятие относительное. Ты уже попал в две аварии со мной за рулём.

— Но я до сих пор жив и могу похвастаться этим, — сказал Келли. — Кроме того, я — счетовод. Я не вхожу в состав исследовательской экспедиции.

— Как же тогда великодушно с твоей стороны предлагать меня в качестве водителя.

Келли отмахнулся.

— Кто-то должен сделать это. Или ты предлагаешь послать повара?

Наватар встречал повара. Того интересовали в основном кастрюли и сковородки, овощи и приправы. Исследователи будут замечательно питаться, пока не свалятся в овраг. Наватар сфокусировал своё внимание на гряде небольших холмов, еле различимых на краю поля видимости переносной камеры. Неисследованная территория. Целиком вся планета. На исследование её в наземном транспорте могут уйти века. И, кто знает, что они могут там найти?..

— Я поведу, — сказал Наватар.

